

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

ВЕСНИНА Людмила Евгеньевна

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ
И ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)**

10.02.01– русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор А. П. Чудинов

Екатеринбург – 2010

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ.....	14
1.1. Когнитивное и психолингвистическое направления в исследовании метафорического моделирования миграции	14
1.2. Метафорическое представление миграции в зарубежных и российских исследованиях	30
1.3. Социологические основы исследования миграции	34
Выводы по первой главе	49
ГЛАВА 2. МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ..	52
2.1. Дискурс СМИ как особый вид институционального дискурса ...	52
2.2.1. Специфика современного миграционного дискурса СМИ	59
2.2. Общая характеристика метафорических моделей	65
2.3. Милитарная метафорическая модель	70
2.4. Криминальная метафорическая модель	87
2.5. Гидронимная метафорическая модель	109
2.6. Этническая метафорическая модель	116
2.7. Экономическая метафорическая модель.....	126
2.8. Зооморфная метафорическая модель	135
2.9. Морбиальная метафорическая модель	144
2.10. Физиологическая метафорическая модель	150
Выводы по второй главе	154
ГЛАВА 3. МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА	159
3.1. Свободный ассоциативный эксперимент как способ исследования языкового сознания	159

3.2. Структура и содержание понятия «мигрант» по данным свободного ассоциативного эксперимента	164
3.3. Метафорическое представление миграции в реакциях свободного ассоциативного эксперимента	180
3.3.1. Общая характеристика метафорических моделей, репрезентирующих миграцию в реакциях свободного ассоциативного эксперимента	180
3.3.2. Зооморфная метафорическая модель	184
3.3.3. Пространственная метафорическая модель.....	188
3.3.4. Этническая метафорическая модель	190
3.3.5. Экономическая метафорическая модель.....	194
3.3.6. Предметная метафорическая модель.....	195
3.3.7. Милитарная метафорическая модель	196
3.3.8. Криминальная метафорическая модель	197
3.3.9. Фитоморфная метафорическая модель	198
3.3.10. Морбиальная, гидронимная, театральная метафорические модели и метафоры неживой природы.....	198
3.4. Сопоставительная характеристика метафор, представляющих миграцию в СМИ и в реакциях свободного ассоциативного эксперимента	199
Выводы по третьей главе	206
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	209
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	217
ПРИЛОЖЕНИЕ	242

ВВЕДЕНИЕ

С недавних пор пристальное внимание отечественных и зарубежных ученых различных специальностей обращено к проблемам миграции: социологи и психологи изучают такие его стороны, как адаптация мигрантов к проживанию в России, процесс социализации детей мигрантов (К. Оберг, Дж. Берри, В. В. Гриценко, А. В. Дмитриева, А. А. Хохлова, Т. Н. Юдина и др.); политологи и экономисты исследуют вопросы миграции с целью выявления роли мигрантов в современном российском обществе и экономике страны (Л. И. Графова, Ж. А. Зайончковская, В. И. Мукомель и др.). Нередко можно встретить также методические и собственно филологические работы, посвященные данной проблеме: методические рекомендации по обучению мигрантов русскому языку (Е. В. Какорина, О. Н. Каленкова, Э. Ю. Попова, Т. В. Савченко и др.), лингвокультурологические характеристики понятия «мигрант» (О. С. Иссерс, О. А. Михайлова, Э. В. Чепкина и др.), заметки об особенностях образного представления мигрантов и миграции (Дж. О'Брайен, И. ван дер Валк, Е. Г. Кабаченко и др.) и т.д. На данном этапе необходимо выявить составляющие целостного метафорического образа мигранта и миграции, существующих в языковом сознании россиян.

Настоящая диссертация посвящена сопоставительному когнитивному исследованию метафор, представляющих миграцию, с одной стороны, в российских печатных СМИ, а с другой – в реакциях свободного ассоциативного эксперимента.

Актуальность работы обусловлена, во-первых, пристальным вниманием к теме миграции; во-вторых, возрастающим интересом лингвистов к языку СМИ, которые, по существу, перестали быть просто источником информации и, по словам М. Н. Володиной, «являются неотъемлемыми компонентами социального бытия современного человека, основными средствами его приобщения к событиям окружающего мира, посредниками в формировании культуры» [Володина 2008: 3]. Деятельность СМИ рассматривается в

рамках современной науки о языке как деятельность дискурсивная, т.е. тексты СМИ анализируются как входящие в особый тип дискурса – дискурса публицистического (Н. Д. Бурвикова, М. Н. Володина, В. И. Карасик, В. Г. Костомаров, Е. С. Кубрякова, Е. А. Нахимова, Л. В. Цурикова, А. П. Чудинов и др.). Поскольку «СМИ оказывают на нас не только сильнейшее влияние, но и сильнейшее давление» [Кубрякова, Цурикова 2008: 183], то можно говорить о том, что они, с одной стороны, – зеркало общественной жизни; а с другой – средство воздействия на общество. Социальная жизнь отражается СМИ несколько искаженно, информация в них обработана и препарирована с целью максимального воздействия на массового адресата, формирования его мировосприятия и культуры.

Наконец, актуальность исследования связана и с тем, что анализ результатов свободного ассоциативного эксперимента дает доступ к языковому сознанию индивида и социума. Само ассоциирование – процесс двойственный, поскольку, «с одной стороны, ассоциируя, индивид воспроизводит личностный опыт, с другой – повторяющийся типичный, т.е. языковой и социальный опыт» [Паутова 2007: 150]. Следовательно, на основе анализа ассоциаций, возникающих у респондентов, можно говорить не только об индивидуальных особенностях восприятия действительности, но и о социальном характере реакций.

Таким образом, актуальность исследования метафорических моделей, представляющих миграцию в российских печатных СМИ и в результатах психолингвистического эксперимента, обусловлена возможностью сопоставления концептуальных метафор в СМИ и в реакциях, полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Сопоставление метафор, использующихся для репрезентации миграции в отечественных печатных изданиях и в реакциях российских респондентов, данных в процессе психолингвистического эксперимента, позволяет полнее понять особенности отношения россиян к названному феномену.

Объект исследования – метафорическое представление миграции в дискурсе российских печатных СМИ (2000 – 2010 гг.) и в материалах свободного ассоциативного эксперимента (2007 – 2010 гг.).

Предмет исследования – особенности метафорического моделирования миграции в дискурсе российских печатных СМИ в сопоставлении с метафорическим моделированием миграции в рамках свободного ассоциативного эксперимента.

Цель настоящей диссертации – выявление общих и специальных закономерностей метафорического моделирования миграции, с одной стороны, в российских печатных СМИ, а с другой – в реакциях, полученных в процессе свободного ассоциативного эксперимента.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Определить теоретические и методологические основы когнитивно-дискурсивного и психолингвистического исследования метафоры как способов представления миграции.

2. Выявить и систематизировать метафоры, репрезентирующие миграцию в дискурсе российских печатных СМИ.

3. Выделить метафорические модели, представляющие миграцию в дискурсе печатных СМИ, и проанализировать их.

4. Провести психолингвистический эксперимент, выявить и систематизировать метафоры, репрезентирующие миграцию в реакциях российских респондентов.

5. Выделить метафорические модели, представляющие миграцию в реакциях, полученных в процессе свободного ассоциативного эксперимента, и проанализировать эти модели.

6. Сопоставить метафорические модели, обнаруженные в результате анализа данных свободного ассоциативного эксперимента, с метафорическими моделями, выявленными в ходе анализа печатных СМИ.

В связи со спецификой темы диссертации **материалы** для исследования были отобраны из двух источников.

1. Различные по жанровой принадлежности публицистические тексты, извлеченные из российских СМИ: *Комсомольская правда, Аргументы и факты, Новая газета, Правда, Труд, Российская газета, Время новостей, Известия, Газета.ru*. Всего проанализировано 4458 текстов (за период с 2000 по 2010 гг.), из которых отобрано 1529 метафорических единиц. Все рассмотренные тексты относятся к одному тематическому блоку (проблемы миграции в Россию) и рассчитаны на массового адресата.

2. Реакции, полученные в процессе свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с 2007 по 2010 гг. с российскими респондентами (609 студентов 1 – 3 курсов ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» в возрасте от 17 до 22 лет).

2000 – 2010 гг. рассматриваются нами как один исторический период в жизни страны.

Методологической основой исследования, является, во-первых, теория концептуальной метафоры (А. Н. Баранов, М. Блэк, Э. В. Будаев, М. Джонсон, Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.), во-вторых – теория и практика современной психолингвистики (О. С. Виноградова, В. П. Глухов, И. Н. Горелов, Е. И. Горошко, Т. А. Гридина, А. А. Залевская, Ю. Н. Караулов, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, В. Ф. Петренко, Л. В. Сахарный, К. Ф. Седов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова и др.).

В работе использовались следующие **методы** исследования: моделирование, когнитивно-дискурсивный анализ, классификация, контекстуальный анализ, семантическое описание, статистическая обработка материала, свободный ассоциативный эксперимент, количественные методы обработки ассоциативного материала, а также метод обобщения и сопоставления языковых фактов.

Теоретическая значимость диссертации связана с углублением представлений о механизмах метафорического моделирования применительно к сфере средств массовой информации. Выявленные особенности метафорического представления миграции верифицированы при сопоставлении данных СМИ с данными психолингвистического эксперимента. Метафорические модели, представляющие миграцию, рассмотрены с точки зрения их актуальности для сознания российского социума и конкретного носителя языка.

Научная новизна диссертации заключается в том, что проведено сопоставительное комплексное описание метафорических моделей, представляющих миграцию в российских печатных СМИ, и реакциях, полученных в результате анализа ассоциативного эксперимента. Результаты сопоставительного анализа метафорического моделирования миграции в СМИ и данных психолингвистического эксперимента обнаруживают следующие общие тенденции: актуальность этнической метафорической модели, образы которой представляют миграцию со знаком минус, что свидетельствует о негативном восприятии россиянами представителей некоторых национальностей; тенденция к использованию предметной метафорической модели; малопродуктивность и низкочастотность морбиальной и физиологической метафорических моделей.

К числу закономерностей, характерных только для СМИ, относится использование военной, криминальной и гидронимной метафорических моделей с негативным прагматическим потенциалом. В качестве закономерностей, характерных только реакций, полученных в процессе свободного ассоциативного эксперимента, можно отметить высокочастотность зооморфной модели с положительным и отрицательным полюсами оценки.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использования полученных теоретических данных и практических результатов при разработке лекционных и практических занятий по курсам «Язык современных СМИ», «Основы толерантности», частично по курсам «Межкультурная коммуникация» и «Психолингвистика». От-

дельные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы специалистами по социологическим и экономическим проблемам миграции, а также журналистами, освещающими проблемы миграции в СМИ, и сотрудниками, связанными с организациями избирательных кампаний.

Апробация материалов исследования. Содержание диссертации обсуждалось на заседаниях кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета. Основные положения диссертации были изложены автором на региональных, общероссийских и международных научно-практических конференциях: «Уральские лингвистические чтения» (Екатеринбург 2007); «Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России» (Екатеринбург 2007); «Политическая коммуникация» (Екатеринбург 2009); «Современная политическая коммуникация» (Екатеринбург 2009); «Актуальные проблемы лингвистики и теории преподавания языков и культур» (Шадринск 2009); «Культура в зеркале языка и литературы» (Тамбов 2010); «Информационное пространство современной науки» (Чебоксары 2010); «Актуальные вопросы общего и кавказского языкознания» (Махачкала 2010); «Гуманитарная наука сегодня» (Казахстан, Караганда 2010); «Предъявление мира в гуманитарных дискурсах XXI века» (Украина, Луганск 2010); «Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры» (Екатеринбург, 2010).

Результаты исследования нашли отражение в следующих публикациях:

В издании, включенном в реестр ВАК МОиН РФ:

1. Веснина, Л. Е. Метафорическое моделирование миграции в российских печатных СМИ / Л. Е. Веснина // Политическая лингвистика: Сб. науч. тр. Вып. 1 (31) / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – С. 84 – 89.

В сборниках научных трудов и в материалах научно-практических конференций:

2. Веснина, Л. Е. Милитарная метафора, представляющая образ мигранта в отечественных СМИ / Л. Е. Веснина // Лингвокультурология: Сб. науч. тр. Вып. 3 / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – С. 97 – 98.

3. Веснина, Л. Е. Метафорическая модель «Мигрант – это внешний враг», представляющая миграцию в дискурсе российских печатных СМИ / Л. Е. Веснина // Предъявление мира в гуманитарных дискурсах XXI века: Сб. науч. статей / Луганск. нац. ун-т им. Тараса Шевченко. – Луганск, Украина, 2010. – С. 24 – 31.

4. Веснина, Л. Е. За два метафорични модела, представящи миграцията в дискурса на руските печатни меди / Л. Е. Веснина // Филологическо списание: Сб. науч. тр. / Университетско издателство: Св. св. Кирил и Методий. – Велико Търново, България, 2010. – Кн. 2. – С. 281 – 284.

5. Веснина, Л. Е. Метафорическое представление национальных свойств / Л. Е. Веснина // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России: Материалы Международной научной конференции – ноябрь 2007 / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007. – С. 36 – 38.

6. Веснина, Л. Е. Зооморфная метафора, представляющая образ мигранта в российских СМИ / Л. Е. Веснина // Актуальные проблемы лингвистики и теории преподавания языков и культур: Материалы междунар. науч.-практ. конф. / Изд-во ШГПИ. – Москва – Шадринск, 2009. – С. 18 – 21.

7. Веснина, Л. Е. Метафорическая модель «Мигрант – это раб» / Л. Е. Веснина // Современная политическая коммуникация: Материалы научной конференции – сентябрь 2009 / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – С. 54 – 56.

8. Веснина, Л. Е. Метафорическая модель «Мигрант – это товар» / Л. Е. Веснина // Политическая коммуникация: Материалы Всероссийской научной школы для молодежи – август – октябрь 2009 / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – С. 102 – 107.

9. Веснина, Л. Е. Метафорические модели, представляющие образ мигранта в российских печатных СМИ / Л. Е. Веснина // Информационное пространство современной науки: Материалы Международной заочной научно-практической конференции – февраль 2010 / НИИ педагогики и психологии. – Чебоксары, 2010. – С. 346 – 359.

10. Веснина, Л. Е. Метафора рабства, представляющая образ миграции в российских печатных СМИ / Л. Е. Веснина // Гуманитарная наука сегодня: Материалы II Международной научной конференции / Центр гуманитарных исследований. – Караганда, Казахстан, 2010. – Т. 2.– С. 10 – 12.

11. Веснина, Л. Е. Они о нас: форумы таджиков о россиянах / Л. Е. Веснина // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры: Материалы Международной научной конференции (13-17 сентября 2010) / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – С. 146 – 156.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Перспективным направлением дальнейшего развития теории концептуальной метафоры является сопоставление метафорических моделей, обнаруженных в текстах средств массовой информации, с метафорическими моделями, обнаруженными в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Подобное сопоставление способствует более полному пониманию специфики метафоризации тех или иных смысловых областей в различных дискурсах.

2. В дискурсе отечественных средств массовой информации активно функционирует восемь доминантных метафорических моделей, представляющих миграцию: милитарная, криминальная, этническая, гидронимная, экономическая, зооморфная, морбиальная и физиологическая.

3. Российскому медийному миграционному дискурсу свойственна этнизация, которая, в частности, обнаруживается при анализе частотной и высокопродуктивной этнической метафорической модели. Метафоры, функционирующие в рамках данной модели, отражают негативное отношение к представителям некоторых национальностей.

4. Верификация особенностей метафорического моделирования миграции с помощью ассоциативного эксперимента обнаружила двенадцать метафорических моделей: зооморфная, пространственная, этническая, военная, предметная, криминальная, фитоморфная, экономическая, морбиальная, театральная, гидронимная, а также метафоры со сферой-источником «Неживая природа». Для участников эксперимента наиболее актуальной является такая составляющая миграции как «перемещение в пространстве», что подтверждается реакциями всех уровней ассоциативного поля понятия «мигрант».

5. Доминирование в миграционном дискурсе СМИ метафорических моделей с негативным прагматическим потенциалом (военная, криминальная, этническая и гидронимная метафорические модели) вовсе не обязательно является отражением негативного отношения россиян к мигрантам в реальной действительности. Об этом свидетельствуют результаты, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента: лишь треть (31,3 %) от общего количества реакций, данных на слово-стимул «мигрант», имеют отрицательные коннотации.

Структура диссертации определяется ее задачами, отражает основные этапы и логику развития исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, а также включает списки использованной литературы, словарей, источников языкового материала, приложения.

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы; определяются объект и предмет исследования; обозначается его цель и задачи; указывается материал, методология и методы исследования; раскрывается его научная новизна, теоретическая и практическая значимость; приводятся сведения об апробации работы, а также формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе определяются теоретические основы исследования метафорического моделирования миграции. Анализируются основы когнитивного и психолингвистического направлений в исследовании метафорическо-

го моделирования; излагаются некоторые теоретические аспекты анализа метафорических моделей; обосновывается выбор когнитивно-дискурсивной и психолингвистической методологий; приводится обзор исследований, посвященных изучению метафорического моделирования миграции; дается социологическое обоснование исследуемой проблемы.

Во **второй главе** дискурс СМИ рассматривается как особый вид институционального дискурса; обозначается специфика российского медийного миграционного дискурса; представляется характеристика ведущих метафорических моделей, используемых в дискурсе российских печатных СМИ для репрезентации миграции: определяется их продуктивность, частотность и прагматический потенциал.

В **третьей главе** освещаются теоретические аспекты свободного ассоциативного эксперимента; производится анализ результатов свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди студенческой аудитории, с целью выявления структуры ассоциативного поля понятия «мигрант», существующего в языковом сознании россиян; описываются метафорические модели, представленные в результатах свободного ассоциативного эксперимента; а также сопоставляются данные психолингвистического эксперимента с результатами исследования доминирующих метафорических моделей, репрезентирующих миграцию в дискурсе российских печатных СМИ.

В **заключении** делаются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшего сопоставительного исследования концептуальной миграционной метафоры по результатам анализа средств массовой информации и по результатам психолингвистических экспериментов.

Диссертация содержит **приложения**. В качестве приложений в работу включены таблицы и образец анкеты, предложенной информантам в ходе проведения психолингвистического эксперимента, результаты которого представлены в третьей главе.

Список **литературы**, состоящий из – 203 работ, включает исследования, оказавшие важное влияние на формирование концепции диссертации.

Глава 1. Теоретические основы исследования метафорического моделирования миграции

Данная глава посвящена рассмотрению теоретических основ когнитивного и психолингвистического исследования метафорического моделирования миграции. Глава состоит из трех разделов, каждый из которых призван решить ряд следующих задач:

- 1) представление когнитивного и психолингвистического направлений в исследовании метафорического моделирования миграции;
- 2) обзор исследований, посвященных изучению метафорического моделирования миграции;
- 3) рассмотрение социологических основ когнитивного и психолингвистического исследования миграции.

1.1. Когнитивное и психолингвистическое направления в исследовании метафорического моделирования миграции

Когнитивная лингвистика является одним из направлений когнитивной науки в целом, появившейся в середине XX века в процессе изучения обычного человеческого сознания и ставящей своей целью исследование процессов восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира. Другими словами, «когнитивная наука – это наука об общих принципах, управляющих ментальными процессами» [КСКТ 1996: 58], и новым для когнитивной науки и когнитивной лингвистики можно считать понимание языка как средства доступа к мыслительной, ментальной, интеллектуальной и интериоризованной в мозгу человека деятельности [Кубрякова и др. 2009: 16].

В последние десятилетия когнитивная лингвистика получила широкое распространение в России и за рубежом: Ф. Джонсон, Дж. Лакофф, Э. Лассан, Э. Рош, Н. Д. Арутюнова, И. К. Архипов, А. Н. Баранов, Н. Н. Болдырев, Л. И. Гришаева, В. З. Демьянков, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Г. Н. Ма-

наенко, Е. М. Позднякова, Е. В. Рахилина, Л. В. Цурикова, А. П. Чудинов и многие другие ученые. Такая популярность когнитивной отрасли в лингвистике обусловлена доминированием в современной науке антропоцентрической парадигмы знания, обращенной от простого структурного описания существующих в науке проблем, объектов, явлений к пониманию и осознанию роли мыслительных процессов человека. Так, подлинным объектом когнитивной лингвистики является «наивная картина мира» человека [Виноградов и др. 2007: 7] и «те аспекты структуры и функционирования языка, которые связаны с усвоением, обработкой, организацией, хранением и использованием человеком знаний об окружающем мире» [Скребцова 2000: 6], а целью – «изучение когнитивной функции языка во всех ее проявлениях» [Болдырев и др. 2009: 25]. Иными словами, когнитивная лингвистика изучает роль языка в познавательных процессах, происходящих в сознании человека при восприятии окружающего мира, обработке и хранении информации о существующей действительности. Неоспоримой в данном случае является мысль В. фон Гумбольдта о том, что в словах мы находим то, как человек представляет определенную вещь, воспринимая ее главным образом так, как преподносит ему язык, иначе – язык представляется сущностью, которая интерпретирует мир [Гумбольдт 2000]. Это значит, что язык в рамках когнитивной лингвистики выступает в качестве инструмента проникновения в формы различных структур человеческого сознания, отражающих разнообразные объекты действительности.

Психолингвистика является еще одним из направлений современной науки о языке, складывающимся в рамках антропоцентрической парадигмы. Можно считать, что психолингвистический ракурс изучения языка и речи фактически существовал задолго до того, как группа американских ученых ввела в обиход термин «психолингвистика» (конец 1950-х годов). Так, еще в XIX в. немецкий философ и лингвист В. фон Гумбольдт приписывал языку важнейшую роль в «мировидении», или, как мы выразились бы сегодня, в структурировании субъектом поступающей из внешней среды информации

[Гумбольдт 2000]. Подобный подход обнаруживается в работах русского филолога XIX в. А. А. Потебни, в том числе – в его учении о «внутренней форме» слова [Потебня 1982].

Отечественная традиция психолингвистического подхода к феномену языка восходит к И. А. Бодуэну де Куртенэ, русскому и польскому лингвисту, основателю Казанской школы языкознания. Именно он говорил о языке как о «психо-социальной сущности», а лингвистику предлагал рассматривать среди наук «психолого-социологических» [Бодуэн де Куртенэ 1963]. Ученики И. А. Бодуэна де Куртенэ – В. А. Богородицкий и Л. В. Щерба регулярно использовали экспериментальные методы для изучения речевой деятельности. Сам термин «психолингвистика» в отечественной науке о языке закрепился после появления монографии А. А. Леонтьева «Психолингвистика» (1967 г).

По утверждению А. А. Леонтьева, «предметом психолингвистики является соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей» образа мира человека, с другой» [Леонтьев 1997: 35]. Это определение психолингвистики разделяется большинством отечественных учёных. В нём подчеркивается, что психолингвистика должна изучать человеческое измерение языка и речи, и роль языка в структурировании мира.

Так, принципиальной нам кажется позиция Л. В. Сахарного в обозначении признаков психолингвистики, как особого раздела науки о языке: «фактор человека, фактор ситуации, фактор эксперимента – обязательные, ведущие признаки лингвистического направления, которое может быть квалифицировано как психолингвистическое» [Сахарный 1989: 7]. В понимании Л. В. Сахарного, фактор человека – это не абстрактный «человек вообще», а реальные люди с реальной динамикой их памяти, возрастных особенностей, личного опыта, системой целей и мотивов, социальных ролей и т. п. Фактор же ситуации, прямо вытекающий из первого, ибо человек всегда говорит или слушает в какой-то ситуации, причем не просто в какой-то конкретной ситуации, но в ситуации определенного типа. Число таких типов и сами осно-

вания для их выделения достаточно подвижны, динамичны, переменны. Эксперимент становится существенным, если не ведущим, принципом исследования, надежной эмпирической базой для доказательства справедливости выявленных закономерностей. Уникальный материал, полученный в экспериментах, позволяет резко расширить и качественно видоизменить фактографическую базу психолингвистических исследований. На основе экспериментальных данных могут строиться гораздо более мощные и адекватные модели речевой деятельности, чем те, которые строятся без опоры на эксперимент [Сахарный 1989].

Фактор человека не случайно поставлен исследователем на первое место: психолингвистика рассматривает язык в непосредственной его связи с человеческим сознанием и окружающим миром, с одной стороны, формирующим это сознание, а с другой – являющимся его непосредственным отражением. Это подтверждает экспериментально установленное наличие общности словесных ассоциаций у людей, говорящих на одном языке. Ассоциативные связи фиксируются в ассоциативных словарях и таблицах «ассоциативных норм» – последние отражают наиболее частотные ассоциации, типические для носителей данного языка. Так, например, Русский ассоциативный словарь (РАС) изначально назывался «Ассоциативный тезаурус современного русского языка» (1994 – 1998), а авторы-составители окончательного варианта РАС (Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов) в приветственном слове от редакции отмечают, что «Русский ассоциативный словарь» позволяет проникнуть в социально-историческую память носителей русского языка и получить ответ на вопрос: **«Как мыслят русские в современной России?»»** [РАС 2002: 3].

Таким образом, в рамках когнитивной лингвистики и психолингвистики язык понимается как «условие, орудие и результат познания окружающей действительности» [Маслова 2004: 9]. Предтечей подобного понимания языка можно считать В. фон Гумбольдта, утверждавшего, что «язык – главней-

шая деятельность человеческого духа, пронизывающая собой все сферы человеческого бытия и сознания» [Гумбольдт 2000: 77].

В результате приведенного выше краткого обзора, призванного выявить лишь главные особенности двух основных направлений современной антропоцентрической парадигмы, можно отметить, что указанные направления обнаруживают ряд общих черт.

1. И для когнитивной лингвистики, и для психолингвистики характерен интегративный подход к языку. Возникнув в результате междисциплинарного синтеза, в исследовании языка они учитывают как собственно лингвистические данные, так и достижения смежных дисциплин (психологии, социологии, истории, философии и др.), что позволяет дать более глубокую и многоаспектную характеристику изучаемого феномена.

2. В соответствии с особенностями антропоцентрической парадигмы, оба направления ориентированы на диаду «язык и человек», но в каждом из них она приобретает разные формы. В когнитивной лингвистике язык изучается как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации, в психолингвистике – как феномен психики, человеческого сознания. Иными словами, диада «язык и человек» преобразуется в когнитивной лингвистике в триаду «язык – человек – *познание*», в психолингвистике – в триаду «язык – человек – *сознание*».

3. Оба направления апеллируют к понятию человеческого сознания. Так, авторы «Русского ассоциативного словаря» подчеркивают, что «теоретической основой словаря служит обоснованное в психологии представление о том, что явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные, временные, пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений. Иными словами, Русский ассоциативный словарь можно трактовать как модель сознания человека» [РАС 2002: 7]. Таким образом, некоторые психолин-

гвистические исследования можно в определенной степени рассматривать как когнитивные.

Данные особенности определяют то обстоятельство, что в последнее время ученые стремятся интегрировать в своих исследованиях достижения этих двух направлений. Подобный подход соответствует закономерностям антропоцентрической парадигмы, детерминирован тенденцией к объединению усилий смежных дисциплин в достижении единой цели, и представляется весьма продуктивным.

В соответствии со сказанным, методологической базой проводимого исследования является синтез достижений когнитивистики в области ментальных структур, категоризации и концептуализации действительности с достижениями психолингвистики, ее экспериментальными методиками, особенно с учетом роли личностного и социального опытов в концептуализации действительности.

Так, одним из основных и перспективных направлений когнитивной лингвистики является изучение концептуальной метафоры, в основе которого лежит идея о том, что «метафора – это феномен не лингвистический, а ментальный: языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы. Метафорические значения слов – это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность» [Будаев, Чудинов 2008: 41]. Начало подобному подходу к изучению метафоры положила книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «*Metaphors We Live by*» («Метафоры, которыми мы живем»), изданная в 1980 году. В русском переводе в полном виде книга вышла впервые в 2004 году в серии «Мировой научный бестселлер» (перевод с английского А. Н. Баранова и А. В. Морозовой); до этого в 1987 году в сборнике «Язык и моделирование социального взаимодействия» (перевод с английского А. Н. Баранова) и в сборнике «Теория метафоры» 1990 года (в переводе Н. В. Перцова) публиковались лишь ее отдельные главы.

В труде «Метафоры, которыми мы живем» излагаются основы когнитивного подхода к изучению метафорики. Американские ученые выдвигают исходный тезис о том, что «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон 2004: 25], который развивают на протяжении всего исследования. Авторы работы доказывают мысль, что концептуальная система человека структурирована и определена с помощью метафоры, то есть процессы человеческого мышления во много метафоричны, поэтому метафоры как выражения естественного языка относятся непосредственно к концептуальной системе человека [Лакофф, Джонсон 2004]. Дж. Лакофф и М. Джонсон анализируют ряд определяющих систему ценностей носителей языка метафорических моделей: «Время – это деньги», «Спор – это война», «Любовь – это колдовство» и др., делая вывод о том, что язык метафорически структурирован, а суть метафоры – это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида [Там же: 27].

Таким образом, когнитивная теория концептуальной метафоры акцентирует то, что в основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний – фреймов и сценариев. Знания, в свою очередь, представляют собой обобщенный опыт, получаемый в результате взаимодействия человека с окружающим миром. Эти знания, функционирующие в виде метафорических словоупотреблений, нуждаются в структурировании, что объясняет возникновение в когнитивной лингвистике теории метафорического моделирования.

Сам процесс метафоризации основан на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain): некоторые области цели структурируются по образцу источника, происходит «метафорическая проекция» (metaphorical mapping) или «когнитивное отображение» (cognitive mapping) (А. Н. Баранов Предисловие редактора [Лакофф, Джонсон 2004: 9]). Другими словами, эле-

менты новой действительности осмысляются посредством концептов знакомой и закрепленной в сознании мыслительной сферы. Таким образом, если «в метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [Арутюнова 1990], то можно сказать, что метафора определенным образом моделирует реальность, показывает связи и отношения между явлениями действительности.

Между тем, как отмечает А. П. Чудинов [Чудинов 2001: 28], в современной науке пока не существует даже единого термина для обозначения метафорических моделей, которые образно представляют ту или иную денотативную (понятийную) сферу, используя при этом лексику, относящуюся в первичном значении к совсем иной сфере. Для обозначения такого моделирования (и ряда близких явлений) специалисты используют термины архетип или метафорический архетип (Панченко, Смирнов, 1976, Юнг, 1987), базисная метафора (Лакофф, Джонсон, 1990), метафорическая модель (Баранов, Караулов, 1991, Чудинов 2001), образ-схема (Лакофф, 1988), парадигма образов (Павлович, 1995), поэтическая формула (Кузьмина, 1999), образ (Илюхина, 1998), модель регулярной многозначности (Шмелев, 1964, 1973, Апресян, 1971, Чудинов, 1988), метафорическое поле (Скляревская, 1993) и др. Все эти термины имеют различную внутреннюю форму, которая акцентирует собственно лингвистический, культурологический, психолингвистический или когнитивный аспект рассматриваемого явления, отражают традиции различных научных школ и направлений.

В качестве основных источников когнитивной лингвистики традиционно называют психолингвистику, лингвистическую семантику, когнитивную науку, предметом которой является устройство и функционирование человеческих знаний.

Так, у исследователей психолингвистического направления большой интерес вызвала теория концептуальной метафоры. Как отмечают А. П. Чудинов и Э. В. Будаев, «основные сомнения у психолингвистов возникали по

вопросу о том, сопровождается ли актуализация стертых метафор активными операциями над концептуальными доменами и не являются ли подобные метафоры своеобразными клише, пассивно усваиваемыми носителями языка» [Будаев, Чудинов 2007: 139]. Авторами статьи приводится описание эксперимента по верификации предположения Дж. Лакоффа о «телесном разуме» и подсознательном характере базовых концептуальных метафор. В ходе эксперимента, проведенного в Калифорнийском университете в Санта Круз Р. В. Гиббсом и Н. Л. Вилсоном, были установлены корреляции между моторикой испытуемых и употреблением антропоморфных метафор. При этом корреляции не варьировались в зависимости от национальности испытуемых (в эксперименте участвовали носители португальского и английского языков – бразильцы и американцы). Р. В. Гиббсон и Н. Л. Вилсон рассматривают исследования, подтверждающие взаимовлияния между активацией отвечающих за моторику участков головного мозга и лингвистическими выражениями, связанными с телесным опытом взаимодействия с окружающим миром [Будаев, Чудинов 2007: 139 – 140]. Другими словами, при воспроизведении метафор у испытуемых фиксируется связь между языковыми воплощениями и личностным и социальным опытом.

Таким образом, методика моделирования, столь широко применяемая в когнитивной лингвистике, может быть использована и при исследовании материалов типичного для психолингвистики ассоциативного эксперимента, поскольку при создании метафоры и ее декодировании человек должен иметь достаточно хорошее представление об обоих соотносимых денотатах и владеть тем, что М. Блэк называет «системой общепринятых ассоциаций» [Блэк 1990], а Л. В. Щерба – «наивными понятиями» [Щерба 1965]. Иными словами, метафорогенная деятельность человека предполагает, с одной стороны, его полную социализацию, а с другой, – на основе уже имеющегося у него априорного «запаса» знаний, внешнее знакомство с необходимым количеством социальных и внесоциальных объектов, представление которых, в отличие от научного знания, может содержать полуправду и даже ошибочные

сведения [Лагута 2003: 121 – 122]. «Система общепринятых ассоциаций», функционирующая в виде метафор, может проявляться и в реакциях, полученных в ходе психолингвистического эксперимента.

Кроме того, в соответствии с представлениями когнитивной лингвистики (М. Джонсон, Ф. Джонсон-Лэрд, Е. Киттей, Дж. Лакофф, М. Тернер, Ж. Фоконье, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Т. Г. Скребцова, А. П. Чудинов и др.), метафора – это не столько способ выражения мысли и украшения текста, сколько основная ментальная операция, способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Человек не выражает свои мысли при помощи метафор, а мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира. Метафора в языке и речи – это лишь отражение аналоговых механизмов мышления, а поэтому метафору нередко образно представляют как своего рода зеркало, в котором вне зависимости от чьих-либо симпатий или антипатий отражается индивидуальное и национальное сознание [Чудинов 2004: 324]. Данное утверждение, а также понимание метафоры в психолингвистике как **«единицы картины мира (выделение наше)**, поскольку в метафоре (как стершейся, банальной, общеязыковой, так и оригинальной, авторской) происходит соединение двух зон, двух разных областей наших знаний: одного предмета или явления действительности, который подлежит осмыслению, оценке, и другого предмета или явления, нам известного и характеризуемого типовыми признаками, которые и служат основой осмысления или оценки первого» [РАС 2002: 759] позволяют сделать вывод о том, что результаты когнитивного и психолингвистического исследования метафоры можно сопоставить.

Сопоставление метафорических моделей, функционирующих в СМИ, и метафор, полученных в ходе психолингвистического эксперимента, позволяет более полно понять специфику метафоризации отдельных смысловых областей, в том числе явления миграции.

В рамках данного диссертационного исследования принципиально важно обозначить, что под *метафорой*, вслед за подходом к определению метафоры А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [Баранов, Караулов 1994: 6] и А. П. Чудинова [Чудинов 2003: 41], мы понимаем не только собственно метафору, но и метонимию, синекдоху, метафорический эпитет, иронию, гиперболу, литоту, сравнительные конструкции, метафорические словоупотребления как компоненты фразеологических оборотов, пословиц, афоризмов, прецедентных имен и высказываний и т. д. *Метафорическая же модель*, по определению А. П. Чудинова, представляет собой «существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях непосредственной мотивации первичных и вторичных значений, являющееся образцом для возникновения новых вторичных значений» [Чудинов 2001: 35].

Метафорическая модель – это принятое в когнитивной лингвистике понятие, используемое для описания подобных явлений и обладающее рядом отличительных и обязательных признаков, подробно охарактеризованных в монографии А. П. Чудинова «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000)» [Там же: 44 – 45]:

- 1). Исходная понятийная область (ментальная сфера-источник, сфера-донор, источник метафорической экспансии) – семантическая сфера, к которой относятся охватываемые моделью слова в первичном значении;
- 2). Новая понятийная область (ментальная сфера-мишень, денотативная зона, реципиентная сфера, направление метафорической экспансии) – семантическая сфера, к которой относятся охватываемые моделью слова в переносном значении;
- 3). Сценарии, типовые для данной модели, отражающие характерные для исходной понятийной сферы последовательности ситуаций;
- 4). Фреймы, имеющие отношение к данной модели;
- 5). Типовые слоты, составляющие каждый фрейм;

б). Компонент, связывающий первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц.

Всеми вышеперечисленными признаками обладают метафорические единицы, выявленные нами в дискурсе СМИ о миграции и в результатах психолингвистического эксперимента.

Признаки метафорической модели естественным образом определяют ее структуру: это некое целое, состоящее из фреймов и слотов, где *фрейм* – это «описание типизированной ситуации» [Баранов, Караулов 1991: 86], «структура данных для представления стереотипной ситуации» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 188], а *слот* – определенный аспект конкретизации фрейма. При характеристике составляющих слота используется понятие «концепт».

В науке о языке существует несколько подходов к изучению понятия «концепт», в работе мы используем помимо собственно лингвокогнитивного подхода лингвокультурологический.

Лингвокогнитивный подход к пониманию концепта развивают И. А. Стернин и З. Д. Попова. Существенными моментами в осмыслении концепта, с их точки зрения, являются, во-первых, его объемность, отсутствие жесткой структуры; во-вторых, невозможность фиксации всех языковых средств выражения концепта; в-третьих, тот факт, что концепт является результатом индивидуального познания [Попова, Стернин 2000: 11]. С позиции когнитивной лингвистики концепт понимается как «некий квант не жестко структурированного знания» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 90].

В лингвокультурологии делается акцент на ценностном аспекте концептов сознания [Воркачев 2004; Карасик, Слышкин 2001; Степанов 1997]. Выделение концепта как ментального образования, отмеченного лингвокультурной спецификой, является характерным для антропоцентрической парадигмы в лингвистике. «Основной лингвокультурологический смысл появле-

ния термина «концепт» – его способность отражать в своей семантике национальный менталитет» [Воркачев 2004: 113].

При полной и детальной характеристике метафорической модели определяется ее продуктивность, частотность и прагматический потенциал. Данные характеристики неосцимемо важны, так как глубокий анализ концептуальной метафоры, широко используемой в текстах средств массовой информации и в качестве материала для репрезентации понятия «мигрант» в рамках психолингвистического эксперимента, позволяет лучше осмыслить многие процессы, происходящие в российском обществе: отношение людей к существующему политическому, экономическому, культурному укладам.

В исследованиях, посвященных проблемам метафорического моделирования в различных дискурсах: политическом (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов 1991, 1994; Э. В. Будаев 2006, 2008, 2009; Т. С. Вершинина 2002; Н. А. Красильникова 2005; А. А. Каслова 2003; С. Н. Муране 2001, 2002; А. Б. Ряпосова 2002; Ю. Б. Феденева 1998; А. П. Чудинов, 2001, 2002, 2003; Т. В. Шмелева 2001 и др.), экономическом (Е. В. Колотнина 2001; Е. О. Шибанова 1999 и др.), медийном (Н. А. Красильникова 2005; А. Ю. Перескокова 2006 и др.), педагогическом (Е. Г. Кабаченко 2006 и др.) и многих других – предлагаются разнообразные способы классификации метафорических моделей. Основанием для них может служить детальное описание исходной понятийной области, характеристика ментальной сферы-мишени, контрастивное описание метафорической модели, последовательное описание моделей в нескольких языках, сопоставление оригинальных метафорических словоупотреблений и их переводов. В данной диссертации при описании метафорических моделей, представляющих миграцию в дискурсе российских печатных СМИ и данных свободного ассоциативного эксперимента, будут учитываться следующие параметры:

1). Понятийная сфера-источник метафорической экспансии.

При характеристике данного параметра метафорической модели мы будем опираться на разряды русской метафоры, выделенные А. П. Чудино-

вым в монографии «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000)» [Чудинов 2001: 52]:

✓ *Антропоморфная метафора.* При исследовании этого разряда анализируются концепты, относящиеся к исходным понятийным сферам «Анатомия и физиология», «Болезнь», «Секс», «Семья».

✓ *Метафора природы.* Источниками метафорической экспансии в данном случае служат понятийные сферы «Животный мир», «Мир растений».

✓ *Социальная метафора.* Исследуются концепты, относящиеся к понятийным сферам «Преступность», «Война», «Театр (зрелищные искусства)», «Игра и спорт», «История», «Экономика».

✓ *Артефактная метафора.* Исследуются понятийные сферы «Дом (здание)», «Механизм».

2). Степень продуктивности метафорической модели, то есть способность к развертыванию и образованию новых фреймо-слотовых структур.

3). Частотность метафорической модели – количество примеров концептуальной метафоры в рамках каждой группы.

4). Прагматический потенциал, иначе – типовые особенности эмоционального воздействия на адресата.

Характеристика прагматического потенциала в рамках представленного диссертационного исследования имеет первостепенное значение при описании метафорических моделей, функционирующих в СМИ. Мы, вслед за рядом авторитетных исследователей в области концептуальной метафоры (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Т. Г. Скребцова, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов и др.), можем утверждать, что, с одной стороны, метафоры, использующиеся в современных российских печатных средствах массовой информации для освещения вопросов миграции в Россию, являются средством образного выражения мыслей авторов текстов. С другой стороны, данные метафорические образования, функционирующие в СМИ, тем более если они

обладают негативным прагматическим потенциалом, являются в какой-то мере средством формирования отношения к процессам миграции и мигрантам у постоянного населения РФ. Последнее подтверждается некоторыми метафорическими реакциями, полученными в ходе психолингвистического эксперимента и являющимися дословным воспроизведением метафор СМИ. В данном случае крайне важна мысль о том, что «поведение человека определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентаций человека, из чего следует, что выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действий» [Будаев, Чудинов 2008: 51].

Сила действия на человеческое сознание метафор, использующихся в качестве описательных и оценочных инструментов какого-либо фрагмента действительности, обусловлена большим арсеналом функций, присущих метафоре. Функции метафоры, обозначенные А. П. Чудиновым применительно к современному отечественному политическому дискурсу [Чудинов 2001: 46 – 50], представляются нам вполне применимыми и к метафорам, использующимся в современном отечественном медийном дискурсе, а также функционирующим в языковом сознании россиян:

- когнитивная, то есть функция обработки и переработки информации;
- номинативная, то есть функция фиксации определенного знания, наименования реалии и осознания ее существенных свойств с помощью метафорического определения;
- коммуникативная, то есть функция передачи информации, позволяющая представить нечто новое в краткой и доступной для адресата форме;
- прагматическая, то есть функция воздействия на адресата, где метафора – сильнейшее оружие формирования у адресата эмоционального состояния и мировосприятия;
- изобразительная, то есть метафора как средство придания сообщению образности, яркости, наглядности, выразительности;

- инструментальная, то есть метафора как орудие формирования у субъекта собственного представления о мире;
- гипотетическая, то есть метафора как средство представления чего-то еще не до конца осознанного, создания неких предположений о сущности метафорически определяемого объекта;
- моделирующая, то есть метафора как способ создания некой модели мира и связи его элементов;
- эвфемистическая, то есть метафора как средства иносказательности, как эквивалент непосредственной номинации;
- популяризаторская, то есть метафора как средство передачи сложных идей в доступной форме.

На наш взгляд, основными функциями метафоры в рамках психолингвистики являются когнитивная (метафора – это способ осмысления действительности) и эмотивная (метафора как средство выражения эмоций по отношению к предмету речи).

В дискурсе СМИ, наравне с когнитивной («дискурс СМИ отражает определенные СТРУКТУРЫ ЗНАНИЯ и ОЦЕНОК МИРА, ориентирующих адресата на определенное ОСМЫСЛЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ» [Кубрякова, Цурикова и др. 2008: 184], в частности осуществляемое посредством метафоры), на первое место по значимости можно поставить прагматическую функцию метафоры. Это объясняется тем, что любой текст медиа-дискурса не просто объективно передает усредненному адресату информацию, но «создатели текстов СМИ (осознанно или неосознанно) избирают средства и способы вербализации, которые в наибольшей степени соответствуют тому взгляду на событие, который журналист хочет сформировать у аудитории» [Кобозева и др. 2008: 231]. По мысли Т. ван Дейка, дискурс масс-медиа предписывает не столько то, ЧТО люди должны думать, сколько то, КАК люди должны думать [Дейк 1989]. Мощнейшим оружием в данном случае выступает метафора, ср.: нейтральное «*большое количество мигрантов*» и оценочные метафорические образования «*армия мигрантов*», «*орда мигрантов*»,

«наплыв мигрантов», «нашествие мигрантов», обладающие негативным прагматическим потенциалом и предлагающие определить явление миграции в Россию как нечто стихийное, разрушительное и неизбежное.

Детальный и развернутый анализ метафорических моделей, представляющих миграцию в российских печатных средствах массовой информации (2000 – 2010 гг.), по избранной схеме (сфера-донор, продуктивность, частотность, прагматический потенциал) в сопоставлении с данными свободного ассоциативного эксперимента позволит создать целостную объективную картину, отражающую характер восприятия россиянами людей других национальностей, въезжающих на территорию Российской Федерации на постоянное место жительства или на сезонные работы.

1.2. Метафорическое представление миграции в современных зарубежных и российских исследованиях

Специальные исследования показывают, что в странах Европы и США «иммиграция» входит в число пяти ведущих тем, изучаемых специалистами по метафоре [Будаев, Чудинов 2006]. В России проблемы миграции стоят также остро как и в других странах, но российские исследования по метафорическому моделированию миграции единичны и носят фрагментарный характер, поскольку чаще всего эта тема является сопутствующей для других тем исследования.

Обзор зарубежных исследований, посвященных изучению метафорического моделирования миграции в дискурсе СМИ, представлен статье Э. В. Будаева [Будаев 2007: 52 – 53]. Среди зарубежных исследований, посвященных данному феномену, можно выделить следующие.

Работа Е. Эль Рефайе [El Refaie 2001] посвящена изучению метафорического представления курдов-иммигрантов, ищущих убежища в Европе. Исследуя репрезентацию иммиграции в австрийских газетах 1998 г. (в этот период иммиграция значительно усилилась), Е. Эль Рефайе показывает, что

доминантные метафоры изображают курдов как нахлынувшую *водную стихию*, как *преступников*, как *армию вторжения*. Регулярное обращение к подобным образам во всех исследованных газетах представляется показателем того, что «метафоры, которыми мы дискриминируем» [El Refaie 2001: 352], стали восприниматься как естественный способ описания ситуации.

В статье И. ван дер Валка [Valk 2001], посвященной сопоставлению речевых стратегий в франко-голландском расистском дискурсе, выявлены ведущие метафоры в идиолекте А. ле Пена. Для негативного представления иммигрантов лидер «Народного фронта» использует метафоры водного потока и войны. Таким образом, Франция выступает в роли жертвы, которую освободитель А. ле Пен, сравнивая себя с Ж. Д'Арк и У Черчиллем, а деятельность своей партии с антифашистской борьбой, должен спасти.

Исследователи из США, где традиционно остро стоит проблема миграции из Латинской Америки, получают схожие с предыдущими результаты. Так, в монографии О. Санта Аны [Santa Ana 2002] рассматривается метафорическая репрезентация иммиграции из Латинской Америки по материалам калифорнийской газеты «The Los Angeles Times». Автор показывает, что все выявленные метафорические образы приносят в осмысление «чужаков» негативные смыслы: пожар, наводнение, военное вторжение, болезнь, животные и др. Такое мировидение и связанные с ним оценочные смыслы регулярно воспроизводятся не только в американских СМИ, но и в законодательных актах, регулирующих образование на испанском и английском языке, трудоустройство и другие аспекты жизни латиноамериканских иммигрантов [Johnson 2005, Hardy 2003].

Отто Санта Ана подразделяет выявленные метафорические модели на три группы: окказиональные (*загрязнение среды, огонь*), вторичные (*вторжение, болезнь, бремя*) и доминантные (*опасные водные потоки, животные*).

В статье Дж. О'Брайена [O'Brien 2003], посвященной исследованию метафорических представлений современной миграции в США, ученый про-

анализировал метафоры в дебатах начала XX века, использующихся для освещения вопроса об ограничении иммиграции в США. Как оказалось, еще в начале XX века для концептуализации миграции использовались образы природных стихий, войны, животных, трудноперевариваемой пищи – образы, которые фиксируют современные американские исследователи той же сферы-мишени в современной политической коммуникации [Hardy 2003; El Refaie 2001; Santa Ana 2002; Valk 2001].

Российских исследований, посвященных изучению собственно метафорической репрезентации миграции, практически нет. Главенствующее место занимают языковые работы, рассматривающие феномен миграции в рамках биполярной лингвокультурологической категории «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ». Так, анализу межкультурных коммуникаций и возможностям осмысления конфликта СВОЕГО и ЧУЖОГО как элементов языковой среды посвящена коллективная монография «Свое» и «Чужое»: Межкультурные коммуникации в полипарадигматическом аспекте», изданная в Челябинском государственном университете [Челябинск 2003].

Можно отметить также некоторые публикации, вошедшие в сборник материалов Международной научной конференции «Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России» (Екатеринбург, 12 – 14 ноября 2007). В статьях «Отражение этнически «ЧУЖОГО» в российской прессе» О. С. Иссерс, М. Х. Рахимбергеновой (Омск); «Межэтнические отношения в современной российской прессе: к вопросу о толерантности» О. А. Михайловой (Екатеринбург); «Язык вражды в отношении религиозных групп (по материалам СМИ)» Ю. Н. Михайловой (Екатеринбург) метафоры, использующиеся в СМИ применительно к явлению миграции, рассматриваются как один из способов представления этнически ЧУЖОГО.

В целом, значительная роль в отечественных лингвистических исследованиях, посвященных миграции, отводится лингвокультурологическому подходу. Среди таких работ можно отметить коллективную монографию 2004 года

под редакцией Н. А. Купиной и О. А. Михайловой «Культурные практики толерантности в речевой коммуникации», вышедшую в г. Екатеринбург. В книге представлен философский очерк теории толерантности, разработана лингвокультурологическая проблематика: описаны языковые средства выражения толерантности, показано, как эта категория отражается в русской языковой картине мира; продемонстрированы формы проявления толерантности в пространстве функциональных стилей русской речи; охарактеризованы механизмы русского толерантного общения в аспекте традиций и новаций; выявлены проявления толерантности в межкультурной и внутрикультурной коммуникации. Статей, посвященных собственно языковой репрезентации понятий *мигрант*, *миграция*, в сборнике немного: О. А. Михайлова «Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания»; Л. В. Енина «Этническая интолерантность в отражении уральских газет» [Михайлова и др. 2004].

Попытка исследования метафорического портрета мигранта, созданного по результатам свободного ассоциативного эксперимента, предпринята Е. Г. Кабаченко. На основе данных психолингвистической методики, примененной к 89 испытуемым, Е. Г. Кабаченко пришла к следующим выводам. Доминирующими и имеющими отрицательные коннотации являются *зооморфная*, *предметная* и *антропоморфная* метафорические модели, представляющие миграцию в ассоциациях, полученных в ходе эксперимента. Это, по словам исследователя, «свидетельство существования достаточно устойчивого образа мигранта в сознании подрастающего поколения (можно говорить о наличии стереотипных метафорических словоупотреблений). В целом, мигранты, по мнению студентов, не соответствуют социально желательным формам проявлений в когнитивной, эмоциональной, поведенческой сферах, поэтому воспринимаются как «чужие», внушают недоверие к себе и своему образу жизни» [Кабаченко 2007: 108]. Осмелимся сказать, что 89 человек – незначительная аудитория, чтобы на основании данных ею ассоциаций заключать о стереотипном образе миграции в сознании россиян.

Представленный обзор свидетельствует, что в зарубежной современной лингвистической науке накоплен значительный опыт анализа метафорического моделирования миграции в СМИ, который найдет свое применение в ходе нашего дальнейшего когнитивного исследования метафорического моделирования миграции в дискурсе российских печатных СМИ. Однако, стоит отметить, что среди российских исследований не обнаружено работ, посвященных целостному анализу метафорических моделей, представляющих миграцию в СМИ. Как среди зарубежных, так и отечественных научных изысканий отсутствуют работы, исследующие метафорическое моделирование миграции в рамках психолингвистики.

1.3. Социологические основы исследования миграции

Миграция – явление социальное, поэтому в рамках данного диссертационного исследования необходимо осветить социологические основы понятия миграции: определение миграции; различные подходы к исследованию миграции; типы миграции; причины миграции; причины негативного отношения постоянного населения к мигрантам, выделяемые учеными-социологами.

Люди переезжали с места на место в поисках лучшей жизни всегда: еще в ветхозаветные времена Фарра, взяв с собой сына своего Авраама и Лота, сына Аранова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Авраама, вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы переехать в землю Ханаанскую (Библия. Ветхий завет. Бытие 11: 31). Буквально «миграция» в переводе с латинского *migratio*, от *migro* означает «перехожу», «переселяюсь». В современном мире миграция приняла глобальный характер и затрагивает интересы каждого, поскольку «оказывается, около миллиарда человек из 6,7 миллиарда живущих на Земле участвуют в процессе миграции. То есть каждый седьмой из нас – мигрант» [Удовички 2009: <http>]. Примечательно, что именно миграция стала в 2009 году главной темой Программы развития ООН (ПРООН), представ-

ленной в Москве группой международных экспертов во главе с Кори Удовички, директором Регионального бюро ПРООН по странам Европы и СНГ, помощником Генерального секретаря ООН, в докладе «Преодоление барьеров: мобильность и развитие» [Удовички 2009: [http](#)]. Это неслучайно, так как по данным ООН, за последние 50 лет число людей, живущих за пределами своей родины, увеличилось почти вдвое и уже в 2005 г. составило 191 млн. человек. Трудящиеся-мигранты сконцентрированы в относительно большом числе стран, в квинтет которых в 2006 г. вошла и Россия [Прудникова 2007: 3].

В настоящее время в мире существует большое количество организаций, занимающихся решением различных вопросов, связанных с явлением миграции. Так, в составе Международной социологической ассоциации (МСА) функционирует даже специальный исследовательский комитет по социологии миграции. В разрешении проблем, возникающих в связи с массовыми перемещениями населения, различные виды помощи (юридической, финансовой, медицинской и др.), как мигрантам, так и национальным правительствам оказывают международные организации по вопросам миграции. Среди них выделяются организации, подведомственные ООН или связанные с ней: Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ, Международная организация труда. Другую группу составляют межправительственные организации – Международная организация по миграции (МОМ) и др. Третью категорию составляют международные неправительственные организации – «Каре Интернешенл», «Каритас Интернационалис», «Врачи без границ», Международный Комитет Красного Креста, Европейская консультативная служба по делам беженцев и ссыльных, Европейская юридическая система по вопросам убежища, Международный совет добровольных агентств и др. Последние занимаются оказанием помощи в основном вынужденным мигрантам, в первую очередь в период чрезвычайных

ситуаций, координируют деятельность с УВКБ, МОМ и национальными правительствами.

Такая масштабность подобных организаций, а также актуальность исследования миграции на общемировом уровне обусловлена обстоятельствами, к числу которых можно отнести: расширение правового поля и акцентирование внимания международной общественности на проблематике прав человека, к которым, безусловно, относится право свободного передвижения; назревшую необходимость анализа миграции с учетом ее целей, задач и содержания в конкретных регионах Федерации и степени ее воздействия на другие сферы общественных отношений; изменение социальных и политических параметров развития политических новообразований, принятие и превращение в жизнь законов, ущемляющих права иноэтнического населения; необходимость научного осмысления и понимания социально-политической направленности отношений между самими мигрантами, а также между мигрантами и местным населением [<http://www.migrations.ru>].

По мнению социологов, в современной российской действительности рассмотрение проблемы миграции актуально по нескольким обстоятельствам. Во-первых, общественные перемены за последние два десятилетия основательно изменили политическую и социальную ситуацию на постсоветском пространстве, и миллионы людей по различным причинам стали вынужденными мигрантами. Во-вторых, в отличие от развитых стран, переживших миграционный бум и не связанных с постоянной иммиграцией, Россия столкнулась с колоссальными миграционными потоками в условиях, когда ее экономическая база оказалась в кризисном состоянии [<http://www.migrations.ru>]. Это значит, что последствия миграции проявляются в различных сферах: политической, социальной, экономической, культурно-психологической и других. Более того, эти последствия имеют и позитивный и негативный характер, становясь, таким образом, источником конфликтов. Обеспокоенность иммиграционными проблемами в обществе вызревает давно, и она уже стала тем фактором, с которым нельзя не считаться.

Отсюда – пристальное внимание к проблеме миграции в различных областях человеческого знания и многообразные научные подходы к ее изучению: *демографический подход*, рассматривающий миграцию с точки зрения воспроизводства и сохранения человеческих популяций, их численности, поло-возрастной структуры; *экономический подход*, в рамках которого миграция рассматривается как один из важнейших регуляторов численности трудоспособного населения, стимулирующих здоровую конкуренцию на рынке рабочей силы; *юридический подход*, определяющий правовой статус разных категорий мигрантов и направленный на разработку правовых норм и законодательных актов, регулирование основных прав мигрантов; *социологический подход*, который основное внимание уделяет проблемам, связанным с адаптацией мигрантов к новым условиям жизни; *исторический подход* занимается исследованиями истории миграционных движений того или иного региона с применением историко-демографических исследований, описывающих миграцию в контексте исторической эволюции демографических процессов; *психологический подход*, где основной акцент делается на мотивационную природу миграции, а сама миграция рассматривается как способ удовлетворения ряда социальных потребностей, в том числе и потребности в самоутверждении; *историко-биологический подход*, разработанный российскими ученым Л. Н. Гумилевым и др., в рамках которого основным понятием является пассионарность как характеристика поведения (активность, проявляющаяся в стремлении индивида к цели), а пассионарии (носители пассионарного признака) отличаются особо активным миграционным поведением, их процент в этносе во многом определяет миграционное движение всего этноса [<http://www.wikipedia.ru>].

Несмотря на предпринимаемые мировым сообществом с 1901 г. попытки унифицировать показатели международной миграции населения, до сих пор в их определении существуют различия. Так, в Германии иммигрантами считаются «лица, пересекающие границу с намерением устроиться в стране», в Японии – «национальные граждане и иностранцы, приезжающие

из-за границы», в США – «иностранцы, допущенные на законных основаниях с целью постоянного проживания в стране», в Российской Федерации «лица, приезжающие работать или учиться (за исключением обучения сроком менее 1,5 месяцев), и лица, их сопровождающие» [Галецкий 2007: [http](#)].

В современной отечественной науке существует около 40 определений миграции. Наиболее распространенным является определение Л. Л. Рыбаковского: «Под миграцией населения понимается перемещение, переселение. Это – не синонимы, а представление о миграции как в широком, так и узком значении слова. В узком смысле миграция – законченный вид территориального перемещения, завершающийся сменой постоянного места жительства. К миграции в широком смысле слова относят наряду с переселением также сезонные, маятниковые и иногда эпизодические миграции. Различия между разными видами перемещения – в их продолжительности, регулярности, целевой направленности, структуре и т.д.» [Рыбаковский: [http](#)]. К широкому пониманию миграции исследователь относит различные ее виды, тогда как большинство ученых-социологов дают определение миграции в узком смысле слова, выделяя различные виды миграции отдельно по таким критериям как продолжительность, цель миграции и проч., ср.:

- массовое перемещение, переезд населения из одного места жительства в другое в силу экономических причин, из-за национальных притеснений, природных бедствий и катастроф [ТСРЯ 2006: 215];

- миграция (англ. migration; нем. migration) – смена места жительства, перемещение людей на иную территорию (регион, город, страна и т. д.) [[http:// www.rusword.com.ua](http://www.rusword.com.ua)];

- передвижение людей (мигрантов) через границы тех или иных территорий с переменой места жительства навсегда или на более или менее длительное время [Перова 2003: [http](#)];

- миграция (migration) — переезд людей из одной страны в другую с намерением обосноваться [Дэвид 2001: 343];

- процесс изменения постоянного места проживания индивидов или социальных групп, выражающийся в перемещении в другой регион, географический район или страну [Голованов 2001: 198].

Таким образом, явление миграции разнопланово и неоднородно: различные виды миграции выделяются на основании следующих признаков, единодушно обозначенных учеными-социологами (С. Е. Метелев, Т. Н. Юдина, В. Н. Петров, Г. А. Пядухов, Л. Д. Гудков и мн.др.).

По отношению к территории перемещения отмечается *внешняя* (за пределы страны) и *внутренняя* миграция. К внешней относится эмиграция и иммиграция, к внутренней – движение из села в город, межрайонные переселения и др. [Краткая российская энциклопедия 2003: 512].

По отношению к перемещению (в другой формулировке – «миграционные намерения людей») различают: *добровольную, вынужденную и принудительную миграцию*. *Добровольная миграция* осуществляется человеком по собственной воле в поисках лучшего места работы, жилья, в связи с потребностью в получении образования, заключения брака с иностранным гражданином или гражданкой, интересом к другой культуре и т.д. *Вынужденная миграция* обусловлена прежде всего политическими и экологическими факторами. Она находит выражение в первую очередь в движении беженцев, перемещенных лиц и др. В 1980-1990-х резко возросли не только масштабы, но и сложность проблем, связанных с этим видом международной миграции населения. Она приобрела глобальный характер, затронув многие страны мира. На начало 1993 года 87% беженцев осели в развивающихся странах. В 1990-х значительно возросло число мигрантов, въезжающих в экономически развитые страны по кратковременной визе и остающихся с просьбой об убежище. В Европе число таких мигрантов в 1993 превысило 500 тыс. человек против 14 тыс. в 1973 и 71 тыс. в 1983, из которых все меньшее количество получает статус беженца, оставаясь на нелегальной и так называемой «гуманитарной» основе [Галецкий 2007: [http](#)].

Принудительная миграция – это так называемая депортация, когда по воле власть предержащих тем или иным способом (как правило, силовым) перемещают массы людей. Так, например, в предвоенные и военные годы поголовной депортации (принудительной миграции) подверглись целые народы – миллионы граждан СССР. Корейцы были переселены в 1934–1937 гг., немцы – 1941–1942 гг. Вскоре начались тотальные депортации «возмездия» народов Северного Кавказа и Крыма: карачаевцы – 1943 г., калмыки – 1943 г., балкарцы – 1944 г., чеченцы и ингуши – 1944 г., крымские татары – 1944 г., турки-месхетинцы – 1944 г. Их переселяли в Сибирь, Казахстан и республики Средней Азии. 12 июня 1990 года Верховный Совет РСФСР принял закон «О реабилитации репрессированных народов», которым были реабилитированы «все репрессированные народы РСФСР» и признаны «незаконными и преступными репрессивные акты против этих народов». Закон установил, что «все акты союзных, республиканских и местных органов и должностных лиц, принятые в отношении репрессированных народов, за исключением актов, восстанавливающих их права, признаются неконституционными и утрачивают силу». Закон предусмотрел территориальную, политическую, социальную и культурную реабилитацию репрессированных народов и дал этим понятиям развернутое толкование [Арутюнов 2002: <http>].

По степени организованности различают *организованную* миграцию, осуществляемую при участии государственных или общественных органов, и *неорганизованную* (стихийную), которая осуществляется силами и средствами самих мигрантов.

По продолжительности миграции выделяют: во-первых, *безвозвратную (постоянную) миграцию*, осуществляемую с целью выезда на постоянное место жительства в принимающей стране. Во-вторых, *временно-постоянную*: как правило, она ограничена сроком пребывания в стране въезда от 1 до 6 лет (из-за сохраняющейся зависимости от страны выезда, возрастно-половой, семейной и профессиональной характеристики мигрантов). В международной статистике такого вида мигранты носят название «долгосрочные эмигранты и

иммигранты», «временные рабочие по контракту», «постоянные трудящиеся-мигранты». В-третьих, *сезонную миграцию*, которая связана с кратковременным (в пределах года) въездом для работы в тех отраслях хозяйства, которые имеют сезонный характер (сельское хозяйство, рыболовство, сфера услуг). Разновидности сезонной миграции – кочевничество, сохранившееся главным образом в Западной Африке и на Ближнем Востоке, а также паломничество к святым местам. В международной статистике сезонным мигрантам соответствуют термины «краткосрочные иммигранты и эмигранты», «мигранты-сезонники» и др. Наконец, *маятниковую миграцию* (челночная, приграничная) – ежедневный, реже еженедельный, переезд из одной страны в другую и обратно. Мигрантов, пересекающих таким образом границу для работы в соседней стране, называют «рабочими-фронтальерами» [Метелев 2006: 6 – 8.].

По правовому статусу выделяются такие важные виды современной международной миграции населения, как *легальная* и *нелегальная* (подпольная) *иммиграция*. *Легальная миграция* – миграция, осуществляемая в рамках закона, в соответствии с Федеральным законом о миграции. «*Нелегальные мигранты* – лица, незаконно въезжающие в поисках работы в другие страны, а также лица, пересекающие границу на законных основаниях (по частным приглашениям, в качестве туристов и т.п.) с последующим нелегальным трудоустройством» [Галецкий 2007: [http](http://)]. Рост нелегальной иммиграции объясняется многими причинами, из которых одна из основных – тот факт, что мигранты, работающие нелегально, представляют собой для предпринимателей самую дешевую и бесправную рабочую силу.

Также выделяют миграцию *внутрирегиональную* и *межрегиональную*, *ближнюю* и *дальнюю*, *индивидуальную* и *массовую*, *однократную* и *многократную*, *подготовленную* и *неподготовленную* [Гриценко 2001, Петров 2004, Пядухов 2003 и др.].

Еще одним существенным критерием для классификации миграции выступают **ее причины**. Причины миграционных процессов многочисленны и неоднозначны: неблагоприятная экономическая обстановка в стране (ин-

фляция, массовая безработица, экономический кризис и др.); гражданские войны; экологическая катастрофа в данном регионе или государстве. Но объективно самой распространенной причиной постоянной или временной перемены места жительства в современном мире является желание граждан улучшить свое экономическое благосостояние, т.е. поиск более высокооплачиваемой работы за рубежом, получение ПМЖ в развитой стране и т.д.

Таким образом, для российской действительности на основании причин, цели и статуса пребывания на территории России, вне зависимости от срока пребывания, на наш взгляд, актуальны следующие категории мигрантов/иммигрантов:

1. Трудящийся-мигрант/ трудовой мигрант – «это лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, жителем которого он или она не является» [<http://ru.wikipedia.org/wiki>].

В настоящее время в отечественных СМИ и в повседневном употреблении понятие «трудящийся-мигрант», принятое в правовой сфере и в социологии, практически полностью вытеснено жаргонным «гастарбайтер».

Трудовая миграция по природе своей конфликтогенна, о чем свидетельствует большое количество исследований. По мнению социологов, «конфликтогенность трудовой миграции в России объясняется тем, что для страны характерен одновременно высокий уровень безработицы и нехватка рабочей силы. (...). В таких случаях относительно дешевая рабочая сила мигрантов, не платящих налогов, не обладающих какими-либо социальными привилегиями, серьезно теснит предложения со стороны конкурентов их местных жителей» [Дмитриев 2005: <http>].

Стоит отметить, что для законной деятельности трудящийся-мигрант (и члены его семьи) должен получить разрешение на въезд, пребывание и оплачиваемую деятельность в государстве работы по найму в соответствии с законодательством этого государства и международными соглашениями, участником которых это государство является. В противном случае (незаконного

нахождения на территории РФ) – мигрант-трудоустроенный автоматически переходит в разряд второй категории.

2. Нелегальный мигрант – мигрант, находящийся на территории чужого для него государства с нарушением миграционного законодательства [<http://ru.wikipedia.org/wiki>].

Данная категория мигрантов вызывает самые серьезные опасения у властей и постоянных жителей Российской Федерации, поскольку именно такие мигранты обвиняются СМИ во всех существующих проблемах: экономический кризис, дефицит рабочих мест, болезни, конфликты на национальной почве и т.д. «Нелегальная миграция» – еще один негативный предикат, также принимаемый как данность, не раскрываемый и не обсуждаемый. По мнению социолога Г. А. Осипова, «использование данного понятия «помещает «мигрантов» как бы вне правового поля и противопоставляет «постоянным жителям» в юридических терминах. Здесь, скорее, следует говорить о сознательной манипуляции, поскольку понятия «легальности», «законности» и их антонимы имеют четкое юридическое значение, о котором, как правило, умалчивают» [Осипов 2002: 10].

В действительности же, именно средства массовой информации преувеличивают количество нелегальных мигрантов и негативное их влияние на различные сферы жизни России; тогда как директор Федеральной миграционной службы (ФМС) Российской Федерации Константин Ромодановский в конце 2009 года на совещании руководителей территориальных органов ФМС по Центральному федеральному округу авторитетно сообщил, что «За девять месяцев текущего года (2009 – прим. наше) в Россию въехало 11,2 миллиона иностранных персоналий, при этом установлено, что только 214 тысяч от этого количества – абсолютные нелегалы. Остальные находятся на территории России вполне легально, но незаконно выполняют трудовую деятельность. Это не нелегалы, а лица, нарушающие режим пребывания» [Мардасов 2009: http].

Между тем, регулирование миграционных процессов осуществляется в рамках Федерального закона Российской Федерации от 18 июля 2006 г. N 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», принятого Государственной Думой 30 июня 2006 года, одобренного Советом Федерации 7 июля 2006 года и вступившего в силу 15 января 2007 года.

3. Беженец. По российскому законодательству «беженец – это лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений» [Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 30.12.2006) «О беженцах»].

В бытовом понимании слова, к беженцам часто относят также внутренне перемещённых лиц; лиц, ищущих убежище (но ещё не получивших статуса беженца); и вообще всех лиц, вынужденно переселившихся из одного места в другое, в том числе трудящихся-мигрантов, находящихся в легальном или нелегальном статусах на территории РФ.

В рамках данного диссертационного исследования рассматриваются публикации в отечественных СМИ в период с 2000 по 2010 годы, посвященные всем вышеописанным категориям мигрантов, так как в средствах массовой информации данные категории объединены под одним понятием «мигрант/иммигрант», и можно говорить не только о некорректности и нечеткости в использовании терминов «мигранты» и «миграция» в СМИ, но и о сознательной манипуляции. Не раскрывается содержание, вкладываемое в

смысл терминов, они по умолчанию охватывают разные категории. Происходит подмена понятий: использование слов «мигранты» и «миграция» изначально предполагает, что речь идет о приезжающих или собирающихся приехать в регион или страну, на деле же предметом обсуждения становится часть постоянного населения («постоянное население – коренное население данной территории, веками обитавшее там, адаптировавшееся к местным условиям; взрослое население из числа местных уроженцев всех поколений и их дети; приезжее население из других районов и их дети, если это население прожило в районе примерно 10 лет, в результате чего его миграционная подвижность стала такой же как и у местных уроженцев» [Рыбаковский: [http](http://)]). По мнению некоторых Интернет-газет, «слова «мигрант», «мигранты» вообще приобрели в СМИ (печать, радио, телевидение, Интернет) неодобрительный, уничижительный эмоциональный оттенок» [<http://www.pravda-kmv.ru>].

Поэтому объектом в рамках представленной диссертации стали метафорические характеристики следующих слов и словосочетаний: *мигрант/иммигрант, миграция/иммиграция, трудовой мигрант, трудящийся мигрант, гастарбайтер, легальный/нелегальный мигрант, беженец, приезжий, переселенец, добровольный переселенец* и т.п.

В СМИ постоянно акцентируются антимигрантские настроения в обществе, которые в реальности преувеличены все теми же средствами массовой информации. Так, член Общественной палаты Александр Брод убежден, что «для борьбы с ксенофобией очень важно участие некоммерческих организаций и СМИ. Вместе с журналистами им следует воспитывать в обществе толерантность. Но на деле, по-прежнему очень высок уровень языка вражды в СМИ. Речь не идет о маргинальных газетах откровенно нацистского характера – говорится о наших известных федеральных изданиях, где постоянно муссируются слухи о подавляющем количестве преступлений, в которых фигурантами являются мигранты». Брод сослался на данные Федеральной миграционной службы: правонарушения со стороны мигрантов не превышают 3% (По сведениям Главного информационно-аналитического

центра МВД России, на территории страны в прошлом году иностранцы совершили 57 955 преступлений, что на 7,6 процента больше, чем в 2008 году. Милиция раскрыла 572 убийства, 821 случай умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, 411 изнасилований, 1258 разбойных нападений, 2745 грабежей, 10 000 краж, 1506 мошенничеств, 6091 преступление, связанное с незаконным оборотом наркотиков. Вообще удельный вес преступлений граждан зарубежных государств в общей структуре преступности – 3,5 процента (<http://www.rg.ru/2010/02/16/migr.html>) [<http://www1.voanews.com>].

Сведения социологических исследований демонстрируют следующую ситуацию отношения постоянного населения к приезжим. По данным соцопроса «Левада-Центра», проведенного в 2007 году, половина россиян никогда враждебно не относились к людям другой национальности и никогда не испытывали подобного отношения с их стороны. Хотя 44% в той или иной степени испытывали враждебный настрой инородцев. Эксперты считают, что в нашей стране нет истинно этнических разногласий. Люди конфликтуют по национальному признаку только потому, что не могут реализовать свои политические и социальные взгляды и потребности.

Социологи аналитического центра Юрия Левады подготовили опрос – «Этническая агрессия: явная и скрытая». Большинство россиян (53%) сказали, что практически никогда не ощущали агрессивность со стороны людей других национальностей. Очень часто чувствуют такие враждебные настроения 4% россиян, что в два раза превосходит показатели прошлогоднего подобного исследования. Еще 11% участников опроса заявили, что нередко ощущают агрессивность со стороны людей иной расовой принадлежности, а 29% респондентов, как выяснилось, редко, но все же сталкиваются с их недружелюбием. Вместе с тем, как выяснили социологи, самих россиян, негативно настроенных против людей иной национальной принадлежности, чуть больше. Так, 12% граждан признались, что довольно часто испытывают враждебность к инородцам, и иногда ощущают подобное 32% респондентов.

Однако никогда не испытывают агрессии к другим народам 53% респондентов [Васильева 2007: [http](#)].

Последний социологический опрос об отношении россиян к одной из самых распространенных категорий мигрантов в России – трудовых – был проведен 20-23 ноября 2009 года Аналитическим Центром Юрия Левады (Левада-Центр). В опросе участвовали 1600 россиян в 127 населенных пунктах 46 регионов страны, респондентам предлагалось ответить на вопрос «Как Вы относитесь к тому, что на стройках России все чаще можно встретить рабочих из Украины, Белоруссии, Молдавии, других стран «ближнего зарубежья?». Определенно положительно к данному факту относятся 19% опрошенных, нейтрально – 44%, скорее отрицательно – 35%, затруднились с ответом всего 2% [<http://www.levada.ru>]. Второй вопрос сформулирован таким образом: «Как Вы относитесь к идее «Россия для русских»?». Были получены следующие ответы. Поддерживают эту идею и считают, что ее давно пора было осуществить 18% респондентов. Примерно 36% респондентов думают, что ее неплохо было бы осуществить, но в разумных пределах. Еще 32% опрошенных выступают категорически против, так как считают это настоящим фашизмом. Около 9% респондентов совершенно не интересуется этот вопрос, а 5% затруднились с ответом [<http://www.levada.ru>].

Таким образом, по данным соцопросов, россияне, в целом, не испытывают крайне негативных чувств по отношению к мигрантам, которые как раз и являются преимущественно людьми других национальностей. Отношение к мигрантам постоянного населения России можно, скорее, обозначить как «терпимость». Это еще не собственно «толерантность», но уже и не ксенофобия. Ср.: по данным популярного сайта Википедия (Свободная энциклопедия), лексема «толерантность» толкуется различными словарями в 156 статьях (Большой энциклопедический словарь и др.). Все словари XX века однозначно указывают прямое толкование/перевод: толерантность – терпимость (от лат. *tolerantia* – терпение). Однако в современном языке термин «толерантность» применяется самостоятельно, и специалисты утверждают, что

прямого перевода этот термин не имеет. В отличие от «терпимости» толерантность (в современный язык слово пришло из англ. tolerance) – готовность благосклонно признавать, принимать поведение, убеждения и взгляды других людей, которые отличаются от собственных [<http://ru.wikipedia.org/wiki>]. Тогда как существительное «терпимость» образовано в русском языке от глагола «терпеть», обозначающего «безропотно и стойко переносить что-нибудь (страдания, боль, неудобства); мириться с наличием, существованием кого-н., поневоле допускать что-нибудь» [Ожегов 1999: 795], где ключевыми словами являются «поневоле» и «мириться».

Научные и публицистические работы последнего десятилетия в большинстве своем носят ярко выраженную этническую направленность, что не случайно, так как, по сообщению главы Федеральной миграционной службы РФ Константина Ромодановского, на 31 декабря 2009 года на территории Российской Федерации находятся 2,8 млн. граждан Украины; 1,5 млн. – Узбекистана; 1,4 млн. – Казахстана; 800 тыс. – Таджикистана; 700 тыс. – Молдавии; 500 тыс. – Азербайджана и Армении. Кроме того 400 тыс. трудовых мигрантов являются гражданами Германии и Китая, и 175 тыс. – граждане США [<http://community.livejournal.com/ru>], а постоянное население страны в первую очередь неоднозначно реагирует на людей с неславянской и неевропейской внешностью.

Идентификация по принципу СВОЙ – ЧУЖОЙ была присуща членам человеческого общества всегда: мы отделяем себя от «чужих» по признакам принадлежности к национальности, социальным группам, полу, возрасту и т.п. Так, главное положение, установленное Э. Бенвенистом (Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., Прогресс, 1974) на материале анализа индоевропейских слов, заключается в том, что понятие «Свой» первоначально является осознанием кровного родства некоторой группы людей (рода, клана), в пределах которой человек одновременно осознает себя «свободным от рождения, свободным по рождению» и противопоставляет себя «другим» - «чужим, врагам, рабам» [Степанов 2001: 135-136].

В современной действительности самое мощное разделение на «своих» и «чужих» осуществляется на основе национальных параметров. Так, Л. И. Гришаева и Л. В. Цурикова отмечают: «При восприятии “чужого” коммуникант выполняет сложные когнитивные задачи. Во-первых, он имеет положительное или отрицательное отношение к тому, что совершает “чужой” в данном конкретном коммуникативном акте. Во-вторых, он имеет положительное или отрицательное отношение к “чужому вообще или к конкретной чужой культуре”. В-третьих, он не всегда осознает, что в коммуникативном акте имеют дело, как правило, не с фактами как таковыми, а с интерпретациями этих фактов субъектами восприятия, познания и коммуникации, поскольку фундаментальная особенность восприятия как феномена – его селективность» [Гришаева 2003].

Именно подобным настороженным отношением к «чужому» и «чужой культуре», а также количественным преобладанием в России мигрантов из стран СНГ, Средней Азии и Китая, внешне отличающихся от европейцев, объясняется так называемая «этнизация» масс-медийного дискурса: столь пристальное внимание в печатных СМИ к трудовым мигрантам-представителям некоторых национальностей.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Представленный в настоящей главе анализ когнитивных, психолингвистических и социологических основ исследования миграции позволяет сделать следующие выводы, важные для дальнейшего изучения метафорического моделирования миграции в дискурсе российских печатных СМИ и данных психолингвистического эксперимента.

1. Когнитивная лингвистика выходит за рамки привычного понимания языка как средства коммуникации, концентрируясь тем самым на тесной связи языковых и ментальных процессов, на способах восприятия, мышления, хранения информации. В рамках когнитивистики метафора рассматривается

как способ мышления, концептуализации и категоризации окружающей действительности, создающий целостную языковую картину мира.

2. Психолингвистика является еще одним из направлений современной науки о языке, складывающимся в рамках антропоцентрической парадигмы. Предметом психолингвистики является соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей» образа мира человека, с другой. Другими словами, психолингвистика призвана изучать человеческое измерение языка и речи, и роль языка в структурировании мира.

3. Метафорической основой мировидения является сам человек, его опыт, социальная среда и деятельность в процессе бытия. Осознавая себя мерой всего существующего, человек создает антропоцентрический порядок вещей, что составляет основу принципа антропометричности, на котором базируются процессы метафоризации. Таким образом, метафорические модели, функционирующие в различных видах современного дискурса, являются отражением как личного опыта человека, так и целой общности людей, как носителей языка.

4. Общий подход в рамках когнитивистики и психолингвистики к пониманию языка как «условия, орудия и результата познания окружающей действительности» [Маслова 2004: 9]; а также определение метафоры в когнитивной лингвистике как основной ментальной операции, способа познания, структурирования, оценки и объяснения мира, и в психолингвистике как «единицы картины мира» позволяют сопоставить метафорические модели, репрезентирующие миграцию в дискурсе российских СМИ и в данных психолингвистического эксперимента. Подобное сопоставление способствует более полному пониманию специфики метафоризации отдельных смысловых областей, в частности, явления миграции.

5. Российские исследования по метафорическому моделированию миграции единичны, да и в существующих публикациях миграция является лишь сопутствующей темой исследования; отсутствуют работы, рассматри-

вающие языковое представление понятия *мигрант* в рамках психолингвистики. Это позволяет констатировать, что представленное диссертационное исследование – первая попытка полного осмысления метафорического моделирования миграции не только на материале текстов российских СМИ, но и на основе данных психолингвистического эксперимента.

6. Миграция – явление социальное и актуальное для России, поэтому затрагивает интересы большинства жителей страны и находит отражение в отечественных СМИ. Для российской действительности наиболее актуальными являются следующие типы мигрантов: *трудовой мигрант, нелегальный мигрант, беженец*. Также необходимо отметить, что, по сообщению главы Федеральной миграционной службы РФ Константина Ромодановского, на 31 декабря 2009 года на территории Российской Федерации находятся 2,8 млн. граждан Украины; 1,5 млн. – Узбекистана; 1,4 млн. – Казахстана; 800 тыс. – Таджикистана; 700 тыс. – Молдавии; 500 тыс. – Азербайджана и Армении. Кроме того 400 тыс. трудовых мигрантов являются гражданами Германии и Китая, и 175 тыс. – граждане США [http://community.livejournal.com/ru_migration/ 15.02.2010]. Такие показатели «этнического лица» миграции в России безусловно важны для постоянного населения страны и авторов текстов СМИ.

Глава 2. Метафорическое моделирование миграции по материалам российских печатных СМИ

Цель настоящей главы диссертационного исследования – дать детальную характеристику метафорических моделей, репрезентирующих миграцию в дискурсе российских печатных СМИ 2000 – 2010 гг. Для реализации данной цели необходимо решить несколько задач.

1) рассмотреть особенности дискурса СМИ как особого вида институционального дискурса, а также специфику российского дискурса СМИ о миграции;

2) дать общую характеристику доминантных метафорических моделей, функционирующих в дискурсе отечественных печатных СМИ о миграции: классифицировать по сферам-источникам, по степеням частотности и продуктивности;

3) представить анализ метафорических моделей рассматриваемого дискурса:

- а) описать их фреймо-слотовую структуру,
- б) выделить типовые прагматические смыслы,
- в) охарактеризовать пересекаемость в некоторых фреймах и слотах.

2.1. Дискурс СМИ как особый вид институционального дискурса

Большое количество работ, посвященных описанию истории становления исследований в области изучения дискурса [Кубрякова 2000, Макаров 1998, Макаров 2003, Миронова 1997, Серио 1999 и др.]; а также специальные обзоры, отражающие различные подходы к определению дискурса [Карасик 2004; Макаров 2003; Паршин 1999; Петрова 2003; Прохоров 2004; Серио 2002; Цурикова 2002; Чернявская 2001, 2006; Чудинов 2001, 2003б; Шейгал 2004 и др.], позволяют нам избежать детального обзора исследований в этой области.

Стоит лишь отметить, что в рамках представленной диссертации мы понимаем дискурс вслед за Н. Д. Арутюновой, определившей его как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погружённая в жизнь»» [Арутюнова 1990: 136 – 137].

При изучении дискурса встает вопрос о его классификации. По мнению В. И. Карасика, с позиции социолингвистики (с позиций участников общения) можно выделить два типа дискурса: личностно-ориентированный (личный) и статусно-ориентированный. Личностно-ориентированный дискурс проявляется в двух основных сферах общения – бытовой и бытийной, при этом бытовое (обиходное) общение представляет собой генетически исходный тип дискурса, а бытийное общение выражается в виде художественного, философского, мифологического диалога. В свою очередь, статусно-ориентированный дискурс может носить институциональный и неинституциональный характер, в зависимости от того, какие общественные институты функционируют в социуме в конкретный исторический промежуток времени. Так, например, для современного общества релевантны научный, массово-информационный, политический, религиозный, педагогический, медицинский, военный, юридический, дипломатический, деловой, рекламный, спортивный и другие типы институционального дискурса [Карасик 2002: 199].

Выделяя массово-информационный тип дискурса, в первую очередь, «необходимо исходить из того, что СМИ – это средства *разъяснения* и *популяризации*, *передачи* особым образом обработанной, препарированной и представленной *информации* особому – массовому – *адресату* с целью *воздействия* на него» [Кубрякова, Цурикова 2008: 184]. Таким образом, вслед за В. И. Карасиком, предложившим компонентную структуру различных институциональных дискурсов [Карасик 2002], мы полагаем, что массово-

информационный, публицистический, масс-медийный, журналистский дискурс, иными словами – дискурс СМИ, обладает целым рядом признаков институциональности: типовые участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы. С данных позиций газетный дискурс, включающий в себя печатные и электронные СМИ, можно охарактеризовать следующим образом.

Во-первых, типовые участники дискурса – адресант (автор/коллектив авторов текста) и адресат (читатель). Адресант и адресат в дискурсе СМИ соотносятся как моделирующий и моделируемый, поскольку «автор текста массовой информации сам моделирует своего типового адресата, осуществляя коммуникативный акт, рассчитанный на определенную группу, выделяемую по половому, возрастному, национальному, социальному, конфессиональному, мировоззренческому и т.п. признакам» [Кобозева 2008: 225]. По мнению исследователей дискурса СМИ (М. Н. Володина, В. З. Демьянков, А. А. Леонтьев, Е. С. Кубрякова, Л. В. Цурикова, И. М. Кобозева, Г. Я. Солганик, Е. С. Кара-Мурза, А. П. Чудинов и мн.др.), ключевая позиция отводится именно адресату.

Во-вторых, пространственно-временная организация (хронотоп) дискурса печатных СМИ четко очерчена: пространство – это страницы всех собственно печатных и электронных версий печатных изданий СМИ, время же фиксируется периодичностью выхода в свет печатных и электронных изданий (ежедневные, еженедельные, ежемесячные, ежеквартальные). Стоит отметить, что пространство включает в себя структуру масс-медийных текстов. Исследователи подчеркивают, что структура текста масс-медиа последовательно отражает тенденцию к сохранению стандарта. Так, по мнению Т. ван Дейка, структура медиа-текста не имеет произвольного характера, а является результатом сложившейся в определенных институционалистских условиях социальной и профессиональной практики журналистской деятельности [Дейк 1989: 230]. Следовательно, можно говорить о структуре масс-медийного текста как культурно и социально детерминированной сущности.

В-третьих, цели современных средств массовой информации соответствуют основным функциям СМИ. Так, Т. Г. Добросклонская, проведя анализ специальной литературы, делает вывод о том, что несмотря на некоторые терминологические расхождения, совершенно неизбежные при становлении новой области знания, большинство исследователей выделяют следующие основные функции СМИ: информативную – передача информации о происходящих событиях; идеологическую – формирование идеологии, мировоззрения, определенной позиции по отношению к различным объектам действительности; развлекательную – процесс доставления аудитории определенных эмоций через посредство материалов развлекательного характера; образовательную – распространение знаний и повышение образовательного уровня аудитории; рекламную – воздействие на аудиторию с целью убеждения в необходимости приобрести товар или воспользоваться услугой [Добросклонская 2005: 21-22].

Идеологическая функция, или цель, общепринято обозначается как функция воздействия на адресата, и рядом исследователей языка СМИ рассматривается в качестве ведущей [Володина 2003, 2008; Кобозева 2003, 2008; Кубрякова 2008 и мн.др.], поскольку «информируя человека о состоянии мира и заполняя его досуг, СМИ оказывают влияние на весь строй его мышления, на стиль мировосприятия, на тип культуры сегодняшнего дня» [Володина 2003: 23]. По верному и емкому утверждению Т. ван Дейка, дискурс масс-медиа предписывает не столько то, ЧТО люди должны думать, сколько то, КАК люди должны думать [Дейк 1989].

В четвертых, ценности, в определении В. И. Карасика, могут быть «открытыми», выделяемыми, например, применительно к религиозному дискурсу (вера, признание Бога, понимание греха и добродетели, спасение души), и «скрытыми, подразумеваемыми, выводимыми», существующими в рамках, например, научного дискурса (истина, знание, исследование) [Карасик 2002: 223, 231]. Можно сказать, что суть дискурса СМИ состоит в использовании всех вышеназванных способов утверждения ценностей (что, в свою очередь,

зависит от коммуникативных стратегий, применяемых в конкретном тексте для максимально сильного воздействия на адресата), сами же ценности затрагивают совершенно разнообразные стороны жизни человека, так как СМИ – явление социальное: ценности культуры, религии, семьи, патриотизма, любви, «мира во всем мире» и др. Репрезентация ценностных концептов в дискурсе СМИ изучается в рамках лингвокультурологического подхода (С. В. Иванова, Ю. В. Южакова, Н. А. Красильникова, Е. В. Декленко, Э. М. Аникина, О. С. Боярских и др.). Ценностность масс-медийного дискурса может быть раскрыта через интерпретацию коннотаций лексических единиц, а также когнитивных смыслов, на интерпретацию которых, по словам М. Л. Макарова, сориентирован дискурс как таковой [Макаров 2003: 14]. Масс-медийный дискурс предполагает обращение к особо значимым или привычным для того или иного социума концептам, фреймам, сценариям. Так, например, Е. В. Декленко, исследуя лингвокультурологический аспект патриотического дискурса, отмечает культурную специфику задействованных в нем концептов [Декленко 2004: 10-11].

В-пятых, коммуникативные стратегии, применяемые в рамках медийного дискурса, весьма разнообразны. В соответствии с классификацией речевых стратегий, предложенной О. С. Иссерс, выделяются основные и вспомогательные стратегии. «Основная стратегия – та, которая на данном этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей. Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата» [Иссерс 2006: 106]. К основным стратегиям О. С. Иссерс относит семантическую – воздействие на адресата, его модель мира, систему ценностей, его поведение. К вспомогательным стратегиям – прагматические (установка на кооперативное общение либо отсутствие данной установки), диалоговые (контроль над организацией диалога), риторические типы стратегий (оптимизация речевого воздействия). Внутри каждого из типов исследователь выделяет несколько стратегий. Например, семантические

стратегии представлены стратегией дискредитации, подчинения и т.д. [Иссерс 2006: 106-109]. Таким образом, в зависимости от непосредственной цели адресанта и пропагандируемых им ценностей в конкретном медиа-тексте могут использоваться такие стратегии, как перенос ценностей, запугивание, убеждение, героизация, создание психологического напряжения и мн.др.

В-шестых, традиционно выделяются три группы жанров СМИ: *информационные, аналитические, художественно-публицистические* [Смелкова 2000: 152], – отличающиеся доминирующим в них коммуникативным намерением информирования или воздействия, что, в свою очередь, определяет различные способы моделирования внеязыковой действительности, различное соотношение в них экспрессии и стандарта [Костомаров 1971: 61]. В рамках данного диссертационного исследования отбор текстов для анализа производился не на основе их жанровой принадлежности, а в соответствии с их тематикой.

В-седьмых, прецедентные феномены – это имеющие вербальное выражение единицы, известные значительной части представителей лингвокультурного сообщества; актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; обращение к которым обнаруживается в речи представителей того или иного лингвокультурного сообщества (Красных 1997, Нахимова 2004). Если в религиозном дискурсе «тексты священного писания играют совершенно исключительную роль, являясь прецедентными текстами по отношению к самому понятию о прецедентных текстах (Слышкин, 2000)» [Карасик 2002: 229], то применительно к дискурсу СМИ можно говорить об использовании прецедентных текстов из совершенно разнообразных сфер: Библии, исторических фактов, художественной литературы, киноискусства, музыки и т.д. Использование прецедентных феноменов в СМИ не раз становилось объектом исследования ученых-лингвистов (В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Кондаков, Е. А. Нахимова, О. С. Боярских и др.).

Наконец, «под дискурсивными формулами понимаются своеобразные обороты речи, свойственные общению в соответствующем социальном ин-

ституте» [Карасик: 2002: 233]. К дискурсивным формулам, например, религиозного дискурса В. И. Карасик относит принятые в религиозном общении клише и функционально-обусловленные обороты, которые однозначно определяют тип данного дискурса, а к формулам научного – формулы, которые объединяют всех представителей научной общественности, вместе с тем существуют четкие ориентиры, позволяющие, например, во многих случаях отличить литературоведческое исследование от лингвистического [Карасик 2002: 229, 233]. Применительно к дискурсу СМИ, это конкретные коммуникативные тактики в рамках определенных стратегий и реализующие эти тактики собственно речевые ходы, а также лексика и фразеология таких разновидностей русского национального языка, как социальный жаргон (в СМИ особенно популярны следующие его разновидности: преступный, милицкий, молодежный и чиновничий) и просторечия.

Таким образом, *дискурс печатных СМИ*, обладающий всеми показателями институциональности, в рамках данного диссертационного исследования понимается как совокупность текстов, обусловленная воздействием тех или иных социальных и культурных факторов; передача когнитивного содержания, вкладываемого адресантом, адресату через текст в его языковой реализации и заложенных в нем определенных стратегий подачи информации (Рахимкулов 2007, Менджеричская 2008). В рамках дискурса СМИ осуществляется не только процесс распространения информации, но и процесс распространения отношения к ней (И. В. Анненкова, Н. Д. Бурвикова, М. Н. Володина, М. Р. Желтухина, В. И. Карасик, В. Г. Костомаров, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Е. А. Нахимова, Е. В. Покровская, И. В. Силантьев, С. И. Сметанина, И. А. Стернин, Ю. М. Фаткабратова, И. Д. Фомичева, Л. В. Цурикова и др.).

2.1.1. Специфика современного миграционного дискурса СМИ

В ходе предпринятого нами исследования было обнаружено 4458 публикации, посвященных теме миграции, в печатных и электронных версиях таких высокотиражных изданий как *Комсомольская правда* (320 текстов), *Аргументы и факты* (946 текстов), *Новая газета* (126 текстов), *Правда* (130 текстов), *Труд* (836 текстов), *Российская газета* (272 текста), *Время новостей* (125 текстов), *Известия* (1332 текста), *Газета.ru* (371 текст). Характеризуя хронологию миграционной тематики в дискурсе отечественных печатных СМИ в период с 2000 по 2010 гг., можно выделить несколько этапов, различающихся спецификой описания процесса миграции и частотностью появления публикаций, посвященных данному вопросу.

Первый этап приходится на самое начало XXI века (2000 – 2002 гг.): приняты и вступают в силу (впервые после распада СССР) два важнейших закона, регулирующих процесс миграции на территорию Российской Федерации. Первый из них – Закон «О гражданстве РФ» (31 мая 2002), второй – «Федеральный закон о правовом положении иностранных граждан в РФ» (31 июля 2002); публикуются тексты этих законодательных актов и комментарии к ним. В это же время проводится Всероссийская перепись населения, результаты которой отражают неблагоприятную демографическую ситуацию в стране, и, как следствие этого, в прессе появляются статьи, посвященные проблеме изменения политики в области миграции.

Второй этап в освещении темы миграции приходится на 2003 – 2004 гг.: акцент делается именно на трудовой миграции и ее последствиях для экономической и социальной жизни России, в прессе муссируется тема межэтнических конфликтов, периодически случающихся в различных регионах страны. Также идет обсуждение Постановления Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2003 г. N 658 (г. Москва) «Об утверждении на 2004 год квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности», в кото-

ром сообщается о сокращении вдвое квот на въезд иностранцев (213 тыс. трудовых мигрантов – установленная квота на 2004 год, по сравнению с полумиллионной на 2003), и Постановление Правительства Российской Федерации от 16 августа 2004 г. N 413 «О миграционной карте».

Третий этап совпадает с 2005 – 2006 гг.: публикации в прессе появляются практически через день, что связано с активным обсуждением так называемой «миграционной амнистии», предлагающей легализовать трудовых мигрантов (только из стран СНГ, с которыми у России безвизовый режим), незаконно осуществляющих деятельность на территории РФ. В печати комментируются положительные и отрицательные моменты данной процедуры. Кроме того, статьи 2006 года отмечены частыми упоминаниями сразу нескольких Постановлений Правительства РФ, принятых в рамках Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (Постановление Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2006 г. N 683 г. Москва «Об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории Российской Федерации»; Постановление Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2006 г. N 665 г. Москва «Об утверждении на 2007 год квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности»; Постановление Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2006 г. N 681 г. Москва «О порядке выдачи разрешительных документов для осуществления иностранными гражданами временной трудовой деятельности в Российской Федерации»; Постановление Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2006 г. N 682 г. Москва «Об утверждении на 2007 год квоты на выдачу разрешений на работу иностранным гражданам, прибывшим в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы») и комментариями к ним.

Публикации 2007 года представляют собой отдельный, *четвертый, этап* в освещении темы миграции. Основная часть всех сообщений в прессе о миграции связана с установлением квоты, определяющей лимит трудовых мигрантов на 2007 год в 6 миллионов человек; комментируются последствия привлечения такого большого количества иностранцев. Кроме этого, живо обсуждаются еще две темы: запрет на использование иностранной рабочей силы на российских рынках, вступивший в силу 1 апреля 2007 года; и проблема необходимости изучения русского языка мигрантами, открывающего путь к адаптации мигрантов для жизни в России.

Немало публикаций данного периода посвящено негативному влиянию мигрантов на криминогенную обстановку в России, в частности, приезжих обвиняют в том, что треть всех преступлений, совершаемых на территории РФ, происходит с их участием. Несмотря на это, активно публикуются статьи сочувствующего характера, где мигранты определяются как бесправная рабочая сила, фактически находящаяся в России на правах рабов.

Пиком количества сообщений в прессе и разнообразием тематик в освещении вопроса миграции является *пятый этап*, включающий публикации 2008 – 2010 гг.

Конец 2008 года – «внезапно» разразившийся мировой финансовый кризис: начиная с октября 2008 и до начала лета 2009 в печатных СМИ наиболее частотны статьи, публикующиеся под лозунгом «Вакансии для местных» (Российская газета, 31.03.09), где освещается проблема жесткой конкуренции на российском рынке труда, создаваемой трудовыми мигрантами в условиях экономического кризиса, когда большое количество постоянных жителей России являются безработными. В публикациях говорится именно о «засилии» иностранной рабочей силы, следовательно, большинство сообщений имеет ярко выраженный негативный оттенок.

В начале 2009 года вступает в силу Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2008 г. N 1099 г. Москва «Об установлении на 2009 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяй-

ствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли и в области спорта на территории Российской Федерации», запрещающее иностранцам торговать любыми товарами в палатках и на рынках, а также в любых местах розничной торговли вне магазинов (запрет не распространяется на оптовиков, подсобных рабочих, частных предпринимателей). Также приезжим запрещается заниматься розничной торговлей алкогольными напитками, в том числе пивом, независимо от ранга торгового предприятия; нельзя стоять за прилавками аптек. Кроме того, ограничивается определенным процентом допустимая доля иностранных граждан, занимающихся так называемой «прочей деятельностью в области спорта», куда относятся: организация и проведение спортивных мероприятий для профессионалов или любителей; деятельность по содействию и подготовке спортивных мероприятий; деятельность самостоятельных спортсменов и атлетов, судей, хронометражистов, инструкторов, тренеров и т.п.; деятельность школ верховой езды; деятельность гаваней (пристаней) для прогулочных судов и другое. Все данные ограничения бурно обсуждаются в российской печати.

В противовес подобным, «очерняющим» и «обличающим», статьям часто публикуются интервью с заведующей лабораторией миграции Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН Жанной Зайончковской и председателем исполкома «Форума переселенческих организаций» Лидией Графовой, которые всячески подчеркивают положительные стороны миграции (социальные, экономические, демографические). Продолжает освещаться тема рабского положения мигрантов в России.

Конец весны – лето 2009 года – закрытие Черкизовского рынка в г. Москва: большая часть публикаций связана с процессом закрытия «Черкизона» и последствиями этого. Делаются тревожные прогнозы по поводу того, куда теперь пойдет «многотысячная безработная армия гастрабайтеров».

Вторая половина 2009 – начало 2010 гг.: сообщения об урезании квот на въезд иностранных граждан в целях осуществления трудовой деятельности на территории РФ в 2010 году до 611080 человек (Постановление Прави-

тельства Российской Федерации от 28 ноября 2009 г. N 963 г. Москва «Об утверждении на 2010 год квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности»), по сравнению с 2007 годом, когда квота составляла 6 миллионов человек.

Кроме этого, в начале 2010 г. в прессе обсуждается вопрос о введении запрета в Москве на вождение маршрутных такси трудящимися-мигрантами; а также комментируется скандал вокруг ряда сюжетов телепрограммы «Наша Russia» и художественного фильма «Яйца судьбы», запрещенного к показу и продаже дисков с фильмом в Таджикистане. Общероссийское общественное движение «Таджикские трудовые мигранты» обратилось в генпрокуратуру и в Федеральную Службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с просьбой прекратить вещание отдельных сюжетов программы «Наша Russia» и продажу дисков с фильмом «Яйца судьбы», так как, по мнению председателя движения Каромата Шарипова, «их трансляция является разжиганием межнациональной розни» (Труд, 22.03.2010).

Помимо обозначенного круга вопросов, в период с 2008 по 2010 гг. печатные публикации в СМИ посвящены обсуждению тем, ставших за последние годы (начиная с 2007 года) традиционными: изучение русского языка мигрантами и их интеграция в российскую культуру, конфликты на национальной почве и роль мигрантов в решении демографических проблем России. Последняя тема особенно обсуждается в прессе весной 2010 года, что связано с сообщением о том, что «вымирание России удалось остановить лишь с помощью мигрантов» (Труд, 23.04.2010).

Отдельно стоит отметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода (2000-2010 гг.) в печатных СМИ систематически появляются публикации, подчеркивающие стихийный и захватнический характер миграции на территорию РФ; статьи, посвященные нелегальной миграции. Большинство статей последнего десятилетия носит ярко выраженную этническую направ-

ленность, поскольку для российской действительности актуальны мигранты определенных национальностей. Этот факт постоянно подчеркивается в прессе: создается образ «чужого», «врага» представителей некоторых национальностей. Кроме того, в печати активно заговорили о толерантном отношении к людям других национальностей; а также появилась тенденция, подчеркивающая некорректность использования слова «русский» и необходимость употребления вместо него понятия «россиянин» (Правда, 06.01.04).

Общее количество увеличения публикаций, посвященных вопросам миграции, наблюдается с 2005 года, когда в России начала проводиться осознанная миграционная политика.

Таким образом, можно отметить некоторые особенности дискурса российских печатных СМИ о миграции в период с 2000 по 2010 гг.

1. Этнизация масс-медийного дискурса, проявляющаяся в акцентировании внимания журналистов на приезжих из Таджикистана, Азербайджана, Узбекистана, Армении, Казахстана и Китая. Данная особенность является источником метафорической модели, обозначенной в представленном диссертационном исследовании как этническая.

2. Подчеркивание в прессе стихийности и неорганизованности процесса миграции, реализующееся в большом количестве метафорических словоупотреблений, типа *наплыв*, *поток*, *шквал* и т.п., порождает природную, а точнее – гидронимную, метафорическую модель.

3. Выделение экономической стороны явления миграции, поскольку значительная часть публикаций в отечественной периодике связана именно с трудовыми мигрантами, отсюда такие их характеристики как *трудовая сила*, *рабочие руки*, *иностранные трудовые ресурсы* и проч. Подобные словоупотребления в российских СМИ составляют экономическую метафорическую модель.

4. Определение процесса миграции в Россию как насильственного *захвата российской территории*, *засилия*, *оккупации земли русской* порождает

милитарную метафорическую модель в рамках медийного дискурса о миграции.

5. Характеристика миграции как явления, усугубляющего и без того непростую криминогенную обстановку в Российской Федерации, образует криминальную метафорическую модель.

6. Освещение в теме миграции такой ее положительной стороны как позитивность влияния на демографическую ситуацию в стране – с одной стороны (*свежая кровь, страны-доноры* и т.п.), и, с другой – такой негативной, как представление о мигрантах как о разносчиках опасных инфекционных и психических (*мигрантофобия* и др.) заболеваний формируют морбиальную и физиологическую метафорические модели.

Таким образом, в дискурсе СМИ акцент делается именно на трудящихся мигрантах.

2.2. Общая характеристика метафорических моделей, репрезентирующих миграцию в дискурсе современных российских СМИ

В ходе диссертационного исследования нами проанализированы 1529 метафорических словоупотреблений, представляющих миграцию в дискурсе российских печатных СМИ 2000 – 2010 гг. Все выделенные метафоры были систематизированы в соответствии с предложенным А. П. Чудиновым (2001, 2003) способом классификации концептуальных метафор. Классификация метафор, репрезентирующих миграцию в обозначенном дискурсе, производилась по следующим параметрам:

1. Понятийная сфера-источник метафорической экспансии.
2. Частотность.
3. Степень продуктивности метафорической модели.

1. В зависимости от сферы-источника метафорической экспансии в рамках отечественного дискурса СМИ по проблемам миграции выделяется 8 доминантных метафорических моделей (см. Таблица № 1).

**Классификация метафорических моделей по сферам-источникам
в дискурсе российских печатных СМИ о миграции**

Таблица № 1

Название модели
Социальная метафора
1. Милитарная метафорическая модель
2. Криминальная метафорическая модель
3. Этническая метафорическая модель
4. Экономическая метафорическая модель
Антропоморфная метафора
5. Морбиальная метафорическая модель
6. Физиологическая метафорическая модель
Метафора природы
7. Гидронимная метафорическая модель
8. Зооморфная метафорическая модель

Стоит отметить, что выделенные модели не исчерпывают всего многообразия метафорических моделей, функционирующих в российском дискурсе СМИ о миграции. За рамками рассмотрения остались метафорические модели со сферами-источниками «Мир растений», «Дом», «Семья», «Секс», «Сверхъестественное» и другие. В большинстве своем эти модели уступают в частотности и продуктивности доминантным моделям и по критерию сферы-мишени не выявляют релевантной специфики на уровне всей метафорической модели, хотя на уровне отдельных слотов кратковременная активизация тех или иных метафор может быть показательной. Для наших целей важно выделить высокочастотные доминантные метафорические модели, являющиеся основой отечественного миграционного медийного дискурса.

2. **Частотность** метафорических моделей представлена как количеством выделенных примеров концептуальной метафоры в рамках каждой группы, так и процентным соотношением, представленными в *Таблице № 2*. В

рамках данного диссертационного исследования по степени частотности мы выделяем три группы метафорических моделей.

1) **Высокочастотная** метафорическая модель – более 15 % от общего числа метафорических словоупотреблений. Таковыми моделями в рамках дискурса СМИ о миграции являются *милитарная, этническая, криминальная* и *гидронимная* модели, из которых три первые составляют социальную группу концептуальных метафор. Высокая степень употребительности последних объясняется тем, что миграция – понятие, прежде всего, социальное, поэтому осмысливается посредством связанных с ней «социальных» характеристик. Высокочастотность гидронимной метафорической модели обусловлена традиционным (в том числе, как показывают зарубежные исследования (О. Санта Ана, И. ван дер Валк, Е. Эль Рефайе и др.), и в общемировой практике) представлением о миграции как о явлении стихийном и неорганизованном.

2) **Среднечастотной** – не менее 10 % – в рамках рассматриваемого дискурса оказалась модель *экономическая*. Средняя степень частотности данной модели объясняется, с одной стороны, важностью миграции для российской экономики; с другой – тем, что, в целом, русской культуре, до недавнего времени, было не свойственно структурирование окружающего мира посредством экономической метафоры.

3) **Низкочастотные** метафорические модели – менее 10 % примеров: зооморфная, морбиальная и физиологическая. Так, низкая степень частотности зооморфной модели связана с политикой толерантности и содержанием пункта 7 Декларации Международной федерации журналистов о принципах поведения журналиста, принятой на Втором Всемирном Конгрессе Международной Федерации журналистов в Бордо 25-28 апреля 1954 года (изменения внесены на XVIII Всемирном Конгрессе МФЖ в Хельсинки 2-6 июня 1986 года). Согласно пункту 7, «Журналист должен отдавать себе отчет в той опасности, которую таит в себе призыв к дискриминации, распространенный через СМИ, и должен сделать все возможное для того, чтобы избежать даже невольного стимулирования дискриминации на основе расы, пола, сексуаль-

ной ориентации, языка, религии, политических или иных взглядов, национального и социального происхождения» [<http://www.medialaw.ru>], а значит – некорректности в использовании наименований животных для характеристик представителей других национальностей. Низкая частотность употребления морбиальной и физиологической моделей мы объясняем неоднозначностью типовых прагматических смыслов, свойственных образам данных моделей.

**Таблица № 2. Частотность метафорических моделей,
репрезентирующих миграцию
в дискурсе российских печатных СМИ**

Таблица № 2

Название модели	Количество примеров метафорических единиц (МЕ)
Милитарная метафорическая модель	378 МЕ/ 24,7 %
Криминальная метафорическая модель	264 МЕ/ 17,3 %
Гидронимная метафорическая модель	252 МЕ/ 16,5 %
Этническая метафорическая модель	235 МЕ/ 15,4 %
Экономическая метафорическая модель	163 МЕ/ 10,6 %
Морбиальная метафорическая модель	98 МЕ/ 6,4 %
Зооморфная метафорическая модель	85 МЕ/ 5,5 %
Физиологическая метафорическая модель	54 МЕ/ 3,5 %
Всего	1529 МЕ

3. Степень продуктивности метафорической модели определяется по способности к разворачиванию смыслов и образованию фреймо-слотовых структур. Результаты представлены в *Таблице № 3*.

**Продуктивность метафорических моделей, репрезентирующих
миграцию в дискурсе российских печатных СМИ**

Таблица № 3

Название модели	Фреймо-слотовая структура
Милитарная метафорическая модель	6 фреймов / 7 слотов
Криминальная метафорическая модель	5 фреймов / 4 подфрейма / 13 слотов

Гидронимная метафорическая модель	4 фрейма / 8 слотов
Этническая метафорическая модель	4 фрейма
Экономическая метафорическая модель	2 фрейма / 7 слотов
Морбиальная метафорическая модель	2 фрейма / 3 слота
Зооморфная метафорическая модель	3 фрейма / 4 слота / 2 подслота
Физиологическая метафорическая модель	2 фрейма / 3 слота

1) **Продуктивные** метафорические модели – 3 фрейма и более/не менее 5 слотов: *милитарная, криминальная, гидронимная* модели. В данном случае высокая степень продуктивности совпадает с самым высоким уровнем частотности использования обозначенных моделей.

Такая степень продуктивности моделей объясняется их традиционностью и структурированностью в русском языковом сознании, а также их актуальностью для СМИ в качестве репрезентантов миграции.

2) **Среднепродуктивные** метафорические модели – 3 фрейма и не менее трех слотов или 2 фрейма с развитой слотовой структурой (не менее 4-х слотов)/ 4 фрейма: *этническая, экономическая и зооморфная* модели. Средняя степень продуктивности экономической модели связана, как уже указывалось выше, с ее нетрадиционностью и незакрепленностью в национальном сознании россиян; зооморфной модели – с некорректностью в использовании зооморфизмов для репрезентации иностранцев; этнической – неструктурированностью модели в языковом сознании.

3) **Малопродуктивные** метафорические модели – 2 фрейма и 3 слота: *морбиальная и физиологическая* модели, что обусловлено ярко выраженной дупольностью в осмыслении миграции посредством метафор со сферой-источником «Болезнь» (2 фрейма) и однозначностью возникающих смыслов метафор физиологической модели.

Кроме трех рассмотренных параметров классификации концептуальных метафор, в ходе анализа метафорических моделей будут выделены типовые прагматические смыслы, возникающие в рамках каждой модели.

2.3. Милитарная метафорическая модель

Мы осмысляем мир посредством хорошо знакомых нам и актуальных для нас образов. Так случилось, что война в человеческом сознании – именно такой образ, поскольку лишь за последние сто лет человечество пережило 203 войны [<http://ru.wikipedia.org/wiki>], включая две мировые. Даже сейчас, в эпоху глобализации, в мире, не прекращаясь, идут войны и периодически случаются вооруженные конфликты (Палестино-Израильский, Грузино-Осетинский и мн.др.), участниками которых прямо или косвенно становятся и члены российского общества. Все это объясняет то, что «базисная метафора РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это НЕПРЕКРАЩАЮЩАЯСЯ ВОЙНА, или в другой формулировке – СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – это МИЛИТАРИЗИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО» [Чудинов 2001: 104] играет ведущую роль в метафорическом осознании российской действительности.

Дж. Лакофф и М. Джонсон, которые впервые обратились к анализу военной метафоры в рамках теории концептуальной метафоры, рассмотрели модель «ARGUMENT IS WAR» (СПОР – ЭТО ВОЙНА), продемонстрировав ее значимость для американской культуры [Лакофф, Джонсон 1990]. Обзор исследований политической метафоры в России и странах ближнего зарубежья (1990 – 2006), представленный в монографии А. П. Чудинова и Э. В. Будаева «Метафора в политической коммуникации», свидетельствует о том, что из 62 работ, посвященных характеристике концептуальных метафор в различных типах дискурса, 25 включают в себя анализ метафор с рассматриваемой сферой-источником метафорической экспансии: об этом пишут А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов (1994), А. Б. Ряпосова (2002), А. А. Каслова (2003), Э. Лассан (2004) и многие другие специалисты [Будаев, Чудинов 2008: 217 – 226].

Наша задача – рассмотреть специфику использования военной метафоры, репрезентирующей миграцию в дискурсе отечественных печатных СМИ, поскольку актуальная для политического дискурса метафора войны широко используется в СМИ для осмысления процесса миграции на террито-

рию РФ: сама миграция осмысливается как *захватническое нашествие*, а этнически другой мигрант часто представляется в виде *врага*.

В рамках заданного дискурса милитарная метафорическая модель является высокочастотной и продуктивной, имеет следующую фреймо-слотовую структуру.

1. Фрейм «Война и ее разновидности»

В метафорическом представлении явление миграции в СМИ преподносится как *засилие, источник конфликтов*, с которыми приходится вступать в вооруженные столкновения, причем *борьба* ведется, во-первых, в общепринятом смысле («война – вооруженная борьба между государствами и народами, между классами внутри государства» [Ожегов 1999: 93]).

Ср.: *Это можно сделать только с помощью массовых карательных операций, что будет обозначать войну. В этой войне новым душманам будет оказана вся мыслимая помощь из-за рубежа, а Россия окажется в положении страны-изгоя* (Превратится ли «советский народ» в «российский»? – Правда, 06.01.04); *Война «инородцам» уже объявлена* (М. Озеров / Война «инородцам» уже объявлена? – КП, № 172, 20.09.01); *Сейчас у армян подрастает молодежь, которая ведет себя вообще беспредельно. Поэтому пусть не обижаются, что мы с ними также по понятиям. Тут уже приходится действовать как на войне* (Ю. Сердюк / Кубанский синдром: интернационал, который лопнул – Известия, 22.04.02).

Примечательно, что даже в текстах известных защитников прав мигрантов с целью создания негативного образа политиков, выступающих против увеличения количества приезжих и осуществляющих неграмотный подход к вопросам миграции, актуализируются милитарные образы.

Ср.: *А ровно через три (!) дня Путин... подписал указ о передаче миграции в ведение МВД. По сути это было официальное объявление войны «понаехавшим»* (Л. Графова / Силовой прием – НГ, № 21, 24.03.05).

Лидия Графова – председатель исполкома «Форума переселенческих организаций», ратующая за осознанную миграционную политику.

Во-вторых, в смысле духовном – *война со злом*, которое необходимо искоренить.

Ср.: *Не выучат они русский! (...). Шлейф, конечно, небольшой языковой будет тянуться, но это уже совсем не та «война», которую ведут учителя с неадаптированными детьми* (О. Коленкова / Покажи язык – РГ, № 4691, 25.06.08); *От «дружбы народов» до «войны наций»* (Известия, 11.11.05); *Вот, например, среди жителей столицы принято сетовать на засилие мигрантов и считать, что мигранты – зло, с которым нужно бороться* (Стареем, умнеем и почти не размножаемся – Известия, 01.07.04); *С первых же действий чиновников стало ясно, что корень всех зол, по их мнению, связан с засильем мигрантов. И новые меры в первую очередь будут направлены против них* (Арифметика базара – ВН, № 209, 14.11.06).

В основу метафорического переноса «*война наций*» положена антитеза: метафорическое сочетание противопоставляется устойчивому в СССР сочетанию «*дружба народов*».

Прямое значение слова *засилие* уже содержит в себе отрицательные коннотации (ср.: «вредное подавляющее влияние кого-чего-н. на ход жизни, дел» [Ожегов 1999: 219]), в рамках контекста же оно обрастает дополнительными смыслами: аксиологическая категория *зла* (*зло, с которым нужно бороться, корень всех зол*) метафорически представляет миграцию в виде *засилия зла* уже не в бытовом понимании, а в бытийном.

Прагматический потенциал подобных словообразований очевиден: даже простое недопонимание между постоянными жителями и мигрантами характеризуется в СМИ как *жестокая вражда*, а сам мигрант оценивается как *абсолютное зло*, с которым нужно вести *непримиримую войну*. Кроме этого, агрессивность милитарных метафор поддерживается самим контекстом через использование эмоционально-оценочной лексики: *предприимчивый, худо, расплзается, злейший, сетовать, агрессивующий*.

2. Фрейм «Образ врага»

В СМИ мигрант репрезентируется как *враг*, имеющий вполне определенные черты. Метафорические определения мигранта, в первую очередь, касаются его этнической принадлежности: *внешний враг – злой мигрант, коварный горец, китайское нашествие, китайская угроза, желтая опасность*. Кроме того, враг представляет собой вполне конкретную угрозу для постоянных жителей. Поэтому данный фрейм состоит из двух слотов «Этническое лицо врага» и «Характер угрозы, исходящей от врага».

2.1. Слот «Этническое лицо врага»

Любая модель характеризуется рядом важных свойств, к числу которых мы вслед за А. П. Чудиновым, относим иерархическое устройство, пересекаемость метафорических моделей, открытость, способность ко все более детальному развертыванию [Чудинов 2001: 38 – 43, 172 – 176]. Синкретичный характер метафорической модели обусловлен внутренней организацией концепта, а именно, нечеткостью его внутренней структуры, размытостью границ, представленных как в индивидуальном, так и национальном сознании. Такие свойства как отсутствие строгих границ, диффузность характерны для любой метафорической модели. Так, метафорика слота «Этническое лицо врага» представляет собой яркий пример «этнической» метафоры.

Ср.: *Как только китайцы захотели вкладывать деньги в нашу экономику, тотчас началась истерика: мол, китайская угроза, Россия «окитаивается»* (Московский чайна-таун вырастет на Яузе – Известия, 14.06.07); *И под «ударом» оказывается прежде всего Урал. (...). Но противников «желтого нашествия» хоть отбавляй* (Е. Арсюхин / Китаец на русской грядке – РГ, № 4406, 06.06.07); *В самом деле, ведь в притеснителях российского населения числится далеко не только внешний враг – злой мигрант или коварный горец* (Приговор санинспектора – Газета.ru, 31.03.08); *Основная аудитория – торговцы одного из крупнейших уральских вещевых рынков «Таганский ряд», с которого собственно и началось победоносное шествие ки-*

тайцев по региону (Китайская грамота – ВН, № 14, 29.01.01); *Китайцы завоюют мир. Любыми ценами* (Д. Барбоза – НГ, 23.10.09).

В первую очередь, метафоры разбираемого слота касаются китайцев, особенно часто их метафорические определения появляются в статьях, посвященных миграции на Дальний Восток, так как эта часть страны граничит с Китаем, и, по статистике, китайские мигранты занимают первое место на Дальнем Востоке в количественном отношении. Далее следуют выходцы с Кавказа и из Центральной Азии: узбеки, таджики, азербайджанцы, дагестанцы. Такой акцент на национальной принадлежности миграции обусловлен, в целом, этнизацией дискурса СМИ о миграции (см. подробнее в первом параграфе данной главы диссертации). Причем, как показывают примеры, метафорические единицы, используемые при описании людей «некоренных национальностей», имеют негативный прагматический потенциал не только в рамках контекста через использование оценочных, зачастую цветowych, эпитетов, ср. *коварный горец, злой мигрант, желтое нашествие*; но и на уровне единичных лексем: *азеры, чурки, чебуреки, хачики, косоглазые, узкоплечные, окитаивание*. Уже во внутренней форме подобных жаргонных словообразований содержится отрицательный эмоционально-оценочный компонент, который в совокупности с военной лексикой приобретает вполне определенный смысл: «Бей китайца/узбека/таджика/азербайджанца – спасай Россию!».

Стоит отметить, что появление в СМИ подобных жаргонных наименований обусловлено зачастую не желанием оскорбить представителей определенных национальностей, а попыткой привлечь внимание общественности к проблемам миграции. В погоне за яркими образами, с целью максимального воздействия на аудиторию, журналисты, сами того не осознавая, прибегают к языку вражды, к метафорам, «которыми мы дискриминируем» [Эль Рефайе 2001].

2.2.Слот «Характер угрозы, исходящей от врага»

В современных отечественных СМИ моделируется образ мигранта, как несомненного потенциального или реального виновника всевозможных кон-

фликтов: социальных, религиозных, этнических, экономических и прочих. Часто в рамках военной модели СМИ апеллируют к категориям, которые представляют собой безусловные ценности для каждого: *дети, нация, мир*.

Ср.: *Мигрант – угроза нации* (Мигрант – угроза нации – Газета.ru, 21.05.09); *Дети мигрантов – лишь одно из возможных лиц многоликой угрозы для нас и наших детей* (Дети чужаков – Газета. ru, 14.05.09); *Ирония истории заключается в том, что главную угрозу стабильности глобализованного мира видят сегодня в предприимчивых непоседах и переселенцах, то есть тех, кто на заре времен был застрельщиком глобализации* (Национальные страхи и будущее глобализации – ВН, № 93, 29.05.08); *Мы регулярно слышим стоны чиновников о засилье мигрантов, которые нарушают законы, не платят налоги и являются благодатной почвой для роста преступности* (Некоторые городские сектора экономики уже захвачены иностранцами – Известия, 22.10.04).

Некоторые метафоры данного слота пересекаются с метафорикой экономической модели и в полной мере могли бы быть отнесены к сферистическому метафорическому экспансии «Экономика». Это образы, отражающие восприятие мигрантов в качестве угрозы для российской экономики: приезжая на территорию РФ, переселенцы или трудовые мигранты активно вовлекаются в экономическую жизнь страны и влияют на нее. Ср.: *некоторые сектора экономики уже захвачены иностранцами*.

В целом, возможный прагматический потенциал метафор фрейма «Образ врага»: враг имеет вполне определенные характеристики по национальному признаку, является угрозой для стабильности существования базовых ценностных категорий (дети, нация, мир) и для российской экономики.

3. Фрейм «Организация военной службы»

Организация военной службы касается деления воинских структур на подразделения и классификации по видам воинов. Фрейм состоит из двух слотов.

3.1. Слот «Специализация воинов»

Метафоры данного слота представляют собой, в основном, прецедентные «милитарные» наименования: из истории Римской Империи, татаро-монгольского нашествия и проч.: «*легионер*» («воин, солдат легиона» [Ожегов 1999: 321]), «*гунны*» («воины, группа древних тюркских племен, вторгшихся в Европу в начале н.э.» [Там же: 149]), «*джигит*» («искусный наездник у кавказских горцев, казаков» [Там же: 164]). Кроме этого, в слот входит название такой должности как «*лоцман*» («специалист по проводке судов, хорошо знающий фарватер» [Там же: 333]).

Ср.: *Граждан СНГ – около половины всех «легионеров»* (Патентованный арматурщик – ВН, № 54, 31.03.05); *Держат себя иностранные рабочие около построек, как гунны в завоеванной стране, и решительно не желают считаться ни с чьими интересами* (Шестиэтажные громады (книга «Москва повседневная») – Газета. ru, 01.11.05); *Метро «Кузьминки». В сквере перед Областным драмтеатром и днем, и ночью «отдыхает» компания молодых, до 25, людей. С Кавказа. (...). Вчера пришлось столкнуться с эскадроном летучих джигитов во второй раз* (Е. Новоселова / Хамство на ходу – РГ, № 4772, 15.10.08); *А год назад в 87-ой школе для детей мигрантов появилась еще и «Школа конфликтлоцманов»* (Ю. Лаврушина / *Лоцманы для конфликтов* – РГ, № 4255, 22.12.06).

Такое осмысление миграции в СМИ связано с тем, что это названия, прочно закрепившиеся в мировой истории за представителями конкретных наций и определенными историческими событиями: римские легионеры покорили весь мир; варвары-гунны, в свою очередь, разрушили Римскую Империю; под гнетом татаро-монгольского ига долгое время находилась Русь. Метафорический перенос с исторических милитарных прецедентов на миграцию обусловлен их культурной маркированностью, пониманием авторов медийных текстов того, что эти образы закреплены в языковом сознании россиян и будут вызывать вполне одинаковые для всех ассоциации: *варвары, дикари, поработители.*

3.2. Слот «Воинские подразделения»

Слот представлен метафорическими выражениями, в которых в качестве источника метафорической экспансии используются следующие военные понятия: самое крупное воинское подразделение – *армия*, так как все мигранты, пребывающие на территории России, воспринимаются как сражающаяся заодно армия – *за место под российским солнцем* (Миграционная полиция займется нелегалами – РГ, № 4228, 22.11.06), армия не союзническая, а вражеская. Словоупотребление *армия* по отношению к мигрантам встречается в 28 текстах различных изданий, что является, на наш взгляд, показателем появления паремии «армия мигрантов», такой же, например, как «рабочая сила», «трудовые резервы». Об этом свидетельствуют и зарубежные исследования в области метафорического моделирования миграции в СМИ (их обзор представлен в первой главе диссертации): *армия миграции, армия вторжения* – традиционные образы, характеризующие миграцию в Европе и США (Е. Эль Рефайе, О. Санта Ана, И. ван дер Валк и др.).

Кроме этого, миграция осмысливается через посредство метафорического употребления понятий *орда* и *легион*, в современной действительности чаще функционирующих в переносном значении «толпа, скопище, банда» [Ожегов 1999: 459] или «неисчислимое множество» [Там же: 321], но в мировой культуре закрепившихся в качестве названий воинских подразделений: «орда – у тюркских кочевых народов в средние века: ставка хана, ранее – военно-административная организация у этих народов» [Там же: 459], «легион – в Древнем Риме крупная войсковая единица». Также миграция в СМИ представлена единичными метафорическими словоупотреблениями *эскадрон* («в кавалерии: подразделение, соответствующее роте в пехоте» [Там же: 912]), *десант* («войска, высаженные на вражескую территорию, а также высаженная куда-н. быстродействующая военизированная группа» [Там же: 162]) и *отряд* («специальное или отдельное воинское формирование» [Там же: 479]).

Ср.: *Гигантские армии мигрантов осаждают все европейские (и не только) страны* (С. Роганов / Что лучше: СССР или 20 сортов колбасы? –

АиФ, 26.10.09); *Если центральная власть и дальше будет заниматься только полицейским регулированием миграции, закрывая глаза на ее социальные и экономические причины, если не озаботится экономическим развитием других регионов, орды мигрантов и дальше будут накрывать столицу* (Гостей в столице ждут, но немного боятся – Известия, 06.06.07); **Иностраный легион**: *Россия конкурирует по числу мигрантов с США и Германией* (Иностраный легион – ВН, № 145, 08.08.03); *Метро «Кузьминки». В сквере перед Областным драмтеатром и днем, и ночью «отдыхает» компания молодых, до 25, людей. С Кавказа. (...). Вчера пришлось столкнуться с эскадрон летучих джигитов во второй раз* (Е. Новоселова / Хамство на ходу – РГ, № 4772, 15.10.08); *Со дня на день она ждет традиционный трудовой десант из Узбекистана – полсотни человек* (Т. Тараканова / Посторонние силы – РГ, № 5107, 11.02.10); *Знаете, Мега, когда я вижу в своем дворе отряды мигрантов-гастарбайтеров, убирающих мусор, - хорошо убирающих! – мне становится очень стыдно* (За союз «креста» и «полумесяца» – АиФ, 30.09.09).

Примечательно, что *армия, орда, легион* – это самые крупные подразделения, существующие или когда-то существовавшие в воинских структурах; следовательно, посредством метафорического переноса их свойств на миграцию в отечественных печатных СМИ моделируется образ миграции как силы колоссальной и разрушительной. Последнее подчеркивается и оценочными эпитетами *гигантские, огромные*.

Метафорические образования рассматриваемого фрейма имеют однозначно негативный прагматический потенциал: мигрантов целая армия – ее нужно опасаться, а по возможности – противостоять ей.

4. Фрейм «Военные действия и вооружение»

Военные действия применительно к дискурсу СМИ о миграции могут быть атакующими, связанными с *захватом российской территории*, и оборонительными, имеющими отношение к *защите собственной территории*, в

ходе этих действий применяются различные *виды оружия*. В рамках обозначенного фрейма выделяются следующие слоты.

4.1. Слот «Атакующие военные действия»

Атакующие военные меры, по образному определению СМИ, предпринимают мигранты в отношении постоянного населения России, а главное – российской территории, следовательно, эти действия носят захватнический характер. Слот составляют такие образно используемые номинативные единицы как *оккупировать, ополчиться, штурмовать, атаковать, выдавливать, давить, завоевывать; захват, удар, атака, штурм, колонизация* и т.п.

Ср.: *Но младенцы-то, демонстрируемые телекамерой в роддоме, почти все черные! Идет ползучая оккупация, к сопротивлению который мы не готовы* (От «дружбы народов» до «войны наций» – Известия, 11.11.05); *Мигранты атакуют* (РГ, № 4288, 07.02.07); *Гастарбайтеры штурмуют столицу* (Известия, 27.02.07); *Со стороны северных районов Западного Китая, Монголии, стран Центральной Азии возможно очень сильное миграционное давление на южные границы России* (И. Честин / Глобальное потепление приведет к массовому притоку мигрантов в России – Известия, 17.05.07); *Они приезжают, рожают детей и захватывают государство* (Известия – 13.01.05); *Читатель сейчас ожидает, что я расскажу про край, который будет колонизирован китайцами* (Ю. Латынина / Рука Кремля, печень сви- ньи, зубы Дракона – НГ, № 79, 23.10.08).

Мигранты предстают как завоеватели социальной, экономической и других сфер жизни страны, как те, кто *мечтает оказаться в России, чтобы захватить ее земли и богатства* (Нехватка рабочих рук – АиФ, № 42, 15.10.08). Некоторые метафоры данного слота пересекаются с образами экономической метафорической модели, ср.: *Кром того, считается, что мигранты давят на рынок труда в сторону снижения стоимости рабочей силы* (А. Евпланов / Биржа для гастарбайтера – РГ, № 565, 01.08.06); *Проблема неконтролируемой миграции стоит очень остро и угрожает экономике Москвы. Некоторые городские экономические сферы уже захвачены* (Неко-

торые городские сектора экономики уже захвачены иностранцами – Известия, 22.10.04).

Использование лексики военного захвата чужой территории – это своеобразный призыв СМИ к россиянам бороться против тех, кто незаконно присваивает себе не только территориальное пространство России, но и определенные социальные и экономические сферы. Показательны в данном отношении образы, возникающие в рамках следующего слота.

4.2. Слот «Оборонительные военные действия»

Слот представлен метафорами, отражающими «освободительные» военные манипуляции постоянных жителей России против *вторжения* мигрантов: *освобождение, создание, партизанских отрядов и охранительных заслонов, формирование «черносотенной дружины», «беспощадный русский бунт» и т.п.*

Ср.: *Чтобы спасти русских, нужно создавать партизанские отряды...* (Известия, 18.05.04); *Станут они (пограничники) единым заслоном и на пути мигрантов и религиозного экстремизма* (Налоговое лицо евразийского происхождения – Известия, 12.09.02); *Российские прилавки «освободили» от иностранцев* (Известия, 02.04.07); *При прочих разных данных милиционеры со скинхедами «одной крови» и ведут практически ту же самую войну на уничтожение иных, инаких* (Что нам делать со скинхедами? – Известия, 12.11.04).

Из армейского жаргона перенесено в язык СМИ понятие *зачистка* (использующееся в кавычках), обозначающее в исходной сфере процесс уничтожения или удаления с какой-нибудь территории людей, представляющих опасность. Ср.: *Случай с Черкизовским рынком, судя по всему, - не последний скандал, связанный с «зачисткой» Москвы от работников из стран ближнего зарубежья* (Е. Овян, Е. Лысенко / Маршрутки несогласных – НГ, № 80, 27.07.09).

Литературные прецеденты – трансформации знаменитого лозунга Остапа Бендера «Ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству!» (гл.

б «Антилопа-Гну» романа «Золотой теленок» (1931 г.) И. Ильфа и Е. Петрова) и фразы «Не приведи Бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный» (гл. 13 романа «Капитанская дочка» (1836 г.) А. С. Пушкина) – стали основой для появления военизированных сочетаний *ударим по мигрантам* и *«беспощадный русский бунт»*, ср.: **Ударим по мигрантам детьми и свободным трудом** (Формула выживания вместо погромов – Известия, 11.07.05); *Армян в нашей стране проживает больше, чем в Армении. 3 миллиона азербайджанцев осели в Москве. В России, как известно, долго запрягают, но быстро погоняют. И как известно любому, даже русскому терпению однажды приходит конец и тогда наступает «беспощадный русский бунт»* (В чужой монастырь со своим уставом не ходят – Правда, 18.07.05).

В одной из публикаций посредством использования высокой лексики и приема инверсии достигается эффект фольклорной стилизации с целью создания иронии, ср.: *Но фашизмом или особым национализмом в России и не пахнет, и, как ни стараются борцы за чистоту русского духа освободить землю нашу от инородцев...* (МГУ – не скотобойня? – АиФ, 09.06.08).

Очевидно, что метафоры слота демонстрируют конфликтный характер отношений между «коренными» и приезжими, эмотивное воздействие на адресата достигается посредством комплексного использования военной «оборонительной» лексики, эмоционально-оценочных характеристик (*беспощадный, недогорожане, усиливающийся, бесплодные баталии* и т.д.) и прецедентных феноменов из художественной литературы.

Дать «достойный отпор мигрантам» помогают различные виды оружия.

4.3. Слот «Виды вооружения»

Источником метафорического переноса в сферу миграции чаще всего становятся такие виды военного оружия как *взрывчатка* и *фугас*: в рамках дискурса СМИ о миграции они становятся символами взрывоопасности ситуации в области миграции.

Ср.: *Приехавшие ведут себя здесь как хозяева и хищники, они, не стесняясь, говорят о том, что русские не заслуживают своей страны. Этот фу-*

гас, простой и безотказный, закладывается уже сейчас (Превратится ли «советский народ» в «российский» – Правда, 06.01.04); *Прибавьте к этому еще и местных жителей, тоже периодически направляемых на медосмотр – и вы получите взрывоопасную ситуацию, которая терпит-терпит, да и рванет* (Е. Мелкозерова / Захват почты – РГ, № 4288, 07.02.07); *Загнанные ненавистью и абсолютной безысходностью, мигранты могут стать «ходячей взрывчаткой»* (Нужно легализовать мигрантов! – НГ, № 84, 13.11.08); *Как заявил Юрий Горячев, заместитель руководителя московского департамента образования, «как бы границу не закрывали, количество мигрантов будет постоянно увеличиваться. И школы должны встретить их во всеоружии»* (Мат – первый признак адаптации – Известия, 28.05.03).

По мнению авторов текстов СМИ, *на войне как на войне – все средства хороши*, поэтому в качестве средств защиты от мигрантов российское население вполне может использовать и бытовые предметы – *капкан и монтировку*.

Ср.: *Период романтизма, в котором пребывала Россия в отношении миграции, по мнению Черненко, закончился. Государство обязано себя защищать. «Но капканы на границе мы ставить не будем», – сказал Черненко* (Нелегалов заставят платить налоги – Известия, 03.04.02); *Гастарбайтеры лучше зарабатывают, «коренное» население им завидует и немедленно идет с монтировкой на врага* (Управляемая ксенофобия – Газета.ru, 02.11.04).

Таким образом, метафоры фрейма имеют два полюса смыслов: с одной стороны, демонстрируется незаконный захват и оккупация территории России иностранцами, с другой – вполне обоснованные и необходимые оборонительные действия, предпринимаемые постоянным населением. Прагматический потенциал используемых в данном фрейме метафорических характеристик можно обозначить следующим образом: мигранты насильно захватывают некоторые сектора экономики и других сфер жизни россиян, поэтому борьба с приезжими, как духовная, так и физическая, вполне оправдана.

5. Фрейм «Начало войны и ее итоги»

«Захват» мигрантами территории России представлен в СМИ как факт уже свершившийся и завершённый.

Ср.: *«Захват рынка труда мигрантами вызывает недовольство у россиян, влечет протестные акции, создает почву для экстремистских проявлений, а в совокупности с растущей безработицей среди граждан России ведет к росту преступности в целом», - резюмировали прокуроры (Голикову представили к экстремизму – Газета. ru, 18.06.09); **Есть захватившие землю русскую таджики-мигранты, ушлые евреи, пытающиеся оседлать любой ценой народную инициативу** (Автор ЖЖ-жжот – Газета. ru, 02.08.07).*

В связи с этим, данный слот содержит глагольные метафоры в форме будущего времени лишь при описании усиления позиций мигрантов на завоеванной территории и пополнения воинских рядов свежими силами.

Ср.: *В частности, по словам г-на Виноградова, в августе в столицу **должны пойти «первые эшелоны» трудовых мигрантов, которых город «заказал» у партнеров в Узбекистане и Армении** (Личная квота – ВН, № 112, 24.07.08).*

Кроме этого, итогом военных действий можно считать *раскол российского общества*, ср.: ***Страна, утверждают социологи, расколота: одна половина ненавидит мигрантов (в том числе и таких, как таджикские дети, избитые неонацистами в Санкт-Петербурге), другая – вполне дружелюбна к ним*** (Восьмилетние дети с восторгом глядят на скинхедов – Известия, 10.02.04).

Прагматический потенциал метафор данного фрейма можно описать следующим образом: постоянному населению России необходимо прикладывать больше усилий в борьбе с мигрантами, поскольку закрепление последних на российской территории – факт случившийся.

6. Фрейм «Военное пространство»

Данный фрейм включает в себя наименования неотъемлемых составляющих любых военных операций либо на этапе их подготовки, либо в процессе непосредственного проведения военных действий: *полигон, штаб, фронт* и т.п.

Ср.: *Российский Дальний Восток действительно похож на полигон, где все миграционные процессы протекают наиболее бурно* (Привлечь и удержать – ВН, № 141, 07.08.02); *Вчера на заседании городского «штаба по миграции» чиновники решили, что столичная квота на привлечение гастарбайтеров в 2008 году не превысит 300 тысяч человек* (Придется поработать за двоих – ВН, № 212, 20.11.07); *Трудовой фронт ждет пополнения* (Известия, 15.06.06).

В основе метафорического переноса в сферу миграции понятия *полигон* лежит представление о том, что «полигон – большой, специально оборудованный участок суши или моря для испытаний различных видов оружия, военной техники, для боевых учений» [Ожегов 1999: 553]; а так как Дальний Восток – это та часть России, где в первую очередь внедряются все новые программы, разрабатываемые в области миграционной политики, то, по мнению журналистов, этот край страны напоминает место экспериментальных исследований.

Прямое значение слова *штаб* – «орган управления войсками, а также лица, входящие в него; место расположения такого органа» [Там же: 900] – в метафорическом сочетании «*штаб по миграции*» (пусть и использованном в кавычках) в рамках контекста создает эффект серьезности и опасности ситуации в области решения вопросов миграционной политики.

Трансформация устойчивого сочетания *пополнение фронта* легла в основу создания метафорического образа *трудовой фронт ждет пополнения* с целью актуализации такого переносного значения понятия «фронт» как «место или отрасль какой-н. коллективной деятельности» [Там же: 858].

Частотными являются метафорические употребления названий таких составляющих любых военных конфликтов как *лагерь*, *гетто*, *резервация*, использующихся в СМИ для описания действий, предпринимаемых российской миграционной службой с целью ограничения количества и свободы передвижения мигрантов.

Ср.: ...*г-н Ткачев учреждает «фильтрационные лагеря» для мигрантов. Молодцеватый губернатор Громов поддерживает идею создания «депортационных лагерей»* (Управляемая ксенофобия – Газета. ru, 02.11.04); *Кузбасские власти первыми в стране создают депортационные лагеря. Внутри «пансионата», рассчитанного на 50 человек, будут «отдыхать», как выразился начальник РУВД края Кучерук, «всякие абреки, хачики и т.д.»* (*Режимные пансионаты* – Известия, 18.04.03); *Регистрационные лагеря: Чиновники готовят нелегальным мигрантам новую крышу* (Время новостей, № 238, 26.12.02); *В России откроются специальные центры для мигрантов, высылаемых из Евросоюза. (...). Защитники прав человека называют такие учреждения страшными словами «гетто» и даже «тюрьма», поскольку люди там находятся под охраной и их права строго ограничены* (Т. Смольякова / Перемещение лиц – РГ, № 5048, 26.11.09).

В Толковом словаре русского языка одно из значений понятия *лагерь* – «учреждение, место, в котором собраны люди для проведения тех или иных мероприятий» [Ожегов 1999: 317] в дискурсе о миграции контекстуально приобретает иной смысл – место содержания заключенных, концлагерь. Такое значение создается посредством использования характеристик *фильтрационный, депортационный, регистрационный, всякие абреки*.

Контекстуальная близость понятий *пансионат* и *регистрационный лагерь*, а также прием оксюморона вызывает ассоциации ограничения свободы, насильного помещения в учреждение, обозначенное в СМИ как *режимный пансионат*.

Лексема *резервация* в текстах СМИ используется не в полном соответствии с ее прямым толкованием (ср.: «резервация – в некоторых странах:

территория, отведенная для проживания сохранившихся в стране аборигенов» [Там же: 673]), а в значении пространства, ограничивающего свободу перемещения людей определенных национальностей. Ср.: *Гастарбайтеров отправят в резервацию* (АиФ, № 31, 30.07.08).

Зачастую понятие *гетто* в СМИ характеризует именно **добровольные** поселения иностранцев, ср.: *По мнению авторов обращения, «китаизация» этих районов «превратит юго-восток столицы в настоящее гетто с затрудненным выездом и преобладанием граждан иностранных государств с совершенно отличным от российского образом жизни и менталитетом, рассматривающих данную территорию исключительно как место заработка, а не как свою малую родину»* (Капотня не Шанхай! – Время новостей, 22.07.09); *Отдельной опасностью является появление так называемых «гетто», неподконтрольных городским и российским правилам и законам* (Д. Смирнов / Непросчитанное гостеприимство – РГ, № 4303, 27.02.07). Тогда как *гетто* – это «в некоторых странах: особые городские кварталы, за пределами которых *не имеют права селиться (курсив наш)* представители дискриминируемых расовых или религиозных групп» [Ожегов 1999: 129].

Метафоры рассматриваемого фрейма призваны продемонстрировать способность российских органов власти контролировать вопросы миграции, даже путем создания таких ограничительных структур как *лагерь*, *гетто* и *резервация*. Использование данных лексем в СМИ вызывает стойкие негативные ассоциации у адресата: *лагерь*, *гетто* – эпоха фашизма (Германия, Япония, Италия), *резервация* – индейцы на территории США.

Таким образом, милитарная метафорическая модель, представляющая миграцию в отечественных печатных СМИ, имеет негативный прагматический потенциал: *армия мигрантов* по природе своей конфликтогенна, *угрожает* российской экономике и национальной идентичности постоянных жителей страны, поэтому с ней необходимо вести *освободительную войну* всеми известными способами *борьбы*. Если учитывать, что «поставляя соответствующую информацию, СМИ включается в процесс и результаты социальной

коммуникации. При этом выбор конкретных языковых средств, связанный с определенной оценкой действительности, существенно влияет на процесс ее восприятия и осмысления аудиторией СМИ» [Володина 2008: 6], а, по утверждению А. П. Чудинова, «милитарная метафора навязывает обществу конфронтационные стереотипы решения проблем, ограничивает поиск альтернатив в социальном развитии и решении конкретных проблем» [Чудинов 2003: 104], то моделирование в средствах массовой информации «милитаризованного» образа миграции во многом отрицательно влияет на восприятие россиянами людей определенных национальностей, избирающих РФ для осуществления трудовой деятельности или в качестве постоянного места жительства.

Стоит отметить, что милитарная метафорика является высокочастотной (378 МЕ/1529 (24,7%)) и продуктивной (6 фреймов/ 7 слотов) не только в российском дискурсе о миграции. Как показывают зарубежные исследования по данной проблеме, образы со сферой-источником «Война» характерны и для европейской и американской действительности (Е. Эль Рефайе, И. ван дер Валк, О. Санта Ана, Дж. О'Брайен и др.). Это свидетельствует об универсальности метафорически милитаризованного образа миграции в различных видах дискурса (медийном, политическом).

2.4. Криминальная метафорическая модель

Функционирование данной модели в политическом дискурсе подробно рассматривалось в работах А. П. Чудинова (2001, 2003), А. Б. Ряпосовой (2002), Н. А. Красильниковой (2005), А. М. Стрельникова (2005) и др. А. П. Чудинов, исследуя метафорическое отражение мира преступности в языке, точно отмечает, что «криминальная метафора достаточно традиционна для российской политической речи: например, в советской прессе политических противников правящей элиты (троцкистов, зиновьевцев, позднее – диссидентов) постоянно называли уголовниками, бандитами, гнусной шайкой. Однако в современной России криминальная метафора стала настолько

распространенной, что иногда создается впечатление, что сейчас ни один стремящийся к успеху политический деятель или журналист уже не может обойтись без уголовной метафоры или хотя бы без уголовного жаргона» [Чудинов 2003: 95]. Язык криминала особо популяризирован в последнее время в силу регулярной трансляции по центральным телеканалам многочисленных сериалов о милиции и, соответственно, мире криминала, с которыми стражи порядка призваны бороться; а также ввиду большой симпатии населения нашей страны к радиостанции «Шансон», где особо актуальны жесткие тюремные романсы о невинно осужденных «мальчонках», «жиганах», «шниферах».

В печатном отечественном дискурсе СМИ о миграции криминальная метафорическая модель, высокочастотная и продуктивная, имеет два разнонаправленных вектора оценки проблемы миграции в Россию. С одной стороны, сами мигранты репрезентируются как *этнические преступники* и *преступные кланы со своими «крышей» и «паханами»*, держащими в страхе постоянное население страны. С другой стороны – метафоры со сферой-источником «Криминал» используются для характеристики чиновников, занимающихся миграционной политикой, работодателей, часто нарушающих законный порядок приема на работу иностранных граждан и права последних, а также постоянных жителей России, проявляющих агрессию в отношении приезжих. В соответствии с обозначенными векторами выделяется следующая фреймо-слотовая структура рассматриваемой модели.

1. Фрейм «Преступники и их специализация»

Метафоры данного фрейма образно представляют в виде *преступников* как самих мигрантов, так и чиновников, милицию и работодателей, поэтому в рамках фрейма выделяются два слота.

1.1. Слот «Российские преступники, связанные с миграцией»

Указанный слот включает метафорические характеристики представителей всех органов власти (от законодательной до исполнительной), имею-

щих отношении к процессу миграции на территорию РФ: *коррупционеры, коррумпированные чиновники, мошенники, воры.*

Ср: *Однако лишь только произвольное уполовинивание квот, якобы вызванное кризисом, сулит немислимые барыши коррупционерам* (В. Поставнин / Цунами невозможно приказать «Стой»! – НГ, 16.09.09); *Да потому что у рынков свои каналы поставок, а наши коррумпированные чиновники этому способствуют* (Д. Латыпов / Да, дорого яичко... – Труд, № 060, 10.04.07); *...а вороватого вида стражи порядка, как и прежде, собирают со смуглолицых торговцев мзду* (П. Воцанов / Выбирай сердцем в пятках – НГ, № 61, 13.08.07); *Калужские милиционеры обнаружили недалеко от автозавода Volkswagen 18 нелегальных мигрантов из Узбекистана, которым мошенники обещали рабочие места на этом предприятии* (К. Дубичева / Суд гастарбайтеру не помощник – Труд, № 124, 09.07.08).

В статье Э. Лассан «О формах существования концептуальных метафор как индикаторах силы и бессилия общества» (весна 2010 г.) предложена идея существования парадигмы концептуальной метафоры, структурирующей общественную жизнь. По мысли автора, метафора, которой «живет социум», может иметь три уровня своего существования.

На первом уровне (верхнем) при регулировании действительности определенной метафорой и ее озвучивании имеет место смешение в сознании членов социума реального и метафорического видения действительности: происходит полное отождествление сферы-источника и сферы-мишени; метафорический характер языковых средств перестает ощущаться. Так, для военной метафоры в политическом дискурсе этот уровень проявляется, как правило, в ведении действий, предусмотренных кодексом фронтовой полосы, против «врагов», «предателей». Другими словами, *идейный враг* перестает ощущаться, *враг* – не тот, кто реально причиняет зло, кто нападает на родную землю, а тот, кто может не соглашаться с идеей, мыслями, планами, поэтому он должен быть физически устранен.

Вторым (средним) уровнем существования структурной метафоры, по мнению исследователя, является дискурсивный (собственно метафорический). Он проявляется в текстовом развертывании метафоры, в использовании соответствующей языковой метафорики, имеющей образный характер, но не влечет за собой действий, вытекающих из метафор на правах ее следствий. Так, военная метафора не приводит к уничтожению «врага», а только к его словесному осуждению.

К третьему (нижнему) уровню реализации структурной метафоры Э. Лассан относит использование «стертой» языковой метафорики в дискурсивных общественных практиках. Данный уровень реализуется в дискурсе лингвокультурного коллектива как элемент языковой системы: дело сторонников «политкорректности» ставить запреты на пути реализации военной метафоры в языке, чтобы не провоцировать выплеск агрессии по отношению к Другому [Лассан 2010: 24 – 33].

Так, ярким примером метафор третьего уровня могут быть некоторые образы, создаваемые в рамках данного слота: *мошенники, коррумпированные чиновники, коррупционеры*. Эти характеристики не воспринимаются как метафоры, но изначальное несовпадение сферы-источника и сферы-мишени позволяет нам расценивать их как «стертые» метафоры.

Такие характеристики как ловкость, нечестность одной из преступных специализаций положены в основу метафорического переноса *наперсточник – чиновник*, ср.: *Как-то ухитряются они [чиновники ФМС] втихую, с ловкостью наперсточночников просовывать в служебные инструкции такие тупики и ловушки, из которых без взятки мигрант не выберется* (Л. Графова / В защиту «понаехавшим» – НГ, № 33, 01.03.09).

В СМИ достаточно часто встречаются публикации, посвященные именно нечестности различных категорий граждан принимающей стороны, т.е. России. Стоит отметить, что одна из основных специализаций преступников здесь – это *работорговцы*, о которых подробно речь пойдет во фрейме «Работорговля».

Типичные прагматические смыслы метафор данной группы: законный порядок приема иностранных граждан в РФ нарушается ради извлечения собственной выгоды чиновниками, милицией, работодателями.

1.2. Слот «Преступники-мигранты и их специализация»

В текстах отечественных СМИ мигранты характеризуются как *авантюристы, гангстеры, «воры в законе»*.

Ср.: *Но разве виноваты нормальные школяры в том, что в Россию рванули забугорные авантюристы с липовыми аттестатами зрелости и мечтой устроиться на Черкизоне...* (Е. Новоселова / Спецкурс выживания – РГ, № 5038, 13.11.09); *По тем же данным, азербайджанские гангстеры контролируют в Москве торговлю наркотиками и потребительский рынок* (В. Тактров / Всех не пересчитаешь – Труд, № 005, 16.01.08).

Ср. авантюрист – «беспринципный человек, занимающийся авантюрами» [Ожегов 1999: 16], гангстер – «участник тайной разветвленной организации преступников» [Там же: 126]. Причем, употребление понятия «гангстер» нехарактерно для российской действительности. Оба образа используются в СМИ создания экспрессии.

Дополнительный негативный смысл возникает на уровне контекста посредством использования жаргонной и просторечной лексики *забугорный, рванули, липовый*.

Понятие «гастарбайтер», ставшее вполне нейтральным синонимом к слову «мигрант» (ср.: *гастарбайтер* (нем. Gastarbeiter дословно: гостящий работник (нем. Gast + Arbeiter) = гость+рабочий) – жаргонизм, обозначающий иностранца, работающего по временному найму на низкооплачиваемой работе (напр. грузчики, разнорабочие, уборщики и пр.)» [<http://ru.wikipedia.org/wiki>]) в рамках рассматриваемого слота получает метафорическое переосмысление, ср.: *...многие мигранты зачастую просто вынуждены «отрабатывать» долги в преступных этнических кланах, становиться гангстербайтерами, по выражению наших интернет-националистов* (Яд и мед национализма – Время новостей, № 125, 18.07.06).

Первая часть «гаст» сложного слова заменяется на «гангстер» на основе их созвучия – прием омофонического сближения. В результате, создается окказионализм, обладающий отрицательной коннотацией.

Метафорическое переосмысление в СМИ получает и «благородный преступник» *Робин Гуд*. Ср.: *Робин Гуд в тюбетейке: следователи уже не удивляются, когда на допросе очередного арестованного за кражи гостя России выясняют, что похищенные ценности он продал, а деньги перевел семье* (М. Мельников / Мигранты-преступники бросили вызов губернатору Подмосковья – АиФ, 01.10.09).

Робин Гуд – герой средневековых английских народных баллад, предводитель лесных разбойников, ставший позже персонажем одноименного романа А. Дюма – наделяется такой деталью как *тюбетейка*, которая подчеркивает национальность современного Робин Гуда.

Единичным является словоупотребление «*шахид-таксист*», связанное с угрозой терроризма, исходящей, по мнению авторов статей, от приезжих.

Ср.: *Среди бомбил в Москве полно незарегистрированных гастарбайтеров – существует даже неполиткорректный термин «шахид-таксист»* (ФМС как ПМС – Труд, № 143, 06.08.09).

Изначально шахид в исламе – это «верующий, принявший мученическую смерть на войне против врагов, сражаясь во имя Аллаха, защищая свою родину, честь, семью» [www.wikipedia.ru]. С недавнего времени термин «шахид» стали употреблять террористические группировки и те, кто оказывает моральную и идеологическую поддержку терроризму, поэтому использование понятия «шахид» у российской аудитории вызывает ассоциации, связанные с терроризмом.

В репрезентации мигранта в качестве преступника в СМИ, чаще всего, подчеркивается этническая составляющая: *азербайджанская, таджикская, грузинская, чеченская* и т.д. Ср.: *Наиболее «активные» в криминальном плане гости из Узбекистана, Таджикистана, Украины, Азербайджана, Киргизии, Молдовы* (М. Фалалеев / Досье на гастарбайтера – РГ, № 5111,

16.02.10); *Самая высокая явка пришлась на долю самого подозреваемого этноса – в Чечне проголосовали почти 100 % населения!* (А. Муртазаев / Проценты с акцентом – НГ, № 94, 10.12.07).

Такое акцентирование внимания на этнической составляющей формирует в СМИ образ этнической преступности, причем не любой, а вполне определенной (таджикской, китайской и т.д.).

Типовые прагматические смыслы метафор: мигранты – преступники, реальные или потенциальные, имеющие особые этнические приметы.

2. Фрейм «Преступные сообщества и их структура»

По мнению отечественных СМИ, организованные преступные группы и отношения иерархии в них есть как в среде мигрантов, так и в среде властьпридержащих. Согласно этому, в рамках фрейма можно выделить два подфрейма.

2.1. Подфрейм «Преступные сообщества и их структура в российских органах власти»

2.1.1. Слот «Преступные сообщества»

Вопросы миграции в Россию, особенно нелегальной, контролируется хорошо отлаженной и организованной преступной системой, в которую входят российские чиновники, таможенники, милиционеры, работодатели и просто рядовые граждане, желающие заработать на приезжих иностранцах. Они объединены в *шайки, группировки, смычки, мафию*.

Ср.: *Уже там их [мигрантов] «берут под крыло» преступные группировки, которые имеют давно отлаженные каналы переправки нелегалов в Россию – в основном по железной дороге* (В. Гондусов / Попасть с востока в Россию проще – Труд, № 042, 05.03.01); *В Москве задержана группа махинаторов, которые занимались продажей поддельных документов о регистрации в столице. В шайку входили три человека – мужчина и две женщины* (А. Данилкин / Услуги для мигрантов – Труд, №017, 30.01.03); *...в стране давно уже действует мощная сеть криминальных структур, связанных с*

международной мафией. Торгуют нелегальными мигрантами... (Д. Лесков / Россия вошла в число лидеров работоторговли – Труд, № 026, 14.02.08); *У них с чиновниками давняя смычка, рука рук моет* (М. Зайцев / Кончай базар? – Труд, № 218, 24.11.06).

Если использовать терминологию Э. Лассан, то перед нами яркий пример третьего уровня существования структурных метафор: с одной стороны, *международная мафия, смычка, преступные группировки, махинаторы* не являются метафорами в буквальном смысле, но, с другой стороны, сфера-мишень изначально не совпадает со сферой-источником метафорической экспансии, поэтому правомерно говорить о переносе значения из мира криминала в мир чиновников и милиции.

По мнению авторов публикаций, именно чиновники, занимающиеся вопросами миграции, образуют настоящие преступные сообщества, ср.: *Правильно, настоящие преступники те, кто манипулирует квотами, изобретает хитрые инструкции, загоняющие нормальных тружеников в подполье, те, кто обворовывает государство и дурачит общество* (Л. Графова / Нужно легализовать мигрантов – НГ, № 84, 13.11.08); *«Я полагаю политику государства по приему мигрантов как рабочей силы самоубийственной и преступной»*, – М. Веллер (М. Маркелова / Михаил Веллер: «По сравнению с олигархами я просто голодранец» – АиФ, 26.05.08); *Кстати, многие мигранты испытывают проблемы с получением регистрации на длительный срок (более трех месяцев), лишь потому, что их обманывают работники территориальной ФМС* (В. Чурсина, Ю. Полухина / Как чиновники обманывают мигрантов – НГ, № 9, 16.03.07).

Примечательно, что в СМИ никак не представлена иерархия «преступных сообществ» выделенной нами группы. Прагматические смыслы, формируемые метафорами данного подфрейма: чиновники, таможенники и пр. – все, кто непосредственно призван регулировать правовые вопросы миграции, сами являются членами преступных групп, нарушающих российское законодательство ради извлечения собственной выгоды.

2.2. Подфрейм «Преступные сообщества в среде мигрантов и их структура»

2.2.1. Слот «Преступные сообщества»

Метафоры данной группы включают в себя, во-первых, *этнический криминал*, в целом, выделяемый в СМИ как особый полюс в преступном мире России, определение которого в публикациях варьируется от просто «иностранной», *этнической преступности* и *подпольного города* до целого «криминального государства».

Ср.: *Этнический криминал процветает* (М. Зайцев / Мигрантград – Труд, № 158, 30.08.06); *Проблем этнической преступности встала в полный рост* (М. Мельников / Мигранты-преступники бросили вызов губернатору Подмосковья – АиФ, 01.10.09); *Нынешний всплеск «иностранной преступности» – серьезная проверка профпригодности Бориса Громова* (М. Мельников / Мигранты-преступники бросили вызов губернатору Подмосковья – АиФ, 01.10.09); *В Москве существует целый город нелегалов. Ни одна столичная и федеральная структура сейчас не готова вразумительно ответить: каково население подпольного города?* (В. Гондусов / Попасть в Россию с востока проще – Труд, № 042, 05.03.01); *Что рынки стали криминальным государством в государстве, знают все* (М. Зайцев / Кончай базар? – Труд, № 218, 24.11.06).

Такая гиперболизация (*город нелегалов, подпольный город, криминальное государство*) – показатель искусственного нагнетания ситуации вокруг мигрантов, нарушающих законодательство РФ, что влечет за собой негативное отношение населения России к представителям некоторых национальностей.

Во-вторых, внутри этого этнического криминала существуют преступные объединения: «связки», банды, криминальные лобби, группы, кланы, группировки, криминальные анклавы и диаспоры, мафия т.п.

Ср.: *В частности, то, что некоторые национальные общины стремятся создать свои «связки», обозначить свою подконтрольную террито-*

рию... (В. Костиков / «Тени русской беды» – АиФ, № 25, 18.06.08); *В обществе, где надежды на право, справедливость, органы правопорядка отсутствуют, рестораны будут охранять этнически близкие банды* (В. Никонov / Кондопожский сигнал – Труд, № 171, 16.09.06).

Стоит отметить, что изначально понятия «лобби», «клан», «диаспора» не имеют в себе преступной составляющей. Ср.: «лобби – группа представителей экономически сильных структур, оказывающих влияние на государственную политику» [Ожегов 1999: 330]; «клан – род, родовая община» [Там же: 275]; «диаспора – это люди одной национальности, живущие вне страны своего происхождения, вне своей исторической родины» [Там же: 165]. Криминальный оттенок данные понятия приобретают в рамках контекста: *«преступный этнический клан»* (Яд и мед национализма – ВН, № 125, 18.07.06); *«мафиозный клан»* (В. Гондусов / Попасть в Россию с востока проще – Труд, № 042, 0.03.01); *«криминализованные диаспоры»* (Л. Графова / Нужно легализовать мигрантов – НГ, № 84, 13.11.08); *«этнический лобби, контролирующий базары»* (Д. Латыпов / Да, дорого яичко... – Труд, № 060, 10.04.07).

Кроме этого, в СМИ нередки тексты, посвященные описанию распределения национальных групп по «преступным профессиям»; в данном случае, преступное сообщество формируется на основе национальной принадлежности, так как, по мнению авторов статей и экспертов из правоохранительных органов, за каждой национальностью закреплена конкретная сфера влияния этнического криминального мира. Ср.: *... члены азербайджанской ОПГ (возможно, наиболее многочисленной в Москве) контролируют наркобизнес, валютные мошенничества, угоны и перепродажу автомашин. Армянская группировка занимается заказными убийствами, разбойными нападениями, угоном машин и кражами. Представители грузино-абхазской ОПГ специализируются на грабежах, кражах, вымогательствах, разбоях, финансовых аферах* (Г. Александров / Украл, продал, за рубеж? – АиФ, № 37. 09.09.09).

Опять же, это пример третьего уровня реализации структурной метафоры [Лассан 2010: 24 – 33]: характеристики не воспринимаются в качестве метафорических, однако изначальное несовпадение сферы-источника и сферы-мишени позволяет рассматривать их в качестве не прямых номинаций.

2.2.2. Слот «Иерархические отношения в преступных сообществах»

«Национальные организованные преступные сообщества» по аналогии с любыми другими криминальными объединениями имеют свою структуру, представленную в текстах СМИ словоупотреблениями *крестные отцы* и *паханы*, которые в исходной криминальной сфере обозначают хозяев мафиозных групп, оказывающих последним защиту и покровительство и получающих значительную часть прибыли, но при этом находящиеся в тени и в стороне от их деятельности.

Ср.: *«Крестные отцы» общины давно разъезжают по столице на самых дорогих авто* (Ю. Лужков закрыл вьетнамский рынок – Известия, 16.08.02); *Опасность заключается в том, что в русских городах и регионах появляются компактные национальные анклав, своего рода «гетто». Там свои продавцы, свои невесты, свои молельные дома, свои судебные системы и свои «паханы»* (Хиджаб для Марии – АиФ, № 46, 11.11.09).

Данные образы призваны подчеркнуть структурированность этнической преступности.

Типичные прагматические смыслы (характер эмоционального воздействия на адресата) метафор анализируемого подфрейма: объединения мигрантов – это целый этнический криминальный мир, состоящий из преступных сообществ, имеющих определенную структуру и закрепленную сферу влияния в криминальной системе.

В целом, метафоры второго фрейма демонстрируют два полюса оценки: с одной стороны, преступны сами чиновники от власти и милиция, призванная защищать правопорядок в стране; с другой – в России существует мощная упорядоченная этническая преступность.

3. Фрейм «Преступные действия»

В связи с тем, что преступные сообщества функционируют как на уровне принимающей стороны (органы различных властей, работодатели, милиция, агрессивные настроенные группировки и пр. России), так и на уровне групп приезжих из-за рубежа, то преступные действия совершают представители обеих сторон. Следовательно, фрейм состоит из двух подфреймов.

3.1. Подфрейм «Преступные действия, совершаемые принимающей стороной»

Преступные манипуляции принимающей стороны имеют, с одной стороны, характер обманных и запугивающих действий с целью извлечения материальной выгоды из незаконной миграции; с другой – это физическое насилие над мигрантами, действия, осуществляемые с целью нанесения физического ущерба. В соответствии с этим, подфрейм включает в себя следующие слоты.

3.1.1. Слот «Обманные и запугивающие действия»

Метафоры слота характеризуют незаконные действия, совершаемые в отношении мигрантов таким образом: *кинуть, обмануть, издеваться, наехать* и т.д.

*Ср.: Некоторые эксперты считают, что приезжих в Москве от 2 до 5 миллионов человек. (...). На преступления они идут или после пьянки, или после того, как их **кинет работодатель** (В. Тактаров / Всех не пересчитаешь – Труд, № 005, 16.01.08); **Просто китайцы намекают: раз уж вы, россияне, кинули наших людей на такие бабки, предложите что-нибудь взамен** (М. Мельников / Черкизовский рынок: последнее китайское предупреждение – АиФ, 24.07.09); **Вывод простой: надо мигрантов легализовать направить результаты их труда не в карманы отдельно взятых заинтересованных лиц, а на благо страны в целом** (В. Никитина / Нашу экономику спасут... мигранты? – АиФ, 25.04.08); **Про «особо циничные издевательства» со стороны чиновников рассказывают и те, кто пытался добровольно поки-***

нуть РФ (Д. Авалиани / Грузин – не повод для наезда – НГ, № 90, 27.11.06); *Нелегальная миграция (...). Это правовая незащищенность мигрантов и беспредел работодателей* (Т. Сухова / Путь в правовое поле – Труд, № 032, 27.02.07).

В словоупотреблениях данного слота, прежде всего, присутствует экономическая составляющая, преступают закон здесь либо чиновники, либо работодатели. Примечательно, что используемая лексика взята, в основном, не из юридической сферы, а из тюремного жаргона, ср.: *кинуть* – «обмануть, смошенничать» [БСРЖ 2000: 254]; *беспредел* – «беззаконие, самоуправство, тотальное бесправие» [Там же: 60].

Образы данного слота относятся к третьему уровню реализации структурной метафоры [Лассан 2010: 24 – 33]: не воспринимаемая в качестве метафор лексика как элемент языковой системы СМИ может легко переходить и на другие уровни структурирования.

3.1.2. Слот «Действия с целью причинения физического ущерба»

Насильственные действия в отношении мигрантов совершают милиция, «коренное население», нацистские группировки, обычно это: *выдавливать, драться, издеваться, бить, убивать; драка, кровавое нападение, насилие* и т.п.

Ср.: *И заберут тут же таджика в милицию, и держать будут его там часов пять, и бить, и издеваться* (З. Ерошок / Таджики в Москве – НГ, № 35, 14.05.07); *Россия, русская ментальность и фашизм – несовместимы. Да, мы несдержанны. Да, мы способны затеять массовую драку на национальной почве. Даже убить. Как и другие народы, под горячую руку* (МГУ – не скотобойня? – АиФ, 09.06.08); *На рынках, в метро, на улицах «ненаших» бьют регулярно и все чаще. Случается, и убивают* (Е. Владимирова / Мигранты или мертвые души? – Труд, № 134, 03.08.02); *Д. Rogozin: «...и в последнее время мы видим рост стихийного национализма, в том числе кровавых нападений на мигрантов»* (Украина и Грузия – пушечное мясо на прилавке НАТО? – АиФ, 02.04.08); *Прокремлевское движение «Наши» провело*

рейды по зачистке территорий от не наших и даже побило несколько торговцев с не «ихними» лицами (А. Муртазаев / Проценты с акцентом – НГ, № 94, 10.12.07); *А по району прокатилась волна нападений на людей неславянской внешности* (Националисты отрезали таджику голову, сообщив, что следующим будет чиновник – АиФ, 12.12.08).

Необходимо отметить, что в российской прессе подобные акты насилия над мигрантами не оправдываются и освещаются в остро негативном или ироническом ключе по отношению к тем, кто их совершает. Другое дело, что в СМИ любой случай нападения на человека неславянской внешности гиперболизируется, преподносится как *«волна убийств», массовые убийства, ср.: В последние годы в столице происходит все больше преступлений на национальной почве. Чаще всего их совершают школьники и студенты* (Г. Александров / **Понаехали? Понарежем?** – АиФ, № 6, 04.02.09).

Причем делается акцент именно на то, что это *преступления на национальной почве*, всячески подчеркивается национальность пострадавшего, лишний раз актуализируется такой смысл бинарной категории СВОЙ – ЧУЖОЙ, как «свой» – хороший, «чужой» – плохой (подробнее о категории СВОЙ – ЧУЖОЙ см. данную главу 2.6. Этническая метафорическая модель).

В целом, типичные прагматические смыслы, формируемые метафорами рассматриваемого подфрейма, можно сформулировать следующим образом: российские чиновники, милиция, работодатели, постоянное население, агрессивно настроенные организации нарушают права мигрантов, совершая в отношении последних преступные действия обманного и насильственного характера.

3.2. Подфрейм «Преступные действия, совершаемые мигрантами»

В отечественных СМИ приезжие из-за рубежа представлены как преступники, совершающие противозаконные поступки, направленные, во-первых, на местное население России, во-вторых, на таких же мигрантов, каковыми являются сами.

Необходимо оговориться, что большинство образов, возникающих в рамках данного подфрейма, не считаются многими как метафоры. Но, вслед за Э. Лассан, рассматриваются нами как «стертая» языковая метафорика на третьем уровне реализации структурной метафоры [Лассан 2010: 24 – 33]. Использование такой лексики в СМИ, чаще необоснованно и намеренно преувеличенно, формирует негативное отношение постоянного населения России к представителям некоторых национальностей.

3.2.1. Слот «Преступные действия в отношении постоянного населения России»

Мигранты в дискурсе печатных СМИ репрезентируются как *фактор, дестабилизирующий криминальную обстановку России*, так как они занимаются *гон-стопом, грабежом, воровством, разбоем, наркоторговлей, набегами, терроризмом* и др.

Ср: *Столицу накрыла волна криминала. (...). Еще одним дестабилизирующим фактором стали тысячи трудовых мигрантов. Потеряв работу, они не имеют ни желания, ни возможности вернуться на родину и нередко начинают заниматься банальным гон-стопом* (Г. Александров / От кризиса к криминалу – АиФ, № 5, 28.01.09); *Понятно, участились не только административные нарушения – типа незаконного приема на работу, но и «обычная» уголовщина: оголодавшие «пришельцы» не брезгают банальным грабежом* (М. Фалалеев / Чужие за рулем – РГ, № 4986, 01.09.09); *Активно занимаются сбытом наркотиков, азартными играми и мошенничеством азербайджанцы. Под их контролем – большинство столичных рынков* (В. Гондусов / Попасть в Россию с востока проще – Труд, № 042, 05.03.01); *По мнению экспертов, это связано, в том числе, с тем, что именно представители этих наций [«кавказцы»] ассоциируются у народа с угрозой терроризма* (Е. Яковлева / Нелегалов в Москве нет – Правда, 18.08.05).

Усугубляется негативное эмоциональное воздействие на адресата контекстуальным окружением жаргонной лексики: *уголовщина, не брезгают банальным грабежом, заколачивают огромные барыши* и т.п. Особенно часто

такие публикации начали появляться в СМИ с конца 2008 года – в связи с разразившимся мировым финансовым кризисом. Нередко подобные статьи описывают лишь возможные преступления мигрантов, а не реально совершенные, ср.: *С трибуны в зал лилась такая патологическая подозрительность (с точки зрения Иванова, каждый мигрант – потенциальный террорист и преступник)* (Л. Графова / Силовой прием – НГ, № 21, 24.03.05).

3.2.2. Слот «Преступные действия в отношении других мигрантов»

По мнению авторов текстов СМИ, сообщество мигрантов в РФ живет «своей» криминальной жизнью: *крышует, борется за сферы влияния, устраивает межклановые и внутриклановые разборки* и проч.

Ср.: *Между вьетнамцами и китайцами часто происходят стычки, связанные с борьбой за сферы влияния* (М. Зайцев / Мигрантград – Труд, № 158, 30.08.06); *Причем часто насилие над мигрантами чинят другие мигранты – межклановые и внутриклановые разборки в столичном регионе процветают* (М. Мельников / Мигранты-преступники бросили вызов губернатору Подмосковья – АиФ, 01.10.09); *...в Царицыне красивая армянская свадьба переросла в кровавую ночную драку* (Там же); *В Москве те [афганцы, китайцы, вьетнамцы] вынуждены идти на поклон к столичным мафиозным кланам, которые держат «крышу» над подпольным миграционным бизнесом* (В. Гондусов / Попасть в Россию с востока проще – Труд, № 042, 05.03.01).

Таким образом, преступная деятельность мигрантов распространяется и на местное население России, и на их же земляков. Посредством использования грубой жаргонной лексики из преступной среды моделируется образ мигранта-преступника, представляющего угрозу столь дружелюбному и ничуть не криминализованному российскому обществу. Следовательно, необходимо принимать меры по нейтрализации организованной и неорганизованной преступности именно в сфере этнического криминала.

4. Фрейм «Наказание/оправдание преступников»

Метафоры данного фрейма характеризуют меры, направленные на легализацию нелегальных мигрантов: *амнистирование*, то есть полное освобождение от судебного наказания определенной категории лиц, и *вывод их из тени*. Понятия «теневая экономика», «теневой рынок» появились в российской действительности в начале 90-х годов прошлого столетия и прочно закрепились за определением незаконной деятельности кого-либо. Миграционная политика России, в силу нередких случаев нарушения законодательства, часто определяется в СМИ как *теневая*. Для придания нелегальным мигрантам статуса легальных, иначе – *вывода мигрантов из тени*, в 2005 году государственные и общественные деятели, занимающиеся проблемами миграции, стали использовать понятие *амнистия*, заимствованное из юридической сферы и широко употребляемое в мировой практике. Такая характеристика процесса легализации мигрантов была популяризирована через посредство СМИ, несмотря на явно содержащуюся в ней уголовную составляющую.

Поэтому контроль над соблюдением закона в области миграционной политики России и меры, предпринимаемые властью по отношению к незаконным мигрантам, в СМИ регулярно репрезентируются как *миграционная амнистия* и *вывод миграции из тени*.

Ср.: *ФМС использует опыт легализации мигрантов в регионах во время всероссийской амнистии* (Е. Домчева, Т. Ефременко / Гастарбайтер в законе – РГ, № 3954, 17.12.05); *Так называемая иммиграционная амнистия коснется граждан стран СНГ, пользующихся безвизовым режимом, которые давно трудятся в России* (Е. Мамина / Нелегалов по осени считают – РГ, № 4065, 12.05.06); *Законопроекты, призванные вывести миграцию из тени, Госдума приняла еще в марте* (К. Веретенникова / Трудовой кнут и рабочий пряник – ВН, № 192, 19.10.06); *...удалось поставить на миграционный учет, т.е. вывести из тени, более четырех миллионов мигрантов* (В. Поставнин / Цунами невозможно сказать «Стой»! – НГ, № 102, 16.09.09).

Употребление лексемы *амнистия* так или иначе актуализирует ассоциативные семы «незаконный» и «преступник», что отрицательным образом воздействует на массового адресата, который при встрече мигранта не задумывается над тем, легально иностранец проживает в России или нет: все мигранты – преступники.

5. Фрейм «Рабство»

В словаре слово «рабство» толкуется как «исторически первая и наиболее грубая форма эксплуатации, при которой раб наряду с орудиями производства является собственностью своего хозяина – рабовладельца. Легло в основу рабовладельческого строя. В последующие эпохи наиболее широкие размеры и экономическое значение приобрело в XVII – нач. XIX вв. в колониях на Американском континенте, куда ввозились рабы из Африки для работы на плантациях. В основном отменено на протяжении XIX в.» [<http://www.onlinedics.ru/slovar/bes/r/rabstvo.html>]. Экономическая составляющая в толковании лексемы позволяет выделить обозначенный фрейм в рамках экономической метафорической модели, но в связи с введением в России в 2003 году уголовной ответственности за работорговлю (Статья 127 УК прим. «Торговля людьми») данный фрейм мы включили в криминальную модель.

В статье из словаря, представленной выше, отмечается, что рабство (в России крепостное право как форма рабства) отменено в XIX веке, но люди до сих пор осмысливают некоторые явления действительности посредством разного переосмысления лексики из сферы-источника «Рабство». В частности, мигранты преподносятся в СМИ как «люди второго сорта» (КП, № 172, 20.09.01), которые находятся в положении *рабов*. Таким образом, в рамках данного фрейма представлены метафорические словоупотребления, функционирующие в российских печатных СМИ и репрезентирующие мигрантов как *рабов*, условия их жизни и труда как *рабские*, саму ситуацию с мигрантами в России как *рабство*, а людей, занимающихся в РФ миграционной поли-

тикой (ФМС) или непосредственно трудоустройством иностранцев, как *рабовладельцев* и *работорговцев*. В соответствии с выделенными смыслами в рамках фрейма можно отметить следующие слоты.

5.1. Слот «Невольничий рынок»

По мнению СМИ, на территории России существует *невольничий рынок/ рынок рабства*, на который моментально попадает трудовой мигрант, оказавшийся в стране в поисках работы, собственно Россия – и есть *место работорговли*.

Ср.: *Здесь находится Ярославское шоссе, которое в народе прозвали невольничьим рынком или биржей труда для приезжих* (Чем ближе к большой дороге, тем опаснее – Известия, 18.12.07); *«В стране невольничий рынок дешевого труда»*, - заметил К. Ромодановский (МВД ведет мигрантов к свету – Газета.ru, 16.03.06); *Почему в России процветает работорговля? Оценочно 3-5 млн нелегальных мигрантов, от 10 % до 30 % трудовых мигрантов, работающих в России, испытывают элементы рабства и торговли людьми* (АиФ, 05.05.08); *Россия вошла в число лидеров работорговли* (Д. Лесков – Труд, № 126, 14.02.08).

Естественно, есть те, кто управляет куплей-продажей на этом рынке *живого товара*, поэтому следующий слот, составляющий фрейм, это слот «Рабовладельцы».

5.2. Слот «Рабовладельцы»

Слот представлен метафорическими словоупотреблениями, отражающими действия и отношение к мигрантам потенциальных работодателей и людей, занимающихся миграционной политикой, актуальными становится метафорическая реализация следующих понятий: *рабовладелец, работорговец, хозяин*.

Ср.: *Соответственно и «рабовладельцы» не боятся ни гигантских штрафов, ни даже тюремной скамьи. И продолжают вербовать гастарбайтеров, раздавая взятки* (Не гонялся бы ты... за дешевизной – РГ, № 3774, 20.05.05); *«Мигранты выходят из поезда, беспомощные, как слепые котята,*

и тут же их подбирают «проводники», потом продают работодателю, точнее сказать – **рабовладельцу**», – *Поставнин* (Дайте «рабам» волю – РГ, № 3912, 28.10.05); *Гастарбайтерам дали документы и разрешили работать. Но забыли о том, что «хозяин» вряд ли о них позаботится* (А им пахать охота... – Известия, 13.08.07); **Чиновник похищал людей, продавал их в рабство** (Труд, 15.03.07).

Отношение современных рабовладельцев к невольникам в СМИ характеризуется исключительно как *потребительское* и *бесчеловечное*.

Ср.: *«Они заставляют работать этих людей как рабов, содержат их в жутких условиях, а после того, как эти гастролеры перестают работать, у города начинаются большие проблемы с нелегальными мигрантами»*, – *Юрий Лужков* (Споры не для выборов – Газета.ru, 29.11.05); *«У правозащитных организаций, имеющих неопровержимые улики бесчеловечной эксплуатации мигрантов, ни прокуратура, ни суды ни один иск не приняли»*, – *Л. Графова* (Жертва или враг? – РГ, № 4788, 7.11.08); *Есть у нас проблемы с коррупцией, с этнокоррупцией. Сотрудники правоохранительных органов собирали дань с мигрантов. Эта проблема, конечно, существует* (Мигранты заплатят ФМС за жизнь, Газета.ru, 02.03.07).

5.3. Слот «Условия проживания и труда рабов»

Метафоры слота представляют условия проживания и труда мигрантов как *рабские* и *несоответствующие человеческому достоинству*:

Ср.: *Мигранты продолжают жить в рабских условиях* (А им пахать охота... – Известия, 13.08.07); *Приезжающие в Москву на заработки никак не защищены. Их, как рабов, используют за тарелку супа, а использованных выбрасывают без документов на улицу* (Город героев нелегального труда – Известия, 24.06.05); *...сейчас нечестные работодатели обирают гастарбайтеров, которые находятся в рабском положении* (На бирже продаются легальные таджики – Газета. ru, 27.01.06); *И работодатели, эксплуатирующие по существу бесправных рабов, здорово наживаются* (Л. Графова / Силовой прием – НГ, № 21, 24.03.05).

Мигранты оказываются в полной зависимости от работодателей, которые не торопятся позаботиться о благоустройстве условий их жизни, и *современные рабы* отвечают определению «классических, исторических» рабов, ср. «раб – человек, лишенный всех прав и средств производства и являющийся полной собственностью владельца, распоряжающегося его трудом и жизнью» [Ожегов 1999: 637].

5.4. Слот «Национальность рабов»

В истории человечества всегда существовало деление на низшую и высшую расы, примеры которого встречаются еще в эпоху античности. Несмотря на то, что в истории есть примеры рабской зависимости внутри одной национальности (Рим, Россия до 1863 г.), так получается, что в современном российском (цивилизованном!) обществе, в котором, как оказывается, существует *рабство*, *рабы* являются представителями вполне определенных национальностей. В данном слоте актуализируется один из смыслов понятия этнически ЧУЖОГО: понятие СВОЙ первоначально является осознанием кровного родства некоторой группы людей (рода, клана), в пределах которой человек одновременно осознает себя «свободным от рождения, свободным по рождению» и противопоставляет себя «другим» - «чужим, врагам, *рабам*» [Степанов 2001: 135-136].

Ср.: *Ведь мы не закрываем дорогу коммерческим проектам из Китая, но мы должны закрыть дорогу китайской РАБсиле* (Надо закрыть для китайцев Дальний Восток – Комсомольская правда, № 58, 31.03.01); *«Покупаю таджиков и туркменов...»* (Понаехали тут... – Известия, 04.08.02); *В Россию большую часть невольников ввозят из республик бывшего СССР: Украины, Молдавии, Грузии, Армении, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии* (Россия стала мировым центром по торговле людьми – Известия, 27.04.06); *Местные милиционеры придумали себе приработок: с проходивших транзитных поездов снимали нелегальных мигрантов из Средней Азии и продавали их в рабство местным землевладельцам* (А. Данилкин / Жену отдай дяде – Труд, № 048, 21.03.06).

По статистике, выходцы из Украины, Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, Молдавии, Азербайджана, Армении, Китая действительно составляют основную массу трудовых мигрантов в России (подробнее об этом см. Социологические основы исследования). Представители Китая и некогда братских для нас республик теперь приезжают в Россию, живут и трудятся на правах, а точнее – в положении – *рабов*.

Метафоры данного фрейма обладают следующим прагматическим потенциалом: в эпоху глобализации, мобильности и политики толерантности трудовые мигранты на территории РФ зачастую оказываются в положении рабов. Описание *рабского положения* мигрантов в России призвано не просто объективно осветить существующую ситуацию в области миграции, но и вызвать сочувствие у адресата к иностранным гражданам, приезжающим в страну в поисках лучшей жизни, а попадающим на *российский невольничий рынок*.

Итак, в рамках рассматриваемого дискурса криминальная метафорическая модель является высокочастотной (264 МЕ/ 1529 (17,3%)) и продуктивной (5 фреймов/ 4 подфрейма/ 13 слотов). Как показал анализ метафор, составляющих модель, для созданных в рамках ее образов характерно преобладание негативного прагматического потенциала в составляющих модель контекстах. Концептуальные векторы тревожности и опасности пронизывают рассмотренные примеры метафорических выражений. Используемые в дискурсе СМИ о миграции криминальные метафоры, во-первых, демонстрируют несовершенство российской политики в области миграции; во-вторых, поддерживают агрессивное состояние отечественного адресата формированием негативных прагматических смыслов («мигрант – преступник»); наконец, стоит отметить, что фрейм «Рабство» состоит из метафор, обладающих преимущественно позитивным характером эмоционального воздействия на адресата и призванных вызвать жалость по отношению к людям, оказавшимся в чужой стране в положении рабов.

2.5. Гидронимная («водная») метафорическая модель

Вода – одна из первостихийных сфер, посредством которой человек во все времена осмыслял и концептуализировал окружающую действительность, ср.: *вода камень точит, немало воды утекло, водой не разольешь, как в воду глядел, выйти сухим из воды, носить воду в решете, толочь воду в ступе, море по колено* и т.д. Исследователи, анализируя концепт *вода*, подмечают, с одной стороны, ее очищающий и оживляющий характер, с другой – разрушительную силу и неуправляемость (Л. Н. Виноградова 2002, С. Ю. Неклюдов 2002, Н. М. Чудакова 2005 и др.).

Результаты зарубежных исследований в области метафорического моделирования показывают, что гидронимная метафора является одной из самых частотных для репрезентации миграции в различных видах дискурса. Так, Е. Эль Рефайе, исследуя осмысление иммиграции в австрийских газетах 1998 г. отмечает, что доминантные метафоры изображают курдов как нахлынувшую водную стихию [El Refaie 2001]. Схожие результаты получают исследователи из США, где традиционно остро стоит проблема иммиграции из Латинской Америки. Например, в монографии О. Санта Аны [Santa Ana 2002] по материалам газеты «The Los Angeles Times» рассматривается метафорическая репрезентация миграции из Латинской Америки: один из самых распространенных негативных смыслов возникает на уровне использования гидронимных метафор – *наводнение, поток, волна*. Ученые отмечают, что применительно к миграции актуализируются только отрицательные смыслы водной стихии – неуправляемость, стихийность, масштабность.

В российском дискурсе СМИ о миграции гидронимная метафорическая модель также является высокочастотной и продуктивной, чаще акцентируя негативные составляющие понятия «вода»: необузданность, всепроникаемость. Имеет следующую фреймо-слотовую структуру.

1. Фрейм «Характер движения воды»

Метафоры данного фрейма представляют процесс миграции в виде *притока, наплыва* – понятий, употребляющихся в текстах СМИ в качестве синонимов, обозначающих «большое количество», *потока* и *волны*. В соответствии с этими представлениями выделяются такие слоты.

1.1. Слот «Приток воды»

Миграция в данном случае осмысливается как поступление в Россию мигрантов в большом количестве, что подчеркивается через использование оценочных эпитетов: *бурный, массовый, нерегулируемый, хлынувший, избыточный*.

Ср.: *Массовый приток* вынужденных мигрантов из стран СНГ и Балтии, достигший пика в первой половине 90-х годов, постепенно снижается, отмечается в документе (В Госдуме обсудят проблемы миграции – Правда, 09.12.02); *Причем если в предыдущие годы мигранты замещали 30-40-70 % убывшего населения РФ, то в 2009 году шел бурный приток, и, начиная с сентября, статистика впервые за много лет начала показывать не убыль, а прирост населения* (Неохота к перемене мест – РГ, № 5098, 01.02.10); *«Нерегулируемый и избыточный приток трудовых мигрантов приводит к возникновению напряженности в отношениях между приезжими и городским населением, осложнению санитарно-эпидемиологической обстановки в городе», - заявил заместитель мера в правительстве Москвы В. Виноградов* (За первые три месяца этого года в Москве официально получили разрешения на работу почти 200 тысяч иностранцев – Известия, 06.06.07).

Дополнительный негативный смысл создается контекстуально через использование лексемы *обречена*, ср.: *Наша страна обречена на приток мигрантов* (Мигрантам обеспечат достойную жизнь – РГ, № 595, 13.03.07).

1.2. Слот «Наплыв»

Ср.: *В условиях массового **наплыва мигрантов** и «почернения» пригородов скинхеды – это беда, та проблема, которую мы обречены решать* (Что нам делать со скинхедами? – Известия, 12.11.04); *Самый большой **наплыв китайцев** в Хабаровске случился в начале 90-х, после введения безвизового въезда еще при Горбачеве* (Желтым по белому – Известия, 14.03.03); *Малую эффективность работы миграционные власти объясняют слишком **большим наплывом нелегальных мигрантов*** (Позитивная дискриминация – ВН, № 45, 15.03.01); *И если в Европе хотя бы с юридической стороны, т.е. в идеале все в порядке и законы работают, то в реальной жизни ряд правительств находится у перепутья, не зная, что предпринять, чтобы справиться с **наплывом иммигрантов*** (В чужой монастырь со своим уставом не ходят – Правда, 18.07.05).

Дополнительную негативную коннотацию метафоре *наплыв мигрантов* придает ее контекстуальное окружение – оценочные эпитеты, метафоры борьбы: *справиться с наплывом мигрантов, слишком большой наплыв, массовый наплыв* и т.п.

1.3. Слот «Волна»

Оценка, заложенная в образах слота, однозначна: миграция – это не зыбкая рябь по воде, а *мощная волна, захлестывающая Россию*, нередко переходящая в *девятый вал*, сопротивление которой, с точки зрения авторов текстов СМИ, бессмысленно.

Ср.: *«Москва принимает своего рода **девятый вал миграции**», - директор ФМС РФ К. Ромодановский* (Неужели поворачивать назад? – РГ, № 4511, 07.11.07); *Между тем, Владимир Плигин отметил, что миграционный поток в Россию уже сформировался, и новой **волны мигрантов** ждать не приходится* (Для тех, кто не въехал – ВН, № 196, 25.10.06); ***Миграционную волну** нужно направлять на возрождение малых городов, не ущемляя при этом интересов местного населения* (В. Никитина / Пришла пора забирать «российские мозги» из Америки – АиФ, 15.10.08).

Как и в предыдущих слотах, дополнительные негативные смыслы вокруг образы *волны* возникают в рамках контекста, ср.: «*Россию захлестнула волна нелегальной иммиграции, которую фактически некому контролировать*», – сказала замминистра федерации Т. Хабриева (Внутренние пограничники – Время новостей, № 46, 16.03.01); *Сейчас, по разным подсчетам, в России нелегально проживает от 10 до 15 миллионов мигрантов. Очевидно, что государство не может справиться с колоссальной волной «гостей» России* (П. Сибида / «Бронза за миграцию» – РГ, № 4249, 15.12.06).

1.4. Слот «Поток»

Слот представлен самым частотным в рамках заявленной модели и художественно осмысленным концептом *поток*. Миграция в СМИ характеризуется не просто как поток, но с помощью оценочных эпитетов представляется как поток *обвальный, неконтролируемый, бурный, хлынувший, неостановимый, опасный, усиливающийся, активный, мощный*.

Ср.: *Страх первый – Россия рискует потонуть в бурном и неконтролируемом потоке мигрантов* (П. Воцанов / Выбирай сердцем в пятках – НГ, № 61, 13.08.07); *При этом основной поток иностранных работников, возможно, даже не учитывается в официальной статистике* (М. Грицюк / Приехали – РГ, № 5140, 25.03.10); *Усилившийся в последние несколько лет поток мигрантов в РФ, как легальных, так, в особенности, нелегальных, достигающий, по некоторым оценкам ФМС, уже 10 миллионов человек в год, вызывает у коренных россиян чувство некоторой тревоги* (В Москве нет места для нищих – Правда, 18.09.07).

По отношению к *потоку мигрантов*, предлагается предпринимать определенные действия: *обуздать, остановить, повернуть, упорядочить, отрегулировать*.

Ср.: *Стремление обуздать потоки нелегалов растет и на уровне Евросоюза* (Малолетние жертвы европейской клубники – ВН, № 103, 11.06.08); *Однако большинство планов и концепций так или иначе связано*

с *обуздением* или, напротив, расширением *потока гастарбайтеров* (Ж. Трофимова / Великое переселение народа – РГ, № 612, 17.07.07).

Контекстуально *миграционный поток* оказывается связан с болезнями, социальными, культурными и религиозными проблемами в стране и даже гибелью России, что придает освещению темы миграции в СМИ дополнительный негативный потенциал.

Таким образом, метафоры фрейма «Характер движения воды», функционирующие в дискурсе отечественных СМИ, указывают на необузданный и обвальный характер миграции на территорию РФ. Типовой прагматический смысл данного фрейма можно обозначить как «тревожный»: миграция в Россию – процесс, который трудно остановить и практически невозможно регулировать в силу его большого объема, непрерывности и стихийности. Вполне естественно, что любой неограниченный водный поток рано или поздно приводит к стихийному бедствию. Поэтому в рамках рассматриваемой метафорической модели можно обозначить следующий фрейм.

2. Фрейм «Стихийное бедствие»

Фрейм представлен двумя видами стихийных бедствий – *наводнением* и *цунами* – оба вида природных катаклизмов имеют отношение к воде. Примечательно, что осмысление миграционных процессов в виде стихийного бедствия не включает в себя смысловых компонентов других природных катаклизмов, таких как землетрясение, сход лавины, извержение вулкана и др. Это связано с тем, что миграция в Россию осознается как людской поток, превысивший все допустимые нормы в количественном отношении, а прямое значение слова «наводнение – затопление суши водой, выступившей из берегов» [Ожегов 1999: 376], другие же возможные природные стихии относятся к глубинным процессам Земли и не имеют количественных характеристик.

2.1. Слот «Наводнение»

В дискурсе СМИ о миграции *стихийный поток мигрантов* выливается в представление о миграции в метафорах концепта *наводнение*.

Ср.: *Иным способом навести порядок с гастарбайтерами, наводнившими столицу, считает чиновник, просто невозможно* (За нелегалов ответят коммерсанты – Известия, 13.12.02); *Страшилки о наводняющих Европу сотнях тысяч мигрантов, готовых на любую работу за копейки, которыми пугают западного обывателя, воплотятся в жизнь* (Украинский выбор Европы – Газета.ru, 28.04.05).

Метафора *наводнение* призвана подчеркнуть большое количество мигрантов и то, что территория России уже не в состоянии их вместить.

2.2. Слот «Цунами»

В свою очередь, «цунами – гигантская разрушительная океаническая волна» [Ожегов 1999: 876]. В метафорическом представлении мигранты – именно такая волна, захлестнувшая и затопившая Россию.

Ср.: *Цунами невозможно приказать «Стой!»*. (...). *Без этого мы рискуем: эта стихия* [нерегулируемая миграция] *может захлестнуть нас* (В. Поставнин – НГ, № 102, 16.09.09).

«Наводненность» страны мигрантами усугубляется в СМИ актуализацией такого свойства воды как *текучесть*, ср.: *А иностранцы «перетекают» в иные сферы деятельности, часто – на тех же рынках* (В. Поставнин / Нешуточный день – РГ, № 590, 06.02.07); *Не меньшую проблему представляют нелегальные мигранты, стекающиеся в Россию через «прозрачные» границы СНГ* (А. Проценко / Осторожно: двери закрываются – Труд, № 126, 11.07.2000).

Метафоры рассмотренного фрейма имеют явно негативный прагматический потенциал: миграция в Россию, в силу своей неорганизованности и масштабности, по мнению СМИ, сродни природному катаклизму, разрушительной стихии, сметающей все на своем пути.

3. Фрейм «Водные пространства»

Фрейм представлен единичными метафорами с исходными концептами *море* и *ручей*.

3.1. Слот «Море»

Ср.: *«Вот сейчас в Приморье и во многих других регионах под предлогом отсутствия квот искусственно создается **море нелегалщины**», - Лидия Графова (Квота-мачеха – РГ, № 23.05.08); Однако работники, прибывающие по визам, – **капля в море среди огромного потока иностранной рабочей силы** (Т. Смольякова / Пиво только своим – РГ, № 4225, 17.11.06).*

3.2. Слот «Ручей»

Ср.: *В настоящий момент, по словам заместителя директора ФМС Е. Егоровой, **«ручеек» иностранцев в России несколько ослаб по сравнению с прошлым годом** (М. Грицюк / Шесть долларов в кассу – РГ, № 4882).*

Такая непродуктивность фрейма связана, на наш взгляд, с тем, что море – это большое **стоячее** водное пространство, ручеек – это тонкая и немогущая струя воды, тогда как образ миграции в СМИ моделируется в виде стремительного и бурного потока.

4. Фрейм «Движение воды»

Метафоры данного фрейма уже в своей внутренней форме содержат отрицательные коннотации: *хлынуть* – «начать литься с силой, потоком» [Ожегов 1999: 864], *захлестнуть* – «о воде: попасть куда-нибудь при сильном всплеске» [Ожегов 1999: 224].

Ср.: *Общество в целом оказалось не готово к **притоку мигрантов, которые хлынули** в последние годы в Россию, а внутри страны стали особенно заметными в регионах, населенных до того исключительно или преимущественно людьми славянской внешности (Лицо национальности – Известия, 03.10.01); Опасность того, что край **захлестнет волна миграции**, существует. Те же китайцы достаточно агрессивно заселяют целые тер-*

ритории России (Гастарбайтерам поставили рыночное условие – Известия, 18.01.07).

Прагматический смысл метафор фрейма: мигранты с силой проникают на территорию, и зачастую с этим ничего нельзя поделать.

Таким образом, в дискурсе средств массовой информации 2000 – 2010 гг. стихия воды, несмотря на высокочастотность (252 МЕ/ 1529 (16,5%)) и продуктивность (4 фрейма/ 8 слотов) гидронимной модели, репрезентирует миграцию посредством достаточно однотипной во всех рассмотренных текстах гидронимной метафорики: *наплыв, приток, поток, волна, наводнение*. Наиболее часто употребительным в дискурсе СМИ является метафорическое представление концепта *поток*. Для данной модели характерно преобладание негативного прагматического потенциала в составляющих ее контекстах. Концептуальные векторы тревожности, опасности, непредсказуемости и неуправляемости процесса миграции на территорию России пронизывают рассмотренные примеры метафорических выражений.

2.6. Этническая метафорическая модель

Согласно теории Э. Лассан [Лассан 2010: 24 – 33], показательным примером третьего уровня реализации структурной метафоры является архетипическая биполярная категория СВОЙ – ЧУЖОЙ, используемая, в частности, в дискурсе СМИ о миграции.

Оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ является одной из основополагающих в человеческом сознании. В широком ракурсе противопоставление «своих» «чужим» послужило первым шагом к развитию самосознания вида *homo sapiens*. Считается, что в те времена одиночка вне группы не воспринимался архаическим сознанием как человек. В архаической модели мира члены «своей» социальной группы («люди») противопоставлялись «чужим» («не людям»). В ходе развития общественного сознания группа «не людей», или «чужих» приобретает статус социальной [Васильева, 2001: 5]. Наряду с дру-

гими концептуальными оппозициями, отражающими архетипные представления об устройстве мира («верх – низ», «жизнь – смерть», «свет – тьма», «хорошо – плохо» и другие) дихотомия МЫ – ОНИ отражает абстрактные категории модели мира, реализуя свое предназначение служить универсальным принципом концептуализации реальности в самом общем ракурсе [Цивьян 1990: 30]. По словам Ю. С. Степанова, сохраняя свое значение на протяжении веков, дихотомия СВОИ – ЧУЖИЕ является культурной константой, одним из важнейших противопоставлений в жизни и устройстве общества [Степанов 1997: 480].

Так, древняя реализация концептов СВОЙ – ЧУЖОЙ была описана Э. Бенвенистом в рамках оппозиции «свободный – раб, чужой, чужеземец». Лексемы со значением «чужеземец» в некоторых индоевропейских языках включали в себя значение «враг» [Бенвенист 1995].

Этническая метафорическая модель в рамках рассматриваемого дискурса строится на представлении о мигрантах как о ЧУЖИХ во всех отношениях в бенвенистовском понимании: посредством метафор модели актуализируется один из смыслов оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ, а именно мигрант – этнически «чужой», «чужеземец», с вытекающими отсюда оценками со знаком «минус» в рамках контекстов.

Мы намеренно не использовали категорию СВОЙ – ЧУЖОЙ для описания всех метафорических моделей, репрезентирующих миграцию в дискурсе российских СМИ. Поскольку исследование метафорического образа миграции посредством биполярной лингвокультурологической категории СВОЙ – ЧУЖОЙ стало бы причиной освещения проблемы лишь с одного полюса – со знаком «минус» для ЧУЖОГО, так как само введение данной категории в исследование рассматриваемого дискурса автоматически ставит мигранта в позицию «врага». Тогда как выход за рамки СВОЕГО – ЧУЖОГО позволяет более объективно представить особенности метафорической репрезентации миграции/ мигранта.

Как было отмечено в первом параграфе данной главы диссертации, российскому дискурсу СМИ о миграции свойственна этнизация. Это обусловлено тем, что в самом понятии «мигрант» содержится национальная составляющая. Причем в текстах СМИ отсутствуют публикации, посвященные мигрантам из США и Европы, что свидетельствует, во-первых, о пристальном внимании работников СМИ к представителям конкретных национальностей, внешне отличающимся от обладателей титульной (славянской) внешности (китайцы, таджики, армяне, азербайджанцы и др.); во-вторых, отражает объективную картину – на территории РФ мигрантов из стран Европы, США, Австралии и т.п. значительно меньше, чем приезжих из стран Средней Азии, Китая, с Кавказа.

В рамках этнической метафорической модели, представляющей миграцию, этнически ЧУЖОЙ – это носитель иных характеристик внешности, иных культуры и образа жизни, иной религии. В соответствии с метафорической реализацией данных представлений фреймо-слотовая структура этнической модели выглядит следующим образом.

1. Фрейм «ЧУЖОЙ (ОН, ДРУГОЙ, ИНОЙ, НЕ НАШ) – обладатель «нетитульной» (неславянской) внешности»

Данный фрейм представлен наибольшим количеством метафорических словоупотреблений в рамках этнической модели, что связано с тем, что идентификация по принципу СВОЙ – ЧУЖОЙ традиционно начинается с внешности. Несмотря на то, что на территории России испокон веков проживали представители более ста национальностей (русские, татары, башкиры и мн.др.), обладатели так называемой «титульной внешности», т.е. славянской, крайне настороженно относятся к людям с другими цветом кожи, волос, разрезом глаз и формой носа. Метафорические характеристики, нагруженные преимущественно негативными смыслами, получают внешние мигранты, приезжающие на сезонные работы или постоянное место жительства из стран СНГ, Афганистана и Китая. При этом актуальной в СМИ становится цвето-

вая метафора, в образах которой акцентируется другой цвет кожи этнически ЧУЖОГО: *желтый, желтизна, пожелтеет, черный, темный, черномазый* и др.

Ср.: *Желтым по белому: самый большой наплыв китайцев в Хабаровске случился в начале 90-х, после введения безвизового въезда еще при Горбачеве* (Известия, 14.03.03); *Не секрет, что неприязнь к людям с иным цветом кожи или разрезом глаз чаще всего проявляется при падении уровня жизни и обострении социальной напряженности* (**Разноцветная Россия** – ВН, № 151, 20.10.2000); *Вся золотая молодежь этих районов прекрасно знает, где «черные» продают качественную «дурь»* (Владимир Седых: *у нас есть свой Тифлис, Шанхай, Кабул* – Известия, 22.01.02); *Неуважение к «черным» присутствует практически у всех* (Чистота крови – Известия, 13.12.02); *Для россиян это, может быть, и хорошо, поубавится «черномазых» на рынках* (Чистота крови – Известия, 13.12.02).

Некий каламбур в одном из контекстов возникает при обыгрывании прямого и переносного значения прилагательного *темный* (так, прямое значение – «по цвету близкий к черному, не светлый» [Ожегов 1999: 797], переносное – «вызывающий подозрение, сомнительный по честности» [Там же]), ср.: *Помните тщательную защиту торговцев «коренной национальности» на продовольственных рынках, на которых темные (по цвету) личности взвинчивали цены?* (Проценты с акцентом – НГ, № 94, 10.12.07).

Внешние отличия подчеркиваются также с помощью эпитетов *смуглолицый, непохожий*, ср.: *Согласно существующему положению, это возможно лишь в случае, если найдутся местные жители, горящие желанием прописать на своих квадратных метрах смуглолицых граждан из бывших братских республик* (Мент гостелюбивый – Труд, 03.07.03); *Общество у нас приучено помалкивать и выдает свой интерес к проблеме лишь от случая к случаю – периодическими всплесками ксенофобии и нападением маргиналов на «непохожих»* (Гастарбайтер на госслужбе – Газета.ru, 14.03.08).

Иносказательная развернутая характеристика с использованием внешних отличительных знаков положена в основу аллегории, ср.: *Не исключено, что по ходу анализа выяснится, что на рынках некому торговать, кроме загорелых и горбоносых людей в кепках и тибетейках* (Кончай базар? – Труд, № 218, 24.11.06).

В качестве метафор мы выделяем жаргонную лексику, используемую для характеристики внешности людей определенных национальностей: *азер, чурбан, чурбанье, чурка, косоглазый, китаеза, хачик* и проч.

Ср.: *Большинство моих знакомых (среди которых весьма уважаемые люди) не видят ничего особенного в словах «чурки» или «жиды»* (Чистота крови – Известия, 13.12.02); *Когда московская милиция начинает гонять азербайджанцев на рынках, на родину «азеры» возвращаются обозленные, жаждущие мести* (С. Турьялай / Славяне в Азербайджане налегают на английский, оставляя русский азербайджанцам – КП, № 3, 11.01.2000); *9 % респондентов оправдывают скинхедов за то, что те «борются против чурок»* (В поисках врага – Известия, 27.09.06).

Поразительно, что сотрудники СМИ в погоне за экспрессией и желанием привлечь внимание аудитории к проблеме позволяют себе использовать, пусть в кавычках, дискриминирующие мигрантов характеристики. Так, «чурка» – «жрр., пренебр. азиат; кавказец» [БСРЖ 2000: 678]; «азер» – «жрр., пренебр. азербайджанец» [Там же: 32]; «чурбан»/ «чурбанье» – «жрр., пренебр. житель Кавказа, Средней Азии» [Там же: 677]; «китаёза»/ «китаёз» – «жрр., пренебр. китаец» [Там же: 257] и т.п. Все лексемы имеют в словаре помету *жаргонное, пренебрежительное* и, по сути, являются «метафорами вражды».

Таким образом, метафоры фрейма строятся на противопоставлении представлений о внешности: *МЫ – белые* и *ОНИ – черные, желтые* – актуализирующем свой смысл как посредством цветовых характеристик, так и с помощью грубой жаргонной лексики. Все метафоры выделенного фрейма обладают негативным прагматическим потенциалом, так как этнически

ЧУЖОЙ в СМИ подчеркнуто преподносится как несоответствующий классическому внешнему облику россиянина, а значит – к нему стоит относиться с опаской и неприязнью.

2. Фрейм «ЧУЖОЙ (ОН, ДРУГОЙ, ИНОЙ, НЕ НАШ) – иностранец»

В рамках фрейма, функционируют метафоры, подчеркивающие то, что ЧУЖОЙ – это не просто иностранец, а именно *иноземец, инородец, негражданин*. Делается это, во-первых, с помощью приема перифразы: перифразы с опорным словом *дитя*, метафорически использующиеся для характеристики места или способа рождения кого-либо (*дитя своей страны, дитя порока*), в дискурсе СМИ о миграции реализуются в словосочетаниях *дитя гор, дитя Средней Азии*.

Ср.: *Трудовая единица ЖКХ на ногах переносило простуду, и, судя по тому, что всю последующую неделю я встречала его в той же кондиции, выздоравливало это дитя Средней Азии трудно* (И. Чернова / От забора до аптеки – НГ, № 35, 06.04.09); *...надо же китайцам где-то жить, а «детям гор» как-то зарабатывать на жизнь* (Чистота крови – Известия, 13.12.02).

В обоих примерах метафора родства (метафорическая модель со сферой-источником «Семья» не рассматривается нами отдельно в силу ее непродуктивности и низкого уровня частотности в рамках анализируемого дискурса) контекстуально приобретает оттенок иронии и пренебрежения.

Во-вторых, с целью подчеркнуть страны исхода мигрантов в СМИ используется прием метонимического переноса, ср.: *Владимир Седых: у нас есть свой Тифлис, Шанхай, Кабул* (Известия, 22.01.02); *... у «югов» не принято халтурить* (Не гонялся бы ты за дешевизной – РГ – Неделя, № 3774, 20.05.05); *Мы с коллегами, например, каждый день видим, как под мостом у Савеловского вокзала торгуют овощами и фруктами граждане южных кровей* (Да, дорого яичко – Труд, № 060, 10.04.07).

Такие собирательные образы, в целом, не имеют отрицательных коннотаций, но в рамках контекста многие из них приобретают ироничный оттенок («юга», *граждане южных кровей*).

В-третьих, одна из любимых метафор работников СМИ, использующаяся для указания на страну, из которой прибыл мигрант, – *пришелец*, ср.: *Основные места расселения **пришельцев** из закавказской республики: ЮВАО, ЮАО, южная часть ЦАО* (Мигрант-град – Труд, № 158, 30.08.06); *При этом большая часть китайской диаспоры расселилась в Москве, где, только по официальным данным, **пришельцев с Востока** уже около 40 тысяч* (Китайцы идут! – Труд, № 193, 18.10.06); *Разбираться с тем, почему во всех городах и весях огромной России растет неприязнь к любым чужакам и **пришельцам**, должно политическое руководство страны* (Армия Концевых: явная и тайная – Газета.ru, 15.09.06).

В языковом сознании россиян закрепились стойкая ассоциация, связанная с *пришельцами*, – инопланетяне, такой же смысл реализуется в большинстве представленных контекстов.

Значительную часть метафор данного фрейма составляет употребление устаревшей лексики *инородец, иноземец, чужеземец* (ср. «инородец – устар. в царской России: уроженец окраины страны, по преимуществу восточной, принадлежащей к одному из национальных меньшинств» [Ожегов 1999: 248]; «иноземец – устар. иностранец, чужестранец» [Там же]; «чужеземец – устар. то же, что иностранец» [Там же: 889]).

Ср.: *Например, ни для кого не секрет, что рядовой милицейский состав часто проявляет нетерпимость к «**инородцам**»* (Народ безмолвствует – Время новостей, № 151, 20.10.2000); ***Иноземные строители** Москвы* (РГ, № 4018, 16.03.06); *По этой причине первоначально утвержденная эксклаву на 2009 год квота на замещение **чужеземцами** 46 тысяч рабочих мест была урезана до 7, 5 тысяч* (Кордон для профи – РГ, № 5047 (223), 25.11.09).

Первоначально совершенно нейтральные синонимы к слову «иностранец» устаревшие *инородец, иноземец, чужеземец* в рамках анализируемого дискурса приобретают отрицательные коннотации на уровне контекстов.

Наконец, «чуждость» мигрантов подчеркивается использованием отсутствующего в литературном языке обидным окказионализмом «неграждане» (ср.: в литературном языке – не гражданин, не граждане), ср.: *Количество неграждан в России будет строго регулироваться. Власти определились с тем, сколько иностранцев наша страна готова долго терпеть на своей территории* (Новые лимитчики – ВН, № 210, 14.11.02).

Таким образом, понятия «иностранец», «приезжий», являющиеся вполне нейтральными синонимами к слову «мигрант» заменяются в рамках медийного дискурса метафорами «чужести». Концепт ЧУЖОЙ реализуется посредством понятий, закрепленных в языковом сознании россиян как заведомо нагруженных отрицательными смыслами, что проявляется в виде иронии или прямых негативных коннотаций, возникающих в рамках контекста.

3. Фрейм «ЧУЖОЙ (ОН, ДРУГОЙ, ИНОЙ, НЕ НАШ) – носитель ДРУГОГО имени»

Имя – это то, что сопровождает человека с момента рождения до самой смерти. Издавна люди придавали ему большое значение, оно давало характеристику его владельцу по различным параметрам. Одной из такой характеристик является отражение в имени национальности его обладателя. Так, одной из составляющих концепта ЧУЖОЙ в рамках рассматриваемого дискурса, является имя. В основе метафор данного фрейма лежит представление о том, что есть имена и фамилии славянские (или просто характерные для российской действительности), а есть – неславянские, экзотические для России, или, как они обозначаются в СМИ, *неправильные, незаконные*.

Ср.: *А губернатор Ткачев публично говорил, что есть фамилии правильные и неправильные, что кончатся на «ян», «швили» и еще не помню как* (России задан национальный вопрос – ВН, № 158, 30.08.02); *Неза-*

конная фамилия: шофера, хозяина-пенсионера, заработавшего частным извозом дополнительный рубль к пенсии, засилье «черных» на Кубани не интересовало совсем (НГ – № 49, 11.07.02).

Такие косвенные негативные указания на национальность являются, по сути, оскорблением достоинства носителей нехарактерных для России имен.

Широко распространено в СМИ употребление таджикских имен Равшан и Джамшут в качестве собирательных образов: в современной российской действительности имена *Равшан* и *Джамшут* становятся аллегориями таджика.

Ср.: *Некоторые работодатели осознанно выбирают неприхотливых Равшанов и Джамшутов, вместо того, чтобы растить свои кадры и платить им достойную зарплату* (Посторонние силы – РГ, № 5107 (28), 11.02.10); *Равшан и Джамшут заговорят по-русски* (Труд, № 114, 25.06.08); *Школа для Джамшута: вчера в Санкт-Петербурге открылись первые ночные курсы по изучению русского языка для работающих в городе мигрантов из стран СНГ* (В Северной столице решили окультурить мигрантов – РГ, № 4884, 8.04.09).

Эти имена популяризированы самими же средствами массовой информации: Равшан и Джамшут – добродушные таджики строители, персонажи популярной среди российской аудитории телепередачи «Наша Russia», транслируемой на канале ТНТ в период с 2008 по 2010 гг. Сами образы, созданные авторами программы, вполне безобидны и призваны вызывать у зрителей улыбку (наряду с таджиками Равшаном и Джамшутом героями становятся и русские: в программе обыгрываются стереотипы не очень умных русских девушек и юношей, нечестной учительницы, прораба-обманщика и др.). Отрицательные смыслы возникают при использовании этих имен как собирательных (ср.: *Равшанов, Джамшутов*) и нарицательных (ср.: *Столичное хозяйство и так уже постепенно переходит в руки «Равшанов»: дешевых и бессловесных* (Москвичи сами никогда не пойдут на стройку, где работают мигранты – Известия, 13.11.08)). Такое употребление имен всегда вызывает у

аудитории либо негативные ассоциации, либо иронию (ср.: русские Иваны, ирландские Педди, американские Джоны и т.д.).

В целом, прагматический потенциал образов данного фрейма можно охарактеризовать как негативный: использование в СМИ распространенных таджикских имен в качестве нарицательных и собирательных автоматически ставит приезжих из Таджикистана в позицию тех, над кем иронизируют и к кому относятся с пренебрежением.

4. Фрейм «ЧУЖОЙ (ОН, ДРУГОЙ, ИНОЙ, НЕ НАШ) – носитель ЧУЖИХ культурных ценностей»

Фрейм представлен как общими ценностными категориями *цивилизация, бытие, вера*, так и наименованиями вполне конкретных материальных понятий *шаурма, плов, шашлык*.

Ср.: *Страх первый – Россия рискует потонуть в бурном и неконтролируемом потоке мигрантов, который с каждым годом, месяцем, днем все прибывает и прибывает и который несет чужеродную веру и чужеродный характер бытия* (Выбирай сердцем в пятках – НГ, № 61, 13.08.07); *Иными словами, мигранты представляют на российской земле «другую цивилизацию», отнюдь не всегда лояльно и дружелюбно настроенную по отношению к местным* (Работодатели в РФ дешевые – Правда, 04.10.07); *Без шаурмы и плова: Италия ужесточает меры против нелегальных иммигрантов* (ВН, № 21, 09.02.09).

Через использование оценочных эпитетов *чужеродный, другой*, апеллируя к духовным ценностям, являющимся основополагающими для каждого человека (*бытие, вера, цивилизация, нация*), авторы текстов СМИ представляют проблемы миграции как глобальные, касающиеся уже не вопросов быта, а вопросов бытия. В рамках контекстов мигранты преподносятся как угроза русской нации.

Таким образом, в рамках дискурса СМИ о миграции этническая метафорическая модель является частотной (235/1529 (15,4%)) и среднепродук-

тивной (4 фрейма). Возможный прагматический потенциал модели таков: акцентирование в СМИ внимания на представителях некоторых национальностей (таджиков, азербайджанцев, грузин, китайцев и др.) отрицательным образом воздействует на российскую аудиторию – возникает неприязнь к людям *неправильной внешности, обладателям неславянского имени, носителям чужеродной культуры*. Представление в СМИ мигранта в качестве ЧУЖОГО априори ставит приезжих в позицию «врага», угрожающего национальной идентичности «титупьной нации».

Если в нацистском дискурсе используемые по отношению к приезжим метафоры относятся, выражаясь терминологией Э. Лассан [Лассан 2010: 33], к первому (верхнему) уровню реализации, когда сфера-мишень и сфера-источник в сознании языкового коллектива отождествляются: лозунг «Бей жидов/таджиков/китайцев, спасай Россию!» воспринимается буквально – как призыв к действию; то большинство метафор, функционирующих в рамках этнической модели, пока можно отнести к третьему (нижнему) уровню, когда метафоричность номинаций ощущается, но образно-экспрессивный потенциал исчезает (ср.: *Равшаны, Джамшуты, пришельцы с Дальнего Востока* и др.). Но «стертые метафоры, особенно если они связаны с архетипами человеческого сознания, склонны «оживать», переводя структурную метафору на другие уровни – сознательного речевого или физического действия» [Лассан 2010: 32]. Если учитывать роль средств массовой информации в формировании отношения к действительности, то метафоры «чужести», используемые в медиатекстах, могут служить причиной возникновения антимигрантских настроений в обществе.

2.7. Экономическая метафорическая модель

Согласно утверждению С. И. Виноградова, по семантике метафор можно изучать политическую историю страны, по распространенности тех или иных метафорических моделей – составить представление о ситуации, в которой она оказалась [Виноградов 1994: 71]. В целом, русской культуре до не-

давнего времени было не свойственно структурирование окружающего мира посредством экономической метафоры, что отражено во «Фразеологическом словаре русского языка»: мы обнаружили лишь 2 паремии с опорным концептом «деньги», ср. «при деньгах» и «на медные деньги» [ФСРЯ 1978: 135], и несколько устойчивых выражений, имеющих отношение к товаро-денежному обороту: «дешево и сердито», «дешевле пареной репы», «дешево отделаться» [Там же: 139] и др. Но тот факт, что Россия попала в начале 90-х годов прошлого столетия в условия рыночной экономики, не мог не отразиться на жизни россиян и восприятии ими действительности: для осмысления некоторых явлений стали использоваться образы из экономической сферы, например, «продажный мир», «продажная любовь», «денежный мешок», «деньги правят миром», «ВСЁ продается, ВСЁ покупается», «кто платит – тот и заказывает музыку» и проч. Кроме этого, РФ активно вовлечена в процессы миграции, которая играет важнейшую роль в экономике всех развивающихся стран.

Так, одной из метафорических моделей, представляющих в российских печатных СМИ миграцию, оказалась экономическая. Данный факт объясняется тем, что мигранты, главным образом трудовые, являются важнейшим компонентом экономики современной России: они занимают в экономической структуре страны определенную нишу, влияют на рынок труда и уровень заработной платы – поэтому в данном случае источником метафорической экспансии нередко служит понятийная сфера «Экономика». Однако, стоит отметить, что рассматриваемая модель в дискурсе СМИ о миграции является среднечастотной (163 МЕ/ 1529 (10,6 %)) и среднепродуктивной (2 фрейма / 7 слотов), что связано с недостаточной ее структурированностью в русском языковом сознании.

Экономическая метафорическая модель имеет типические прагматические смыслы и следующую фреймо-слотовую структуру.

1. Фрейм «Товар и его качественные характеристики»

Метафоры, составляющие данный фрейм, представляют мигранта в виде *живого товара*, который наделяется качественными характеристиками, присущими любому другому реальному товару: рыночная стоимость – *дешевый, дешевизна, дорогой, дармовой, по карману, не по карману* и т.п.; сфера использования – *торговля, рынок, прилавок, строительство, сфера охраны* и т.д.; особенности эксплуатации товара – *удобный, удобство, неограниченный срок пользования, длительное применение* и пр.; блага товара для потребителя – *богатство для экономики, инструмент роста, высокое качество, неприхотливый* и т.п. В соответствии с этими характеристиками фрейм состоит из следующих слотов.

1.1. Слот «Стоимость товара»

Мигрант, по мнению авторов текстов, это товар, который можно оценить. Метафоры слота репрезентируют *стоимость мигранта*, в первую очередь, как *невысокую, дешевую*. Если мигрант все-таки *дорогой*, то в СМИ это подается в явно негативном ключе: негативные ассоциации возникают на уровне контекста, например, *дорогое удовольствие, не по карману* и т.п.

Ср.: *С другой стороны, «дешевых» гастарбайтеров нанимают на работу, ущемляя интересы местных жителей* (М. Фалалеев / Мигрантов просят правильно – РГ, № 4932, 17.06.09); (Л. Пятилетова / Мигрант на свету – РГ, № 4325, 27.03.07); **Мигрант не по карману** (Мигрант не по карману – РГ, № 708, 30.06.09); *«В стране невольничий рынок дешевого труда»*, – заметил Ромодановский. *По его словам, гастарбайтеры, как правило, бесправны...* (МВД ведет мигрантов к свету – Газета. ru, 16.03.06); **Нелегалы в цене: незаконный труд мигрантов в России стал очень дорогим** (Нелегалы в цене – РГ, № 708, 30.06.09).

Кроме этого, в качестве показателя стоимости мигранта на рынке труда в СМИ используется просторечная лексика *дешевка, дармовой*. Посредством нее демонстрируется пренебрежительное отношение к приезжим.

Ср.: *Мигрант по дешевке и навсегда: столичные власти выступают за повышение оплаты труда иностранцев* (О. Игнатова / Мигрант по дешевке и навсегда – РГ № 4423, 26.07.07); *Руководитель ФМС по г. Москва Федор Карповец: «Разве это деньги для организации, получающей миллионные прибыли за почти дармовую рабсилу?»*.

Образная оценка в СМИ мигранта как *дешевой рабочей силы* обусловлена тем, что приезжие из других стран действительно готовы работать за более низкую заработную плату, по сравнению с постоянным населением России. Но оценка с помощью метонимического переноса с невысокого уровня зарплаты иностранцев на них самих в рамках контекста порождает отрицательные смыслы: мигрант – это товар, неодушевленный предмет. Ср.: *Иностранец отныне станет дорогим удовольствием (Сколько стоит гастарбайтер?* – ВН, № 219, 27.11.02).

1.2. Слот «Особенности эксплуатации товара»

Метафоры слота подчеркивают *удобство в эксплуатации мигрантов* и характеризуют секторы российской экономики, в которых применяется труд мигрантов: *стройка капитализма, труженики прилавка* и т.п.

Ср.: *Впрочем, те, кто используют труд мигрантов на российских стройках капитализма, по-прежнему стараются платить работникам из стран СНГ – а именно они составляют у нас мигрантскую армию труда – по-минимуму* (Т. Шкель / Нелегалы в цене – РГ, № 4500, 24.10.07); *В частности, речь шла о тех «тружениках прилавков», которые были на своих рабочих местах без регистрации и без разрешения на труд в столице* (И. Пуля, Н. Козлова, Т. Смольякова / Чиновников били на рынке – РГ, № 4234, 29.11.06).

В СМИ делается акцент на том, что мигрантов можно именно *эксплуатировать*, а различные отрасли российской экономики являются *потребителями живого товара*.

Ср.: *Еще немалое число предпринимателей в России пользуется выгодами нелегальной миграции, ведь **бесправный иммигрант** особенно удобен*

для неограниченной эксплуатации (Пропуском в Россию должна быть не платежеспособность, а квалификация – ВН, №199, 26.10.05); **Строительный комплекс является главным потребителем мигрантов в столице** – около 40 % от общей квоты привлекаемых иностранных граждан используются на строительных объектах Москвы (Квартирный провал – Газета.ru, 22.12.08).

Примечательно, что в СМИ достаточно популярны (практически в каждом третьем тексте в рамках экономической модели) формулировки *использование мигранта, использовать мигранта*, а не закрепленное в социологии сочетание – «использование **труда** мигранта». Ср.: *Столица ежегодно только официально резервирует порядка 100 тысяч мест для трудовых мигрантов, тогда как третий по использованию мигрантов Дальний Восток котирует 15 – 20 тысяч мест* (Прилавочным порядком – ВН, № 57, 03.04.07); *Александров уверен, что благодаря новой системе столица сделает очередной шаг к прозрачности использования мигрантов в городском хозяйстве* (Л. Пятилетова / Оргнабор для гастарбайтеров – РГ, № 4665, 22.05.08).

Такое словоупотребление, в совокупности с оценочными эпитетами *бесправный, удобный*, автоматически ставит трудящегося-мигранта в положение обманываемого (ср. выражения: *ты меня использовал, использовать кого-то в своих целях*).

1.3. Слот «Благо и вред товара для потребителя»

«Потребителем» в СМИ является Россия, с ее экономическими, демографическими и кадровыми проблемами, которые, с одной стороны, в состоянии решить *квалифицированные мигранты, мигранты определенного качества*. Метафорические образования слота в данном случае имеют положительный прагматический потенциал: мигрант оценивается как неоспоримое *благо* для экономической жизни страны и *инструмент ее роста*.

Ср.: *Конечно же, миллионы мигрантов – это огромное богатство, получив которое после распада Союза, Россия могла бы стать, как считает Егор Гайдар, «Америкой XXI века»* (Меня оштрафовали на 4,5 тысячи за разбитый унитаз – Известия, 31.03.06); *Супергастарбайтеры. Правительство*

Москвы запустило новую программу, призванную снизить остроту дефицита кадров (С. Лебедев – Труд, № 093, 26.05.08); **«Понаехавшие», или богатство, которое мы не ценим** (Л. Графова – НГ, № 58, 12.08.02); **Мигранты также стабильно добавляют в «демографическую копилку» автономного округа до 5 тысяч человек** (Зачем Югре инвесторы – АиФ, № 43, 24.10.07).

Некоторые метафоры слота можно отнести к образам со сферой-источником «Артефакт», но так как в рамках рассматриваемого дискурса артефактная метафорическая модель не рассматривается в силу своей низкой частотности и непродуктивности, метафорическое сочетание *инструмент роста* мы относим к экономической модели, ср.: *Валентина Матвиенко поручила превратить «осмысленную миграционную политику» России в «серьезный инструмент роста экономики нашей страны»* (Лимит на лимитчиков – Известия, 05.07.02).

С другой стороны (и таких образных характеристик значительно больше), мигранты *разрушают рынок труда*, составляя *дешевую конкуренцию* местному населению будучи *низкоквалифицированной и непривлекательной рабочей силой*.

Ср.: *Но когда говорят, что мы хотим привлечь в страну мигрантов определенного качества, квалификации, законопослушных, – это утопия! Люди едут туда, где им хорошо* (Для семьи важнее опираться не на пособия, а на собственные руки – ВН, № 79, 11.05.06); *«Больше ни одного человека не нужно, пускай иностранцы приезжают к нам, как туристы. (...) В противном случае, это будет «злая помощь городу»», - мер Москвы Ю. Лужков* (Лужков призывает сократить квоты на привлечение трудовых мигрантов – ВН, 06.06.07); *Россия становится мировым лидером по количеству денег, отправляемых через ее границы гастарбайтерами. (...) «В целом, такая рабочая сила – низкоквалифицированный трудовой миграционный ресурс»* (Т. Зыкова / Рубль в переводе – РГ, № 4619, 22.03.08).

Негативный прагматический потенциал создается за счет использования эмоционально-оценочной лексики: *деформировать, разрушать, злой, нарушать* и т.д.

Типовые прагматические смыслы, создаваемые перечисленными метафорами, можно сформулировать таким образом: с одной стороны, мигранты вытесняют постоянных жителей из некоторых сфер российской экономики, так как иностранцы наиболее привлекательны для работодателей в силу того, что их труд низкооплачиваем; мигранты – это чаще всего низкоквалифицированные специалисты, работающие в сфере строительства, торговли или обслуживания; с другой – иммигранты способны помочь России в решении демографических и экономических проблем.

2. Фрейм «Экономические операции, совершаемые с товаром»

Миграция в указанном фрейме характеризуется образным употреблением понятий, обозначающих экономические операции, совершаемые с товаром: *покупать, продавать, импортировать, экспортировать, заказывать, поставлять, ввозить, осуществлять контрабанду; покупка, продажа, экспорт, импорт, заказ, поставка, ввоз, контрабанда* и т.д. – где в качестве товара выступает мигрант.

2.1. Слот «Купля-продажа товара»

Метафоры данного слота недвусмысленно представляют мигранта как *живой товар*, который *покупается и продается*.

Ср.: *На бирже продаются легальные таджики* (Газета. ru, 27.01.06); *Россия является и страной-донором, и страной-получателем «живого товара»* (*Россия стала мировым центром по торговле людьми* – Известия, 27.04.06); *Москва хочет купить сантехников, служащих казино и футболистов: Валентина Матвиенко поручила превратить «осмысленную миграционную политику» России в «серьезный инструмент роста нашей страны»* (Лимит на лимитчиков – Известия, 05.07.02).

Посредством подобных метафорических образований мигранты оцениваются как объект покупки и продажи их работодателями, данные метафоры обладают явно негативным прагматическим потенциалом, так как речь идет о купле-продаже живых людей, регулярно определяемых печатными средствами массовой информации словосочетанием «*живой товар*».

2.2. Слот «Контрабанда товара»

Рассматриваемый слот в равной степени можно отнести к криминальной метафоре, но любая контрабанда осуществляется в рамках экономического взаимодействия поставщика и покупателя, поэтому в подобных метафорах присутствует экономическая составляющая.

Ср.: *Михаил Тюркин сообщил, что депутаты согласились с инициативой ФМС ужесточить нормы ответственности за **нелегальный ввоз мигрантов*** (И. Семенова / Миграционная карта получила статус – РГ, № 3555, 20.08.04); «*Ничего вредного я в этом не вижу, если все это будет проходить в рамках закона и мигранты будут официально регистрироваться. Т.е. не будет **контрабанды живого товара***», – Л. Бурмистров, вице-президент компании «Развитие общественных связей» (Бьют по паспорту – Известия, 20.02.02).

Авторы текста, зачастую преследуя цель привлечь внимание россиян к проблемам миграции и в попытке создания яркого образа, с помощью экономических категорий ставят мигрантов в положение неодушевленного предмета, ср.: *Все силовые ведомства в России – и те, кто несет ответственность за пребывание иностранцев в России (МВД), и те, которыми пользуются люди, зарабатывающие деньги на **нелегальных перевозках «живого товара»*** (Лягушки-нелегалы. Как немцы учили россиян мигрантов отлавливать – Известия, 25.11.01).

2.3. Слот «Заказ и доставка товара»

Метафорические употребления слота указывают на то, что мигранта можно *заказать*, а сама *доставка живого товара* заказчику может производиться всеми известными и неизвестными путями: морским, авиационным,

сухопутным – мигранта можно *выписать, заказать, произвести завоз, ввоз, осуществить поставку* и т.п.

Ср.: *Гастарбайтер почтой: жизнь гастарбайтеров стала проще. Теперь они могут встать на учет по почте и всего за 10 дней получить право на работу в России* (Мигранты влетели в одно окно – Газета. ru, 15.01.07); *Но для того, чтобы действовать в этом вопросе силой, по крайней мере нужно иметь со странами, из которых вы собираетесь «выписывать» рабочую силу, соглашение по квотам* (Последний верблюд – Известия, 22.07.07); *Работник на заказ: работодателям запретят нанимать «чужих» гастарбайтеров* (Н. Егоршева / Работник на заказ – РГ, № 4768, 09.10.08).

Большинство метафор данного слота используется в кавычках с целью указания на то, что слово дано не в прямом значении (скорее всего, из-за боязни ответственности журналистов), но суть возникающих смыслов от этого не меняется: мигрант в СМИ остается *товаром*.

Ср.: *Предусмотрен будет в квоте и тридцатипроцентный резерв на «завоз» иностранных работников* (М. Грицюк / Стройки «построят» - РГ, № 4547, 19.12.07); *Работают они так: бизнесмен «завозит» 300 – 400 гастарбайтеров, скажем, на стройку* (М. Грицюк / Место под российским солнцем – РГ, № 5136, 19.03.10); *Руководители регионов выяснят, сколько иностранных работников они готовы принять, и «заказать» гастарбайтеров в ФМС* (А. Зарипова / Иммигранты на заказ – РГ, № 4227, 21.11.06).

2.4. Слот «Импорт товара и страны-экспортеры»

Пополнение мигрантами российского рынка труда в печатных СМИ определяется как *импорт «живого товара», рабочих рук, трудовых ресурсов* из таких *стран-экспортеров*, как Китай, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Турция, Украина.

Ср.: *Скорректировать параметры «импорта» трудовых ресурсов заставил очевидный факт* (Лимит на гостеприимство повышен – ВН, № 186, 08.10.08); *Иммигрантов поставляют* главным образом *Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан* («Армии» рабочих мигрантов не способны ос-

тановить вымирание населения в России – Известия, 06.04.06); ***Рабочими руками Россию обеспечивают в основном бывшие республики СССР. Первое место делят украинцы и азербайджанцы. Каждая из этих стран «поставила» нам по 1 миллиону работников*** (Ручной кризис – АиФ, № 5, 31.01.08).

Метафорическая характеристика мигранта как импортируемой единицы является одной из самых распространенных в рамках экономической модели. Так же как в предыдущем слоте многие метафорические характеристики заключены в кавычки, ср.: *А на третьем месте... Китай, «экспортировавший» в Россию 800 тысяч своих граждан* (Ручной кризис – АиФ, № 5 (91), 31.01.08); *Из стран дальнего зарубежья безоговорочным лидером «поставщиков» гастарбайтеров остается Турция* (Базар станет рынком – РГ, № 4276, 24.01.07).

В целом, метафоры рассмотренного фрейма создают такие прагматические смыслы: мигрант в качестве *живого товара* может быть *куплен, продан*, причем не всегда легально, *заказан и доставлен*, чаще из таких *стран-экспортеров* как Китай, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Турция, Украина.

Таким образом, существование экономической метафорической модели, репрезентирующей миграцию в российских печатных СМИ, во-первых, отражает представление о приезжих из других стран как о значимом для экономики России факторе, поэтому миграция оценивается как *благо, богатство и ценность*; во-вторых, внимание акцентируется на том, что мигранты конкурентоспособны в силу своей неприхотливости и поэтому создают проблемы местному населению на рынке труда.

2.8. Зооморфная метафорическая модель

Человек осмыслял и структурировал окружающую действительность посредством образов животного мира всегда, о чем свидетельствует большое количество существующих в языке мифологических, фольклорных, литературных аллегорий и явных сравнений, связанных с зооморфизмом, ср.: *лиса* –

хитрость, заяц – трусость, свинья – неряшливость, непорядочность, осёл – глупость, сова – мудрость, ишак – трудоспособность; волк в овечьей шкуре, метать жемчуг перед свиньями, смотреть как баран на новые ворота, назойливый как муха, белая ворона, повторять как попугай и т.д.

В современном дискурсе о языке зооморфная метафора приобрела огромное значение. Особая ее важность подчеркивается исследователями отечественного и зарубежного политического дискурса, поскольку «использование лексики из понятийной сферы «Мир животных» для номинации политических деятелей и характеристики их действий и взглядов создает яркий экспрессивный эффект и является сильным средством выражения разнообразных, в том числе негативных, прагматических смыслов» [Ряпосова 2002: 107]. Так, зооморфная метафорическая модель, функционирующая в рамках политического дискурса разных стран, была подробно рассмотрена в монографиях А. П. Чудинова [2001, 2003], посвященных исследованию закономерностей моделирования образа современной России в зеркале когнитивной метафоры в политическом дискурсе 1991 – 2000 гг.; в диссертационном исследовании А. Б. Ряпосовой [2002], в рамках которого зооморфная метафорическая модель проанализирована в качестве одной из наиболее частотных и продуктивных моделей, обладающих агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы 1999–2000 гг.»; в диссертации Э. В. Будаева [2006] характеристика зооморфной модели дается в рамках российского и британского политического дискурса при осмыслении постсоветской действительности в России, Грузии и странах Балтии.

Кроме этого, использование зооморфных метафор было исследовано в дискурсе русской рок-поэзии [Шинкаренкова 2005]; мир животных рассмотрен как один из источников репрезентации базисных концептов педагогического дискурса [Кабаченко 2006]; в дискурсе российских и британских СМИ проведен анализ сферы-источника метафорической экспансии «Мир животных» в сферу-мишень «Шоу-бизнес» [Колтышева 2009].

В дискурсе российских печатных средств массовой информации о миграции зооморфная модель является низкочастотной (85 МЕ/ 1529 (5,5%)) и среднепродуктивной (3 фрейма/ 4 слота/ 2 подслота). На наш взгляд, данный факт имеет следующие причины.

Поскольку, с точки зрения когнитивного подхода к изучению языка, в основе метафоры лежит не прямое значение слова и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании носителя языка концепты, за каждым из которых закреплены стойкие ассоциации и культурные связи, то исходная понятийная сфера «Мир животных» имеет в обыденном сознании носителей языка свою структуру, где наименование любого животного содержит всеми однозначно понимаемый смысл. Последний актуализируется и нередко варьируется в зависимости от контекста. Ср.: *волк, тигр, лев* – хищники, аллегория угрозы, опасности (*рыскать волком; наброситься как тигр, лев*); *крыса, мышь* – грызуны, в зависимости от лексического окружения – аллегория всепроникаемости и быстрой самовоспроизводимости (*размножаться, плодиться как мыши, крысы*) или непорядочности, нечестности (жаргонное *быть крысой, мышью; мышить, крысить*) и другие образы животных. Именно данная закреплённость значений за образами конкретных животных позволяет расценивать многие зооморфизмы в качестве прямых характеристик объекта метафоризации. Зооморфные метафоры «направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета и обладают яркой пейоративной окраской» [Скляревская 1993: 91], и, по утверждению А. П. Чудинова, вообще «немногие зооморфные метафоры имеют позитивную эмоциональную окраску» [Чудинов 2001: 135]. Именно поэтому образное использование наименований многих животных для репрезентации миграции в СМИ является некорректным и напрямую оскорбляющим чувства и достоинство представителей других национальностей. Кроме того, использование названий животных в отношении людей с целью их дискриминации запрещено Декларацией Международной федерации журналистов о принципах поведения журналиста.

В текстах СМИ, посвященных миграции (2000 – 2010 гг.), нами обнаружено всего 85 зооморфных метафорических словоупотреблений. Значительная часть из них приводится лишь в качестве примеров из текстов нацистских организаций, негативных высказываний политических деятелей в адрес мигрантов и произведений художественной литературы явно националистского содержания. Это делается с целью показать агрессивность политиков, радикально настроенных писателей и граждан, а отнюдь не с целью дискредитировать и оскорбить самих иностранцев. Ср.: *В день выборов суд признал двух правых кандидатов виновными в разжигании расовой ненависти: они во всеуслышание заявили, что «иммигранты с другим цветом кожи плодятся как крысы»* (Отчуждение – Известия, 21.11.01); *В романе Эдуарда Багирова главный герой [гастарбайтер] бережно носит окурки до ближайшей урны... В благодарность зажавшиеся москвичи-мещане практически поголовно изъясняются монологами типа: «А на хрена ты сюда ехал вообще, говно?! Ты чего здесь забыл, тля? Чего тебе не жилось в твоём чурбанистане? Вы же, чурбаны, сами свободы захотели. Жрите теперь сою свободу! Только делайте это у себя, а не в Москве! Жаль, что не можем тебя на фонарный столб, гнида черномазая. Вас много, вы же как тараканы, никто жалеть не будет»»* (А вы говорите «понаехали!» – Газета.ru, 03.07.07); «Черные», «чурки», «косоглазые», «хачи», «чичи», «азеры», «звери» - такими словами выражают многие россияне славянской внешности и внутренней низости свое отношение к своим нынешним согражданам из республик Северного Кавказа. (...). Самое мягкое из того, что можно услышать, «черненькие» или «зверьки» (Черненькие и беленькие – Газета.ru, 16.07.09); *На Мухиной футболке надпись «Китабой». «Кит» – значит «китаец»* (Китайцы идут – Известия, 13.12.05) и мн.др.

В текстах СМИ, посвященных миграции, зооморфная метафорическая модель имеет следующую фреймо-слотовую структуру.

1. Фрейм «Состав царства животных»

В рамках рассматриваемого дискурса фрейм представлен метафорическим использованием наименований млекопитающих, птиц и рыб.

1.1. Слот «Собственно животные (млекопитающие)»

Образные определения посредством собственно животных получают, во-первых, мигранты; во-вторых, представители различных социальных групп постоянного населения страны и сама Россия. В соответствии с этим слот состоит из двух подслотов.

1.1.1. Подслот «Названия млекопитающих, образно представляющие мигрантов»

Здесь образное осмысление получают конкретные названия таких животных как *собака*, *баран* и *котенок*. Стоит отметить, что метафорическое словоупотребление *собака* и *баран* не принадлежат журналистам, это характеристики из высказываний самих мигрантов и речи одного политика (А. Кабанова).

Ср.: *Из рассказа одного из работающих на стройке мигранта: «Греются [гастарбайтеры] как могут: топят буржуйки, зажигают мощные прожекторы в маленьких помещениях (на них же часто готовится и завтрак), просто сбиваются в кучу, как собаки у метро»* (М. Кузнецов / Мигранты не хотят комфорта ни за какие деньги – Труд, № 008, 19.01.08); *ГУВД Свердловской области создали фильтрационную базу для гастарбайтеров. Президент фонда «Город без наркотиков» А. Кабанов: «Ведь какой-то концлагерь получается. Привезли, посчитали как баранов, денег собрали, а потом работать заставили – опять денег получили...»* (Архипелаг ТрудЛАГ – ВН, № 183, 07.10.04); *Мигранты выходят из поезда, беспомощные, как слепые котята, и тут же их подбирают «проводники»...* (Дайте «рабам» волю – РГ, № 3912, 28.10.05).

В последнем примере для того, чтобы вызвать у читателя чувство жалости к приезжим, используются эпитеты *беспомощный* и *слепой*, а сама зооморфная метафора *котята* имеет положительную коннотацию.

Также в рамках данного подслота метафорическое определение мигранта с помощью общих наименований млекопитающих *скот, животное* реализуется через употребление таких сложных слов как *скотобойня, зоопарк, мясокомбинат* и устойчивых словосочетаний *поголовный учет* и *общество защиты животных*.

Ср.: *Почему мы считаем наших вчерашних соотечественников безмозглым стадом, которое слепо идет туда, где его не ждут, да еще с риском угодить на **скотобойню**? (В. Постанин / Цунами невозможно сказать «Стой!» – НГ, № 102, 16.09.09); В ФМС считают, что в Москве сейчас куда острее стоит вопрос не **поголовного учета мигрантов**, а недостатка квоты на привлечение иностранной рабочей силы в 2008 году (Ю. Хомченко / Карточный городок – ВН, № 86, 20.05.08);*

Зачастую, те, кто выступает в защиту прав мигрантов, в погоне за максимальной степенью эмоционального воздействия на адресата, сами создают образ мигранта-животного, ср.: *И присоединили зоопарк к мясокомбинату: (...). В октябре 2001 года всю миграцию вдруг передали в ведение милиции (Л. Графова / Силовой прием – НГ, № 21, 24.03.05); Передавать миграцию в милицию – все равно, что присоединять общество защиты животных к мясокомбинату (Известия, 07.07.04).*

1.1.2. Подслот «Названия млекопитающих, образно представляющие постоянное население России»

Чиновники, занимающиеся проблемой миграции, образно именуется в дискурсе СМИ *хищниками*; члены молодежной политической организации «Молодая гвардия» – *волками*; а сама Россия, в устах простых китайских ремесленников, через актуализацию смыслов устойчивого образа «Россия – это медведь», получает характеристику *голый медведь*.

Ср.: *Не хотят, ясное дело, **хищники** отдавать свою многомиллиардную наживу. Как-то ухитряются они втихую, с ловкостью наперсточников просовывать в служебные инструкции такие тупики и ловушки, из которых без взятки мигрант не выберется (Л. Графова / В защиту «понаехавшим» -*

НГ, № 33, 01.03.09); *Уступив право первой ночи с Конституцией старшим товарищам, молодые кремлевские волки, щелкая челюстями от неутомимого либидо, решили патрулировать улицы в поисках нелегальных трудовых мигрантов* (М. Флорентьев / Мы вам перепокажем кузькину мать! – НГ, № 67, 26.06.09); *«Без нашей обуви и одежды Россия превратится в голого медведя, который замерзнет при первых же холодах», - недипломатично уточняют простые китайские ремесленники* (М. Мельников / Черкизовский рынок: последнее китайское предупреждение – АиФ, 24.07.09); *Известно же, что нелегальная трудовая миграция – Клондайк (...), и для вольготно пасущихся на этой ниве человеческого бесправия «правоохранителей»* (Л. Графова / В защиту «понаехавшим» – НГ, № 33, 01.04.09).

Таким образом, метафоры выделенного слота имеют негативный прагматический потенциал, направленный на то, чтобы вызвать порицательные чувства по отношению к *хищникам-чиновникам*, поставившим мигрантов в *нечеловеческие* условия, в то же время защитники прав мигрантов сами провоцируют восприятие адресатом приезжих в качестве *животных*.

1.2. Слот «Птицы и рыбы»

В текстах СМИ мы не встретили примеров прямой метафорической характеристики мигрантов названиями птиц, представление об иностранцах как о перелетных птицах создается посредством единичного употребления (всего 1 метафорическое словоупотребление) глагольного сочетания *лететь зимовать* – действия, совершаемого птицами.

Ср.: *Юрий Лужков (...) также пообещал отправить всех мигрантов лететь зимовать в «южные страны»* (Прокуроры решают жилищный вопрос – ВН, № 188, 08.10.03).

Представление мигрантов в образе рыб актуализируется в СМИ через использование лексем *улов, вылов, крючок*.

Ср.: *В среду сотрудники миграционной службы проверили сразу два городских рынка. «Улов», правда, был невелик* (К. Мельников / Грузная дюжина – ВН, № 60, 06.04.07); *Неофициально представители правоохранительных*

органов говорят, что незаконных мигрантов здесь может быть гораздо больше, так что сотрудников органов безопасности, без сомнений, ждет **новый улов** (Табор уводят в небо – ВН, № 118, 07.07.06); Однако совместные действия не сводятся только к **«вылову»** **попавшихся на крючок мигрантов** (Амнистия отменяется – РГ, № 4112, 07.07.06).

Таким образом, негативные смыслы возникают не через прямое использование названий животных для номинации мигрантов, а в рамках контекстов.

2. Фрейм «Объединения животных»

Источником метафорической экспансии в рассматриваемом фрейме послужили такие концепты, как *стая*, *стадо*, *популяция*.

Ср.: *Да и стаи шабашников* прилетели с юга в этом году за месяц до положенного срока (Легионеры из стройбата – Известия, 13.03.02); *Почему мы считаем наших вчерашних соотечественников безмозглым стадом, которое слепо идет туда, где его не ждут, да еще с риском угодить на скотобойню?* (В. Постанин / Цунами невозможно сказать «Стой!» – НГ, № 102, 16.09.09); *Однако самая большая «популяция» мигрантов в Москве – это граждане Китая и Вьетнама* (Не гонялся бы ты за дешевизной – РГ, № 3774, 20.05.05).

В указанных примерах в процессе метафоризации актуализируются семы, в которых содержатся отрицательные коннотации, дополняемые контекстом: *стаи шабашников*, *безмозглое стадо*. Само по себе слово *стая*, применительно к птицам, не нагружено отрицательными смыслами, звериная же *стая* – синоним жестокости, агрессии, силы, опасности и угрозы. *Стадо* традиционно ассоциируется у носителей языка с тупой и бессловесной покорностью.

3. Фрейм «Обращение с животными»

Метафоры данного фрейма представляют мигрантов в качестве животных, в отношении которых совершаются только действия агрессивного характера, поэтому фрейм состоит из одного слота.

3.1. Слот «Животные как объект агрессии»

В основе метафорических выражений лежат концепты, подразумевающие жестокое обращение с животными и тех, кто эти действия совершает: *отстреливать, ловить, ловушка, ловля, отлов, ловец, охотиться, охота, охотник, засада* и т.п.

Ср.: *Загнанные ненавистью и абсолютной безысходностью, мигранты действительно могут стать «ходячей взрывчаткой». Отстреливать мы их будем, что ли?* (Нужно легализовать мигрантов! – НГ, № 84, 13.11.08); *А у нас ловушки поджидают мигранта на каждом шагу* (В. Поставнин / Цунами невозможно сказать «Стой!» - НГ, № 102, 16.09.09); *ФМС, устроившая в минувшую субботу пробный отлов мигрантов на строительном рынке на Ярославском шоссе с помощью «охотников» на общественных началах, всего лишь возрождает славянские давние традиции (Ловцы человека – Газета.ru, 18.09.07); Засады на незаконных гастарбайтеров ФМС теперь устраивает вместе с дорожной инспекцией (Сезон охоты на мигрантов – Труд, № 141, 04.08.09); Появилось много молодых людей, которые выходят «на охоту» на иностранцев (Москва – рассадник «экстремизма» – Газета.ru, 14.03.08); Молодежное крыло «Единой России» начало бороться с нелегалами на вокзалах. (...). Например, поучаствовать в совместных с ФМС рейдах по отлову гастарбайтеров (К. Веретенникова / «Мне сказали, чтобы я всех к старшим посылал» – ВН, № 17, 20.01.09); Да если бы то же ДПНИ действительно намеревалось бороться с нелегальной миграцией, то не отлов мигрантов они бы устраивали совместно с ФМС (Л. Графова / Жертва или враг? – РГ, № 4788, 7.11.08).*

В одном из контекстов метафорически актуализируется устаревшее сейчас значение понятия *егерь* – «охотник-профессионал» (устар.) [Ожегов 1999: 185], ср.: *О том, что «охота» на людей не той национальности в стране, где перемешаны, переплетены, связаны общими судьбами, дружбами, кровными связями, религиозными святынями представители сотни национальностей, может обернуться трагедией – никто из высокопоставлен-*

ных *егерей* не думает и не хочет думать (*Ловцы человек* – Газета.ru, 18.09.07). Кроме этого, в указанном примере в качестве образного заголовка использован прецедентный феномен из Библии – трансформированная фраза Иисуса Христа «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человек» (Евангелие от Матфея 4: 19).

Метафорические словоупотребления, характеризующие в дискурсе отечественных СМИ действия, совершаемые в отношении мигрантов, пусть находящихся в стране на нелегальном положении, как *отстрел*, *травлю*, *охоту* или *ловлю*, создают образ жертвы и ее преследователей, чем акцентируют негативные стороны российской действительности: нетерпимое отношение к людям других национальностей, по-животному агрессивные способы борьбы с нелегальной миграцией, применяемые представителями законодательных и правоохранительных органов и политических организаций.

Таким образом, зооморфная метафорическая модель в дискурсе российских печатных СМИ о миграции 2000 – 2010 года, несмотря на среднюю степень продуктивности и невысокий уровень частотности, является одной из немногих метафорических моделей (наряду с фреймом «Рабство» криминальной модели), обладающей позитивным характером эмоционального воздействия на адресата: мигрант регулярно выступает в качестве загнанного зверя, на которого ведут охоту чиновники, политики, милиция, радикально настроенные организации и просто некоторые представители российского общества, а значит – приезжий заслуживает сочувствия. Целью журналистов, на наш взгляд в данном случае является не только и не столько формирование образа мигранта-животного в глазах российской общественности, сколько привлечение внимания постоянных жителей страны к беспределу и не вполне осмысленной политике в области миграции на территории РФ.

2.9. Морбиальная метафорическая модель

Метафоры со сферой-источником «Болезнь» и связанные с их использованием прагматические смыслы традиционно выделяются исследователями

политического дискурса (А. Н. Баранов, А. П. Чудинов, Ю. Н. Караулов, А. А. Каслова, Н. А. Красильникова, Э. В. Будаев и др.). Исследователи отмечают, что образы морбиальной метафоры «объединяются концептуальными векторами агрессивности и тревожности, в них отражаются безысходность, дурные предчувствия и вместе с тем душевная боль за состояние родной страны, ощущение собственного бессилия» [Чудинов 2003: 67]. Кроме этого, еще одним концептуальным вектором рассматриваемой метафоры является то, что болезнь – это ненормальное состояние организма, поэтому его необходимо подвергнуть лечению.

В отечественном дискурсе печатных СМИ о миграции актуализируются смыслы всех обозначенных векторов: тревожность и агрессивность связаны с представлением о миграции как о *головной боли*, ведущей к психическим расстройствам членов российского общества – *мигрантофобии* и *антимиграционной истерии*; вектор «лечения» и необходимости поправить здоровье организма направлен на осмысление *России как больного организма*, а привлечение мигрантов на территорию страны – как *лекарство от недомогания* (нехватки рабочих рук, демографических проблем) посредством *вливания свежей крови* (мигрантов).

В целом, морбиальная метафорическая модель в рассматриваемом нами дискурсе является низкочастотной (98 МЕ/ 1529 (6,4%)) и малопродуктивной (2 фрейма/ 3 слота), имеет следующую фреймо-слотовую структуру.

1. Фрейм «Симптомы болезни и диагноз»

Данный фрейм состоит из метафор, образно характеризующих миграцию как постоянную *головную боль* чиновников, призванных решать вопросы в области миграции, а также словоупотреблений, представляющих новые, не известные доселе науке нервные расстройства – *мигрантофобия*, *антитеррористический психоз* и *антимиграционная истерия*. Фрейм состоит из следующих слотов.

1.1. Слот «Симптомы болезни»

В реальной медицинской практике симптомы – это главные показатели для постановки диагноза. В дискурсе СМИ о миграции такими показателями выступают метафорически используемые семы *головная боль*, *температура тела*.

Ср: *Болтающиеся без дела, зарплаты и жилья приезжие – постоянная головная боль* как для столичной милиции, так и для других служб, призванных контролировать их пребывание (800 тысяч за нелегала – РГ, № 4252, 20.12.06); *Вчера премьер-министр М. Фрадков по большому счету измерил «общую температуру по больнице»*, собрав для этого на Краснопресненской набережной губернаторов на совещание по взаимодействию Центра с регионами для обсуждения проблем трудовой миграции. Оказалось, *температура не превышает норму и даже абсолютно близка к нормальной* (Е. Лашкина / Мигрантов отберут по балльной системе – РГ, № 4245, 12.12.06).

Для привлечения внимания аудитории к закрытию Черкизовского рынка и другим проблемам, которые повлекло это событие, используется метафора *гнойник*, вызывающая однозначно негативные ассоциации (место скопления, выделения гноя), ср.: *Вскрытый рыночный гнойник показал, что он лишь отражает внутренние болячки страны* (Н. Зятьков / «Проверка на Черкизон» – АиФ, № 31, 29.07.09).

1.2. Слот «Физические болезни»

Слот представлен единичным метафорически осмысленным словоупотреблением концепта *инфаркт*.

Ср.: *Образно говоря, Москва – это сердце России. И если сюда будет слишком большой приток крови [мигрантов], то можно заработать инфаркт* (Пусть к Абрамовичу на Чукотку едут, а въезд в Москву нежно сдерживать – Известия, 30.01.04).

В данном примере Москва образно представлена в виде *живого организма*, а мигранты – *избыточного притока крови*, а значит – в виде причины инфаркта, в результате которого организм либо погибает, либо нарушается работа некоторых органов.

1.3. Слот «Психические болезни»

Стоит отметить, что данный слот включает в себя самое большое количество метафорических единиц в рамках заданной модели (22 МЕ). По мнению СМИ, миграция вызывает у российского общества такие психические заболевания как: *суицидальные намерения, мигрантофобия, ксенофобия, истерия, психоз, истерика, различные виды синдромов (чеченский, таджикский)*.

Ср.: *Поэтому для политика, борющегося за власть, призывать к расширению приема мигрантов – это самоубийство* (Егор Гайдар: «Россия может стать Америкой XXI века» – Известия, 16.08.03); *А ученые из Института социологии РАН выяснили, откуда растут ноги у новой болезни – мигрантофобии* (И. Воронова / Пугливый брюнет в грязном ботинке – Труд, № 159, 31.08.06); *Один из любимейших советских фильмов лучше всяких деклараций и «принципов интернационализма» выполнял функцию лекарства от ксенофобии* (Л. Малюкова, Ю. Квасок, А. Муртазаев / Рецепт доктора Данелия – НГ, № 88, 20.11.06); *Рамзан Абдулатипов, только что вернувшийся из Таджикистана, где был послом России, с болью говорил о том, как пагубно влияет на взаимоотношения стран СНГ нагнетаемая антимиграционная истерия* (Л. Графова / В защиту «понаехавшим» – НГ, № 33, 01.03.09); (М. Мельников / *Таджикский синдром* «Газпрома» – АиФ, 23.10.09).

Часто миграция в СМИ служит причиной возникновения такой зависимости как наркомания (*сидеть на игле, передозировка*), ср.: *Не секрет, что уже много лет Москва «сидит» на мигрантах* (Гастарбайтеров отправят в резервацию – АиФ, № 31, 30.07.08); *Искусственное раздувание рынка труда вызовет обычную «передозировку», которая ничем хорошим кончиться не может. Если превысит критическую массу гастарбайтеров, то нарушится баланс трудовых ресурсов* (М. Петров / Москва не резиновая – Труд, № 016, 31.01.07).

Память о войне в Чечне выливается в такую форму психической аномалии как *чеченский синдром*, ср.: *Замдиректора информационно-*

аналитического центра «Сова», Г. Кожевникова: «Очевидная проблема – так называемый **чеченский синдром**. После посещения Чечни омовцы совершенно неадекватно реагируют на кавказцев» (А. Яковлев / У нацистов свои адвокаты и «кошельки» – НГ, № 24, 11.03.09).

Примечательно, что заболевания, вызываемые в российском обществе вопросами миграции, носят характер именно психических расстройств, фобий и зависимостей: в медицине болезни души связаны с человеческими страхами, комплексами, последствиями физических заболеваний. Так, в анализируемом дискурсе в качестве основной причины душевных расстройств общества можно обозначить боязнь постоянного населения России потерять свою территорию и утратить национальную идентичность, ср.: *Как только китайцы захотели вкладывать деньги в нашу экономику, тотчас началась истерика: мол, китайская угроза, Россия «окитаивается»* (Московский чайна-таун вырастет на Яузе – Известия, 14.06.07); *Владивосток – Китаю, Россию – на кладбище? В последнее время тема «русские», «русский народ» буквально не покидает первых строк рейтингов самых популярных записей в Рунете* (АиФ, 23.09.09).

Таким образом, метафоры рассмотренного фрейма объединяются концептуальными векторами тревожности и некоторой агрессивности, в которых отражаются болезненное состояние России-организма, вызванное проблемами миграции, и страх нашего общества перед большим количеством людей некоренных для России национальностей.

2. Фрейм «Пациент и способы его лечения»

Метафорическое осознание в рамках указанного фрейма получает Россия – *больной организм, пациент*, способ лечения которого один – *вливание, прилив, приток свежей, новой крови, донорская добавка, скорая помощь*, коими являются мигранты. В качестве *доноров* – страны исхода мигрантов, граждане которых являются наиболее актуальными для российской действительности: Украина, Узбекистан, Таджикистан, Китай, Киргизия.

Ср.: *Россия умрет без притока иммигрантов* (Понаехали бы тут – ВН, № 193, 18.10.05); *Наиболее лояльны к мигрантам жители Уральского федерального округа (35 %) и крупных городов с населением от 500 тысяч человек до 1 миллиона (27 %). Наибольшее одобрение процесс притока «свежей крови» вызывает у молодых людей (Чужих бояться – самим не выжить – Известия, 19.12.05); В результате пересмотра региональных потребностей «донорскую» добавку трудовых ресурсов российские территории получают уже в этом году (Коренная ошибка – ВН, № 182, 02.10.08); С другой стороны, динамично развивающиеся регионы, испытывающие острый недостаток рабочей силы, а также регионы с критической демографической ситуацией и крупные, но не перенаселенные города приветствуют вливание «свежей крови» (Т. Смольякова / Иностранец с серьезными намерениями – РГ, № 4240, 06.12.06).*

Известная защитница прав мигрантов Л. Графова для создания положительного образа приезжих метафорически использует сочетание *скорая помощь*, ср.: *Так сколько же еще доказывать, что именно мигранты могут сыграть роль «скорой помощи» для России?* (Л. Графова / Узкая национальная идея – НГ, № 87, 16.11.06).

Рассматриваемый фрейм составляют метафоры, обладающие позитивным прагматическим потенциалом, поскольку российской общественности доказывается, что мигранты способны помочь решить как минимум две проблемы России: во-первых, экономическую – привлечение иностранных трудовых ресурсов пополняет рынок труда; во-вторых, демографическую – в Россию из-за рубежа приезжают, в основном, мужчины репродуктивного возраста, что должно означать рост рождаемости в стране.

Таким образом, смыслы, возникающие в рамках морбиальной метафорической модели, представляющей миграцию в дискурсе СМИ 2000 – 2010 гг., можно обозначить как разнополюсные, разновекторные, так как, с одной стороны, миграция – источник проблем, приводящий к негативным последствиям, таким как ксенофобия и национализм (*мигрантофобия, антимигра-*

ционная истерия); с другой – мигранты могут быть средством решения некоторых вопросов российской действительности (экономических, демографических).

2.10. Физиологическая метафорическая модель

Человеку традиционно свойственно осмыслять и структурировать окружающую действительность, что называется, по своему образу и подобию: *рабочие руки, сердце России, муж – голова, а жена – шея, трудовая жила, утечка мозгов* и т.д. – посредством антропоморфной метафоры со сферой-источником «Анатомия и физиология». Антропоморфная метафора постоянно привлекает внимание исследователей различных типов дискурса: политического [Баранов, Караулов 1994; Феденева 1997; Чудинов 2001, 2003; Стрельников 2005; Будаев 2006 и др.]; педагогического [Кабаченко 2007]; рок-дискурса [Шинкаренкова 2006]; дискурса шоу-бизнеса [Колтышева 2009].

В отечественном дискурсе СМИ о миграции физиологические метафоры также оказались актуальными. В рамках обозначенного дискурса физиологическая метафорическая модель низкочастотна (54 МЕ/ 1529 (3,5%)) и малопродуктивна (2 фрейма/ 3 слота), что объясняется однозначностью возникающих смыслов и традиционностью для сферы миграции метафорических характеристик из сферы «Болезнь». Рассмотрим фреймо-слотовую структуру физиологической модели, репрезентирующую миграцию в дискурсе российских печатных СМИ 2000 – 2010 гг.

1. Фрейм «Тело человека»

1.1. Слот «Лицо»

Слот представлен различными метафорическими вариантами ставшего уже устойчивым сочетания «лицо какой-либо национальности»: *лицо южной национальности, лицо кавказской национальности*. Данные сочетания уже не

воспринимаются большинством как нагруженные отрицательными смыслами, их, скорее можно охарактеризовать как нейтральные.

Ср.: *Хочу высказаться в поддержку брюнетов, смуглых, короче, лиц южных национальностей, которых так неприветливо встречает Москва.* (Г. Творогова / **«Лицо» всегда уступит место** – Известия, 10.02.04); *События в Чечне вызвали волну негативного отношения ко всем мигрантам из республик Северного Кавказа. Это отношение во многом формировалось СМИ и местными органами власти, которые используют постыдный термин «лицо кавказской национальности»* (М. Умаров / *Кипящий котел* – ВН, № 203, 03.11.06).

Отрицательные смыслы возникают на уровне контекста через использование оценочных эпитетов *неправильный* и заменой компонента *национальность* в сочетании, ставшем уже устойчивым (*лицо такой-то национальности*), на другое понятие – *наружность*, ср.: *Все думают, что по улицам наших городов ходят толпы скинхедов, которые убивают лиц азиатской наружности* (В. Цепляев / *Без содружества как без рук* – АиФ, 08.07.09); *...это замечательный способ увеличить поборы, взятки и прочие неформальные «пени и штрафы», взимаемые с лиц неправильных национальностей гаишниками, паспортистками, тружениками домоуправлений* (Философия стабильности – Известия, 18.02.04).

Зачастую в СМИ сочетание «лицо определенной национальности» трансформируется до однословного наименования части тела – *лицо*, ср.: *Во первых, они доброжелательнее наших Я, женщина преклонного возраста, в общественном транспорте норовлю встать около такого «лица», оно почти наверняка тут же уступит место* (Г. Творогова / **«Лицо» всегда уступит место** – Известия, 10.02.04); В России откроются специальные центры для мигрантов, высылаемых из Евросоюза (*Перемещение лиц* – РГ, № 5048, 26.11.09).

Кроме этого, в СМИ образно реализуется понимание концепта *лицо* как отличительной черты, индивидуального облика чего-либо.

Ср.: *Куда теперь денутся вьетнамцы и прочие иностранцы, занимавшие немало торговых мест на Центральном рынке города Кирова, неизвестно. До последнего времени они являлись «лицом» рынка, хотя и весьма своеобразным* (А. Андреев, М. Волкова / Базар станет рынком – РГ, № 4276, 24.01.07); *Лицо национальности. Общество в целом оказалось не готово к притоку мигрантов, которые хлынули в последние годы в Россию, а внутри страны стали особенно заметными в регионах, населенных до того исключительно или преимущественно людьми славянской внешности* (Известия, 03.10.01); *Причем темпы освоения ими [мигрантами] столицы таковы, что ученые заговорили об изменении этнического лица города (Москве грозит развалиться на «чайна-тауны» и гетто – Известия, 17.06.02).*

1.2. Слот «Руки»

Метафорическое сочетание «рабочие руки» является устойчивым и прочно закрепившимся в русском языковом сознании за трудовыми ресурсами. Данная поговорка представлена практически в каждом втором тексте, посвященном миграции, поскольку миграция в Россию, прежде всего, является именно трудовой. Метафорические же рабочие руки в рамках рассматриваемого дискурса могут быть *золотыми, лишними, нужными, лишними нужными*, их можно *укоротить* (сократить квоту на привлечение иностранцев), *распустить* (освободить трудовых мигрантов от работы), использовать в своих целях – *сделать чужими руками*.

Ср.: *Например, с Таджикистаном и Киргизией Москва уже договорилась об организованном наборе «золотых рук»* (И. Пуля / Ты русский бы выучил – РГ, № 4702, 09.07.08); *Словом, руки мигрантов – они вроде бы лишние, но при этом и нужные* (В. Выжурович / Лишние нужные руки – РГ, № 4950); *Иностранцы рабочие руки станут короче* (Т. Смольянова – РГ, № 3369, 19.12.03); *Местные кадры не спешат занять высвободившиеся рабочие места гастарбайтеров (Распускают руки – РГ, № 735, 19.01.10); Что делать, если вы решили построить дачу руками мигрантов?* (И. Пуля, О. Игнатова – РГ, № 4436, 10.08.07).

Примечательно, что две части человеческого тела в дискурсе СМИ о мигрантах метафорически оцениваются по-разному: метафоры *лица* характеризуют мигрантов как представителей определенных национальностей, чаще всего – в негативном ключе; напротив, метафоры *рук* в контексте репрезентирует миграцию как важную часть экономики России, ведь без них наша страна как без рук.

2. Фрейм «Физиологические действия»

Метафорические образы, создаваемые в рамках данного фрейма, описывают процесс миграции посредством обращения к физиологическим действиям, присущим организму, основное из которых – питание, где *организм* – это Россия, ее отдельные регионы и города, а *пища* – мигранты.

1.2. Слот «Питание и пищеварение»

Мигранты *утоляют*, в первую очередь, *кадровый голод* России.

Ср.: *Самым «голодным» оказался Уральский федеральный округ. Поглотив заранее заказанных 130 тысяч гастарбайтеров, он потребовал для себя еще 135 тысяч* (Мигрант у загашника – РГ, № 4696, 01.07.08); *Однако большинство отраслей утоляют кадровый голод за счет мигрантов* (Москва провалила рабочие кадры – Газета.ru, 10.09.08); *Уже о прошествии пяти месяцев года, исчерпав лимит в 300 тысяч разрешений на работу, столица запросила «добавку» и получила право трудоустроить еще 59 тысяч гастарбайтеров* (Коренная ошибка – ВН, № 182, 02.10.08); *А вот столица больше 500 человек «переварить» уже не может, что неудивительно* (Иностранец с серьезными намерениями... просит разрешение на временное проживание – РГ, № 4240, 06.12.06); *Что нам поможет «переварить» поток мигрантов без негативных последствий и социальных взрывов?* (Известия, 15.06.06).

Как физическому организму необходимо питание для поддержания сил, так мигранты необходимы России для того, чтобы она *не погибла от кадрового голода*.

Таким образом, физиологическая метафорическая модель имеет следующий прагматический потенциал: в России не хватает трудовых ресурсов, которые способны восполнить трудовые мигранты, более того – они необходимы стране для нормального функционирования некоторых сфер экономики, поэтому метафоры со сферой источником «Человеческий организм» чаще всего имеют положительные коннотации.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

На основе анализа рассмотренных материалов можно сделать следующие выводы о функционировании метафорических моделей, представляющих миграцию в дискурсе российских печатных СМИ 2000 – 2010 гг.

1. Дискурс СМИ – это особый вид дискурса, наделенный всеми признаками институциональности, основная функция языка в котором (а следовательно и используемых в нем метафорических словоупотреблений) – прагматическая. В рамках представленной работы дискурс СМИ понимается как совокупность текстов, обусловленная воздействием тех или иных социальных и культурных факторов; передача когнитивного содержания, вкладываемого адресантом, адресату через текст в его языковой реализации и заложенных в нем определенных стратегий подачи информации.

2. Миграция – явление социальное, затрагивающее интересы всех жителей России, поэтому широко освещающееся в СМИ. Метафоры, используемые авторами медийных текстов для представления миграции, составляют метафорические модели, которые служат показателями специфики дискурса российских печатных СМИ о миграции. Дискурсивный анализ позволяет проследить степень воздействия экстралингвистических факторов на функционирование метафорических моделей.

3. Специфика отечественного медийного дискурса о миграции заключается в его этнизации, милитаризации и криминализации, создаваемых посредством метафор с негативным прагматическим потенциалом, следствием

чего является конструирование, зачастую искусственно и необоснованно, негативного образа мигранта.

4. В российском печатном дискурсе СМИ о миграции регулярно функционируют восемь доминантных метафорических моделей: военная, криминальная, этническая, гидронимная, экономическая, зооморфная, морбиальная и физиологическая. Стоит отметить, что данная классификация отличается от классификации основных разрядов концептуальных метафор, предложенной А. П. Чудиновым [Чудинов 2001: 51-52] и уже ставшей традиционной при систематизации метафорических единиц в различных видах дискурса [Ряпосова 2002, Стрельников 2005, Будаев 2006, Шинкаренкова 2006, Колтышева 2009 и др.]. Из социальной сферы для рассматриваемого дискурса оказались неактуальными такие понятийные области, как «Театр», «Игра и спорт», сфера социума в рамках анализируемого в настоящем диссертационном исследовании дискурса пополнилась экономической и этнической метафорическими моделями. В число доминантных метафорических моделей в дискурсе СМИ не вошли антропоморфные метафоры с исходными понятийными сферами «Секс» и «Семья». Источниками метафорической экспансии в метафорах природы послужили понятийные сферы «Животный мир» – зоологическая модель – и «Неживая природа» – гидронимная модель; не рассматривалась нами в силу низкой частотности и непродуктивности метафоры с понятийной областью «Мир растений». Также единичными для исследуемого дискурса оказались понятийные области артефактной метафоры: в процессе предпринятого нами анализа они вошли в экономическую метафорическую модель.

5. Наиболее актуальными для рассматриваемого дискурса и, следовательно, продуктивными и высокочастотными являются *военная* (378 МЕ/ 1529 (24,7%); 6 фреймов/ 7 слотов), *криминальная* (264 МЕ/ 1529 (17,3%); 5 фреймов/ 4 подфрейма/ 13 слотов), *этническая* (235 МЕ/ 1529 (15,4%); 4 фрейма) и *гидронимная* (252 МЕ/ 1529 (16,5%); 4 фрейма/ 8 слотов) метафорические модели. Схожие результаты представлены в зарубежных исследо-

ваниях, посвященных метафорическому моделированию миграции в СМИ (Е. Эль Рефайе, И. ван дер Валк, О. Санта Ана, Дж. О'Брайен и др.).

Среднечастотная метафорическая модель – *экономическая* (163 МЕ/ 1529 (10,6%); 2 фрейма/ 7 слотов) – наряду с *зооморфной* (85 МЕ/ 1529 (5,5%); 3 фрейма/ 4 слота/ 2 подслота) – оказавшаяся также среднепродуктивной. Несмотря на относительную структурированность, *зооморфная* модель в рамках рассматриваемого дискурса нечастотна. Малопродуктивными и нечастотными являются *морбиальная* (98 МЕ/ 1529 (6,4%); 2 фрейма/ 3 слота) и *физиологическая* (54 МЕ/ 1529 (3,5%); 2 фрейма/ 3 слота) метафорические модели.

6. Образы *милитарной* метафорической модели объединяются концептуальными векторами тревожности и агрессивности, в них недвусмысленно отражается беспокойство за Россию: миграция в целом репрезентируется как *угроза, армия вторжения*, сам мигрант – как *внешний враг*, с которым необходимо бороться всеми способами.

7. Метафоры *криминальной* модели имеют два полюса оценки явления миграции. С одной стороны, с помощью «криминальной» метафорики образно осмысляются чиновники, милиционеры, работодатели, рядовые граждане российского общества, по мнению СМИ, объединяющиеся в преступные сообщества с целью совершения в отношении мигрантов действий криминального характера. С другой стороны, посредством использования метафорических словоупотреблений со сферой-источником «Криминал» создается устойчивый образ *этнического криминала, мигранта-преступника*. Кроме этого, на уровне метафор, относящихся к фрейму «Рабство», реализуется положительный характер эмоционального воздействия на потенциального адресата, так как образ *мигранта-раба* призван привлечь внимание общественности к систематическому ущемлению прав приезжих.

8. Возможный прагматический потенциал *этнической* метафорической модели таков: акцентирование в СМИ внимания на представителях некоторых национальностей (таджиков, азербайджанцев, грузин, китайцев и др.)

отрицательным образом воздействует на российскую аудиторию – возникает неприязнь к людям *неправильной внешности, обладателям неславянского имени, носителям чужеродной культуры*. Образы оценки миграции, возникающие как на уровне контекстов, так и на уровне отдельных лексем, – со знаком «минус» для мигрантов. Представление в СМИ мигранта в качестве ЧУЖОГО априори ставит приезжих в позицию «врага», угрожающего национальной идентичности «титულიной нации».

9. В рамках *гидронимной* метафорической модели миграция представляется через посредство ставшего уже традиционным для ее описания образа водной стихии. Для данной модели характерно преобладание негативного прагматического потенциала в составляющих ее контекстах. Концептуальные векторы тревожности, опасности, непредсказуемости и неуправляемости процесса миграции пронизывают рассмотренные примеры метафорических выражений.

10. Образы, возникающие на уровне *экономической* метафорической модели, создают неоднозначные смыслы: во-первых, миграция репрезентируется в СМИ как положительный фактор влияния на экономику России; во-вторых, обладая некоторыми преимуществами перед постоянными жителями страны, мигранты создают конкуренцию на рынке труда, что негативным образом сказывается на восприятии их россиянами; наконец, сам факт того, что мигрант метафорически представляется в дискурсе средств массовой информации в виде *товара*, дискриминирует иностранцев в глазах общественности, лишняя раз предоставляя ей возможность относиться к приезжим как к *неодушевленным предметам*.

11. *Зооморфная* метафорическая модель, вопреки нашим первоначальным предположениям, практически не включает в себя буквальных наименований мигрантов по названиям животных и, в целом, обладает позитивным характером эмоционального воздействия на адресата, поскольку мигрант в дискурсе печатных СМИ регулярно предстает в образе *зверя*, загнанного

охотниками-чиновниками (милицией/ нацистами/ постоянным населением России).

12. Антропоморфные метафоры, представленные в дискурсе СМИ о миграции *морбиальной* и *физиологической* метафорическими моделями, выявляют следующие смыслы: с одной стороны, Россия – это *организм*, жизненные силы которого поддерживают мигранты, метафорически осмысляемые как *пища*, *руки*, *донорская кровь* и *скорая помощь*; с другой стороны, миграция является причиной появления психических заболеваний членов российского общества (*ксенофобия*, *мигрантофобия*, *антимиграционная истерия*). В целом, метафоры морбиальной и физиологической моделей не нагружены негативными коннотациями, так как миграция репрезентируется в качестве важного элемента для некоторых сфер российской действительности.

В целом, анализ языкового материала показал, что в российском печатном дискурсе СМИ (2000 – 2010 гг.) складывается неоднозначный метафорический образ миграции. В большей степени оказываются востребованными конфликтные, агрессивно воздействующие метафоры войны, криминала и водной стихии, являющиеся, по сути, «метафорами, которыми мы дискриминируем» [Рефайе 2001: 352] представителей некоторых национальностей. Важно отметить, что в отечественном дискурсе СМИ, правда, не столь частотными и продуктивными как метафоры агрессии, угрозы и вражды, являются актуальными метафорические образы миграции с позитивным прагматическим потенциалом, создаваемые в рамках фрейма «Рабство» (криминальная модель), а также зооморфной, физиологической и морбиальной метафорических моделей.

Глава 3. Метафорическое моделирование миграции по материалам свободного ассоциативного эксперимента

Цель данной главы – на основе данных свободного ассоциативного эксперимента дать характеристику образа миграции, существующего в языковом сознании россиян.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

1) рассмотреть теоретические основы свободного ассоциативного эксперимента, методику его проведения и способы обработки данных, полученных в результате эксперимента;

2) систематизировать полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента данные и охарактеризовать ассоциативные смыслы, составляющие ядерный и периферийный уровни полученной модели;

3) описать коннотативный потенциал полученных реакций с целью выявления позитивного, негативного или нейтрального/ равнодушного/ терпимого отношения россиян к мигрантам;

4) охарактеризовать специфику метафорического моделирования миграции в данных свободного ассоциативного эксперимента (частотность, продуктивность, коннотативный потенциал);

5) сопоставить полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента результаты с регулярно функционирующими в дискурсе СМИ метафорическими моделями, репрезентирующими миграцию, с целью выявления специфики и степени влияния современных средств массовой информации на восприятие фактов окружающей действительности, в частности – явления миграции.

3.1. Свободный ассоциативный эксперимент как способ исследования языкового сознания

Как указывает А. А. Леонтьев, любой эксперимент направлен на то, чтобы поставить испытуемого в ситуацию «управляемого выбора», хотя вы-

бор и решение могут быть и неосознаваемыми [Леонтьев 1969: 139]. Вопрос о необходимости экспериментальных исследований в лингвистике впервые поставил в 30-х гг. прошедшего столетия Л. В. Щерба [Щерба 1965]. Им были разработаны теоретические основы теории лингвистического эксперимента.

Л. В. Щерба выделял следующие виды лингвистического эксперимента:

1. положительный, при котором, сделав предположение о смысле того или иного слова или о правиле словообразования, следует попробовать, можно ли составить ряд фраз, применяя это правило: положительный результат в этом случае подтвердит правильность выдвинутого предположения (так, сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной его формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования, следует попробовать, можно ли связать ряд разнообразных форм, применяя это правило);

2. отрицательный эксперимент, в ходе которого исследователем «создается» заведомо неправильное высказывание, а испытуемый должен найти ошибку и внести соответствующие коррективы;

3. альтернативный эксперимент, который заключается в том, что испытуемый определяет тождество или нетождество предлагаемых ему двух или нескольких фрагментов речевых высказываний (отрезков текста) [Щерба 1965].

В целях экспериментального исследования субъективных семантических полей слов, формируемых и функционирующих в сознании человека, а также характера семантических связей слов внутри семантического поля в психолингвистике используется метод ассоциативного эксперимента. Психологический механизм процессов, лежащих в основе ассоциаций, был исследован К. Юнгом, М. Вертгеймером, Д. Кляйном, А. Р. Лурией, А. Н. Леонтьевым, В. Ф. Петренко и многими другими учеными.

Авторами методики ассоциативного эксперимента в практической психологии принято считать Х. Г. Кента и А. Дж. Розанова (1910). В отечественной психологии и психолингвистике методика ассоциативного эксперимента была усовершенствована в экспериментальных исследованиях А. Р. Лурии и О. С. Виноградовой. В настоящее время ассоциативный эксперимент является одной из наиболее востребованных и разработанных техник психолингвистики. Теорией и методикой его проведения занимаются такие ученые как В. П. Глухов, Т. А. Гридина, Е. И. Горошко, А. А. Залевская, Ю. Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др.

Термин «ассоциативный эксперимент» восходит к латинскому сочетанию *association* – соединение и *experimentum* – опыт. По утверждению Е. И. Горошко, «ассоциативный эксперимент – это прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте» [Горошко 2001: [http](#)].

Обычно различают три вида ассоциативных экспериментов:

1) свободный, в котором испытуемому предлагают ответить словом – R, первым пришедшим в голову при предъявлении слова – S, ничем не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слова – R;

2) направленный, в котором экспериментатор некоторым образом ограничивает выбор предполагаемой R, накладывая определенные ограничения (например, отвечать только существительными и т.д.);

3) цепной, в котором испытуемому предлагают ответить любым количеством слов – R_i, первым пришедшим в голову при предъявлении слова – S, ничем не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слов [Горошко 2001: [http](#)].

В ходе данного исследования нас, в первую очередь, будет интересовать свободный ассоциативный эксперимент (САЭ). Считается, что на ассоциации, полученные в САЭ, влияют два фактора: «лингвистический», т.е. определенные характеристики самого стимульного слова, и «прагматический», т.е. влияние личности самого испытуемого [САНРЯ 1977: 7]. Кроме этого,

само ассоциирование – процесс двойственный, поскольку, «с одной стороны, ассоциируя, индивид воспроизводит личностный опыт, с другой – повторяющийся типичный, т.е. языковой и социальный опыт» [Паутова 2007: 150]. Следовательно, на основе ассоциаций, возникающих у субъекта, можно говорить не только об индивидуальных особенностях восприятия действительности, но и целой общности людей.

На основе ассоциативных экспериментов в прикладной психолингвистике созданы специальные «словари ассоциативных норм» (типичных, «нормативных» ассоциативных реакций). В отечественной психолингвистике первый такой словарь («Словарь ассоциативных норм русского языка») был составлен авторским коллективом под руководством А. А. Леонтьева [Леонтьев и др. 1977]. В настоящее время наиболее полным словарем является «Русский ассоциативный словарь» в двух томах, составителями которого являются Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева и др. [РАС 2002]. Словарь создан по результатам массового эксперимента, суть которого состояла в следующем: авторы включили в анкеты слова-стимулы и предложили испытуемым (11 тысяч студентов 1-3-х курсов) записать рядом с каждым стимулом порожденную им ассоциативную реакцию. РАС содержит около 1300 слов-стимулов (в «обиходно-бытовой» речи, в живом разговорном общении употребляется 2,5 – 3 тыс. слов). В качестве типичных словесных реакций в нем представлено около тринадцати тысяч разных слов; всего же в словаре приведено свыше миллиона словесных реакций.

Существует множество методик интерпретации данных, полученных в ходе САЭ. Одна из них – выделение синтагматических и парадигматических ассоциаций. Синтагматическими называются ассоциации, грамматический класс которых отличается от грамматического класса слова-стимула и которые всегда выражают предикативные отношения, например: небо – голубое, дерево – растет, машина – едет, курить – вредно. Парадигматические ассоциации – это слова-реакции того же грамматического класса, что и слова-стимулы: стол – стул, мать – отец. По словам В. П. Глухова, последний тип

ассоциаций «подчиняется семантическому принципу «минимального контраста», согласно которому чем меньше отличаются слова-стимулы от слов-реакций по составу семантических компонентов, тем более высока вероятность актуализации слова-реакции в ассоциативном процессе. Этот принцип объясняет, почему по характеру ассоциаций можно восстановить семантический состав слова-стимула: целый ряд ассоциаций, возникших у испытуемого на данное слово, содержит ряд признаков, аналогичных тем, которые содержатся в слове-стимуле (например: летние, лето, начались, отдых, скоро, ура, безделье, школа, лагерь отдыха). По этим словесным реакциям можно достаточно легко восстанавливать слово-стимул (в данном случае – слово каникулы)» [Глухов 2005: <http>].

Кроме этого, среди реакций на слова-стимулы в психолингвистике выделяют также отображающие родо-видовые отношения (береза – дерево, лето – время года); «звуковые» ассоциации, имеющие фонетическое сходство со стимулом (моль – роль, море – горе); реакции, отображающие функциональные и ситуационные связи обозначаемых предметов (учитель – школа, ученики); «клишированные», восстанавливающие «речевые клише» (жираф – большой, ему видней; звезда – по имени Солнце); социально-маркированные (мужчина – защитник, муж, отец); личностно-ситуативные (любовь – Дима, друг – Коля) и др.

В ходе анализа реакций на слово-стимул «мигрант» мы использовали метод количественной обработки данных и их семантического описания, поскольку выявление ядра, зон ближней, дальней и крайней периферий позволяют определить составляющие образа *миграции* в языковом сознании россиян. Языковое сознание, вслед за Е. Ф. Тарасовым, мы определяем «как образы сознания, представляемые языковыми средствами (отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами) как знания, формируемые самими субъектами преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных данных, полу-

ченных от органов чувств в предметной деятельности» [Е. Ф. Тарасов 1998: 30 – 34]. Языковое сознание детерминировано этнически и социально. Это положение позволяет утверждать, что ассоциативно-вербальная сеть, полученная в массовом эксперименте, «представляет собой экстралингвистическую информацию, запечатленную в словах, словосочетаниях, целых высказываниях и суждениях, называющих и характеризующих предметы и явления текущей жизни носителей, их повседневного взаимодействия и общения, реалии окружающей их действительности. Среди этого разнородного множества есть факторы переменные, сиюминутные, навеянные актуальным состоянием дел в политике, общественной жизни, искусстве, быте, моде, и есть феномены относительно долговременные, постоянные, связанные со страноведческими особенностями русской жизни, чертами национального характера, историей народа и мира» [РАС 2002: 755].

Кроме того, «ассоциативная связь фиксирует устанавливаемые человеческим сознанием закономерные отношения между предметами и явлениями внеязыковой действительности, что находит отражение в языке, представляемой им «картине мира»» [Гридина 1996: 36]. Таким образом, свободный ассоциативный эксперимент открывает доступ к языковому сознанию россиян, обусловленному внеязыковыми факторами окружающей действительности.

3.2. Структура и содержание понятия «мигрант» по данным САЭ

Необходимо отметить, что в Русском ассоциативном словаре, составленном Ю. Н. Карауловым, Г. А. Черкасовой, Н. В. Уфимцевой, Ю. А. Сорокиным, Е. Ф. Тарасовым, в качестве слова-стимула не использовались такие понятия как «миграция» и «мигрант». Не представлены соответствующие сведения и в других рассмотренных нами публикациях.

В данном параграфе представлен статистический и семантический анализ данных САЭ, проведенного в 2007 – 2010 гг. с российским респондентами. Эксперимент проводился в городе Екатеринбург. В качестве информан-

тов выступили 609 студентов 1 – 3 курсов ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» в возрасте от 17 до 22 лет. Материалом эксперимента, проведенного методом анонимного письменного опроса, явились списки из 10 слов-стимулов, в ряду которых была лексема *мигрант*. Остальные слова – *весна, космонавт, жираф, любовь, шкаф, учитель, окно, дерево, дом* – были включены в один список с интересующим нас стимулом *мигрант* в случайном порядке. Это было сделано с целью создания эффекта незаинтересованности интервьюеров в реакциях на какой-то один определенный стимул, а также для исключения ограниченности семантической направленности ассоциаций реципиентов, возникающей при предъявлении одного слова-стимула или нескольких из одного смыслового гнезда. В ходе обработки данных эксперимента нами анализировались только реакции на стимул *мигрант*. Задание формулировалось следующим образом: «Напротив каждого слова напишите только одну, первую пришедшую на ум ассоциацию». Образец анкеты для участников эксперимента представлен в *Приложении 1*.

Ассоциативное поле понятия «мигрант» выстраивается с учетом количества полученных реакций. Наибольшее число реакций – ядро ассоциативного поля, затем по степени убывания индекса частотности выделяется ближняя и дальняя периферия. Зона крайней периферии представлена индивидуальными ассоциациями. Для нас принципиально важна та мысль, что «ассоциативное поле – это не просто фрагмент вербальной памяти (знаний) человека, фрагмент системы семантических и грамматических отношений, но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок русских» [РАС 2002: 6]. По словам авторов-составителей Русского ассоциативного словаря, представленный словарь – «мощный инструмент социологического и социально-психологического исследования, позволяющий судить о ментальном климате, характерном для наших испытуемых, сопряженном, конечно, с широким социально-психологическим контекстом, окружающим их, о возможных изменениях (положительных или отрицательных), продиктованных существующими оценками себя и окружающих, а также о возможном отношении к

вещному миру, предопределяемом сегодняшними установками» [РАС 2002: 7 – 8]. Это утверждение справедливо, на наш взгляд, и относительно ассоциативного поля, выстраиваемого респондентами вокруг одного понятия.

На основе анализа метафор, представляющих миграцию в СМИ, был выявлен реестр метафорических моделей, содержание которых представлено оценочными характеристиками как самого процесса миграции, так и субъектов миграции – мигрантов. Основная лексическая единица, в которой заключаются общие представления о миграции, это «мигрант». Считаем, что данный лексический стимул является главным репрезентантом оценочных представлений о миграции, закрепленных в обыденном языковом сознании.

Таким образом, **гипотезой эксперимента** исследования является предположение, согласно которому в реакциях респондентов на стимул «мигрант» должны проявиться типические и индивидуальные представления носителей современного русского языка о метафорическом образе мигранта.

Кроме этого, нам представляется важным оценить также коннотативный потенциал реакций, возникших у респондентов на слово-стимул «мигрант».

Таким образом, анализ ассоциаций, возникших у испытуемых на понятие «мигрант», будет осуществляться в двух аспектах:

1. Анализ ассоциативного поля с целью выделения ядра, зон ближней и дальней периферии, как показателей культурно-первичных ассоциаций, а значит – закрепленной универсальной модели понятия *мигрант* в языковом сознании россиян.

2. Анализ коннотативного потенциала каждой реакции, в том числе составляющих зону крайней периферии, с целью выявления характера оценки возникающих смыслов: каждая реакция на слово-стимул *мигрант* будет оценена нами как обладающая положительной или отрицательной коннотациями либо являющаяся нейтральной номинацией, то есть не содержащей положительной или отрицательной оценок. Это позволит условно определить отно-

шение респондентов к мигрантам как позитивное, нейтральное/равнодушное/терпимое или негативное.

Составляющие ассоциативного поля понятия «мигрант» отражены в *Приложении 2*. Все 609 реакций, полученных на слово-стимул «мигрант», представляют собой ассоциативное поле, где ядро составляет наиболее частотная реакция *перелетные птицы* – 65 реакций (10,7 %); в зону ближней периферии вошли одинаковые реакции, полученные от 30 до 10 опрашиваемых – 159 единиц (26%); дальняя периферия состоит из повторяющихся ассоциаций, данных от 10 до 2 человек – 222 единицы (36,5%); зона крайней периферии содержит 163 единичные реакции (26,8%).

Как уже было отмечено ранее, именно на основе ассоциаций, составляющих ядро, зоны ближней и дальней периферии можно сделать вывод о том, каков образ мигранта в сознании россиян. В рамках данного диссертационного исследования для нас является принципиальной классификация полученных реакций по трем группам: во-первых, R – носитель признака с положительной коннотацией; во-вторых, R – носитель признака с отрицательной оценкой; в-третьих, R – носитель нейтрально оцениваемого признака. Таким образом, преобладание реакций, входящих в одну из трех групп, свидетельствует о позитивном, негативном и нейтральном/равнодушном отношении к явлению миграции соответственно.

Ядро представлено словосочетанием *перелетные птицы*, не нагруженным отрицательными коннотациями, реализуется закрепленное в сознании носителей языка значение «птицы, совершающие перелеты, перелет» [Ожегов 1999: 506]. В основу метафорического переноса положено представление о том, что мигрант – это «человек, который иммигрировал куда-нибудь» [Там же: 245], т.е. совершил перемещение.

В зону ближней периферии вошли следующие наименования мигрантов: *человек* (33), *гастарбайтер* (29), *тараканы* (21), *беженец* (18), *иностранец* (17), *таджик* (15), *приезжий* (14), *хачик* (12).

В номинации *человек* выражен нейтральный носитель понятия, подчеркивание того, что мигранты – такие же люди, как и постоянное население РФ. Причем в анкетах трех респондентов после реакции «человек» в скобках указывалось, что «они такие же точно люди, как и мы». То есть, мигранты осознаются носителями языка как «живые существа, обладающие даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда» [Ожегов 1999: 879].

Использование популяризированного СМИ жаргонного слова *гастарбайтер* обусловлено, на наш взгляд, его закрепленностью в сознании жителей России в качестве вполне нейтрального синонима к понятию «мигрант». Ср.: «*гастарбáйтер* (нем. *Gastarbeiter* дословно: гостящий работник (нем. *Gast* + *Arbeiter*) = гость+рабочий) – жаргонизм, обозначающий иностранца, работающего по временному найму на низкооплачиваемой работе (напр. грузчики, разнорабочие, уборщики и пр.)» [<http://ru.wikipedia.org/wiki>]. Слово заимствовано в конце 1990-х из немецкого языка. Лексема «гастарбайтер» не нагружена отрицательными смыслами.

В зооморфном метафорическом определении мигранта как *таракана* содержится крайне отрицательная оценка: таракан – «прямокрылое всеядное насекомое, вредитель в хозяйстве» [Там же: 789]; в основу метафорического переноса положена животная способность размножаться с большой скоростью (ср.: «плодиться как тараканы») и заполнять пространство, а также чувство отвращения, возникающее при виде этих насекомых.

Появление частотной ассоциации *беженец* связано с осознанием носителей языка одной из главных причин миграции людей из одной страны в другую: беженец – «человек, оставивший свое место жительства вследствие какого-нибудь бедствия» [Там же: 39]. Вынужденное переселение людей и осознание этого респондентами позволяет нам расценивать данную реакцию как обладающую положительной коннотацией.

Нейтральные номинации *иностранец* и *приезжий* носят констатирующий характер: иностранец – «гражданин какой-нибудь страны по отношению

к другой стране» [Ожегов: 248] и приезжий – «приехавший откуда-нибудь, не здешний» [Там же: 590]. Данные номинации являются нейтральными характеристиками.

Наличие частотной реакции *таджик* обусловлено тем, что представителей Таджикистана на территории РФ 800 тысяч – они, по данным Федеральной миграционной службы РФ за 2009 год, занимают четвертое место по количеству после жителей Украины, Узбекистана и Казахстана. Данная ассоциация оценивается нами как вполне нейтральная, так как является прямой номинацией человека определенной национальности.

Номинация *хачик* имеет отрицательную коннотацию: это пренебрежительное жаргонное наименование людей с Кавказа (ср.: «хачик – *насмешл., пренебр., жарг.* об азербайджанце или армянине, см. чурка» [Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи 2004: 666]). Изначально Хачик – это одно из распространенных мужских армянских имен (ср.: «хачик – *пренебр.* армянин от распространенного армянского имени Хачик» [БСРЖ 2000: 644]). Сейчас в российской действительности это слово перешло в разряд нарицательных, использующихся для выражения негативного отношения к людям определенной национальности.

Таким образом, зону ближней периферии составляют ассоциации, имеющие следующие смыслы: положительной коннотацией обладает лексема *беженец* (18/609); нейтральными являются наименования *человек* (33/609), *гастарбайтер* (29/609), *иностранец* (17/609), *приезжий* (14/609), *таджик* (15/609) (всего 108/609 нейтральных реакций); явно выраженная отрицательная коннотация присуща реакциям *тараканы* (21/609) и *хачик* (12/609) (всего 33 реакции с отрицательным полюсом оценки). На основе данных реакций можно условно оценить отношение респондентов к мигрантам как нейтральное/равнодушное/терпимое.

Зона дальней периферии ассоциативного поля понятия «мигрант» представлена следующими реакциями: *Китаец* (9), *переселенец* (9), *чурка* (9),

чужой (8), муравьи (7), работа (7), вещь (6), бомж (6), переезд (6), азербайджанец (5), животное (5), лицо кавказской национальности (5), нерусский (5), перекати-поле (5), приставучие (5), турист (5), бедные люди (4), гость (4), саранча (4), узбек (4), украинец (4), цыгане (4), черный (4), чужак (4), «Наша Russia» (3), деньги (3), кочевник (3), неприязнь (3), путешествие (3), путешественник (3), Равшан (3), строитель (3), Таганский ряд (3), трусы (3), айзер (2), армянин (2), бедный (2), бездомное животное (2), бескультурный (2), вокзал (2), граница (2), грязные (2), дешевая рабочая сила (2), ДПНИ (2), интерес (2), китаец (2), крысы, бегущие с тонущего корабля (2), кукушки (2), некультурный (2), неместный (2), непонятный (2), оккупанты (2), перебежчик (2), предатель Родины (2), работник (2), рынок (2), самолет (2), страна (2), татаро-монгольское иго (2), чайки (2), человек из другой страны (2), человек, сбежавший из тюрьмы (2), чужие (2).

По словам авторов Послесловия к Русскому ассоциативному словарю, «если число типов семантических отношений между словами в лексике колеблется, согласно разного рода исследованиям, в пределах 50 – 60, то в любой ассоциативной статье, или, лучше сказать, ассоциативном поле, количество реализованных семантических связей составляет не менее половины возможного их числа в языке» [РАС 2002: 753]. Это позволяет нам объединить полученные ассоциации в следующие группы по типам отношений, которые связывают стимул и реакцию:

- нейтральные носители характеристики понятия «мигрант» в модели двух слов: *китаец, переселенец, работа, переезд, азербайджанец, лицо кавказской национальности, нерусский, гость, узбек, украинец, цыгане, деньги, кочевник, путешествие, путешественник, строитель, армянин, бездомные, вокзал, граница, интерес, неместный, непонятный, рабочие, рынок, самолет, страна, человек из другой страны, турист.*

В основу указанных наименований легли такие показатели, как национальный признак (*китаец, узбек, азербайджанец, лицо кавказской национальности, нерусский, узбек, украинец, цыгане, армянин*); составляющие и

атрибуты процесса миграции (*переезд, вокзал, граница, интерес, рынок, самолет, страна*); синонимы (*переселенец, человек из другой страны*) и квази-синонимы к слову «мигрант» (*гость, кочевник, путешественник, турист*); а также цель, преследуемая понятием (*работа, деньги, путешествие*) и профессиональная ориентация/ экономическая составляющая (*строитель, рабочие, рынок*).

- носители характеристики понятия «мигрант» с отрицательной оценкой: *чурка, чужой, чужие, чужие люди, вещь, бомж, животное, приставучие, саранча, черный, чужак, неприязнь, трусы, айзер, бескультурный, грязные, дешевая рабочая сила, китаеза, крысы, бегущие с тонущего корабля, кукушки, татаро-монгольское иго, некультурный, оккупанты, перебежчик, предатель Родины, чайки, человек, сбежавший из тюрьмы.*

В данном случае оказывается продуктивной зооморфная метафорическая характеристика (*животное, саранча, крысы, бегущие с тонущего корабля, кукушки, чайки*); искаженное жаргонное наименование национальности (*чурка, айзер, китаеза*); негативная оценка понятия с помощью признака или посредством другого понятия (*чужой, чужие, чужие люди, приставучие, бескультурный, черный, грязные, дешевая рабочая сила, некультурный, предатель Родины, вещь, бомж, чужак, неприязнь, трусы, оккупанты, перебежчик, человек, сбежавший из тюрьмы*); а также актуализация исторического опыта (*татаро-монгольское иго*).

- носители характеристики понятия «мигрант» с положительной оценкой: *бедные люди, бедный, муравьи.*

В основу данных реакций легла положительная оценка понятия с помощью признака (*бедные люди, бедный*). В основе положительной реакции *муравьи* лежит представление о муравьях как о тружениках.

- носители характеристики понятия «мигрант» с помощью прецедентных наименований: *«Наша Russia», Равшан, Таганский ряд, ДПНИ.*

Выделенные ассоциации сложно описать как положительные или отрицательные, поскольку в их семантике не содержится доступных для оценки

коннотаций, что позволяет нам отнести реакции к нейтральной группе. Между тем, «*Наша Russia*» – это популярная передача на канале ТНТ, одним из персонажей которой является строитель таджик *Равшан*; *Таганский ряд* – самый крупный рынок в г. Екатеринбург, где основная часть торговцев – иностранцы; ДПНИ – Движение против нелегальной иммиграции.

В целом, реакции, формирующие ядерную зону, зоны ближней и дальней периферий исследуемого ассоциативного поля *мигрант*, фиксируют наиболее устойчивые связи ментальных образований, вербализованных лексемой *мигрант*, с другими понятиями и отражают доминантные смыслы, существующие в сознании россиян относительно явления миграции.

Специфика представления о миграции на основе анализа ядра и зон дальней и ближней периферий такова:

1) Наиболее устойчивой ассоциативной связью в языковом сознании россиян является нейтральная характеристика *мигрант* – *перелетные птицы* (65/609), созданная на основе метафорического переноса из понятийной сферы «Птицы».

2) Подчеркнутое гуманистическое отношение к приезжим, проявляющееся в ассоциациях *человек* (33/609), *беженец* (18/609), *иностранец* (17/609), *приезжий* (14/609) и др.

3) Этнизация ассоциативного поля посредством прямых наименований представителей других национальностей или их искаженных жаргонных форм, а также через оппозицию «свой» – «чужой»: *таджик* (15/609), *хачик* (12/609), *китаец* (9/609), *узбек* (4/609), *украинец* (4/609), *чужак* (4/609), *айзер* (2/609), *китаеза* (2/609), *чужой* (2/609) и др.

4) Зооморфизм, создающийся посредством зооморфных метафорических ассоциаций: *тараканы* (21/609), *муравьи* (7/609), *животное* (5/609), *крысы*, *бегающие стонущего корабля* (2/609) и др.

5) Экономическая составляющая ассоциативного поля, проявляющаяся в реакциях *деньги* (3/609), *дешевая рабочая сила* (2/609), *работник* (2/609), *рынок* (2/609) и др.

6) Милитаризация образа мигранта, выраженная в ассоциации *окупанты* (2/609).

7) Криминализация, возникающая посредством характеристики *человек, сбежавший из тюрьмы* (2/609).

Таким образом, преобладание носителей нейтральной характеристики понятия «мигрант» (293/609) и наличие реакций с положительной коннотацией (31/609) (ср.: ассоциаций с отрицательной коннотацией – 122/609) позволяет сделать вывод о том, что на уровне ядра, зон ближней и дальней периферий доминирует нейтральное/равнодушное/терпимое отношение к явлению миграции.

Если учитывать тот факт, что ядро, зона ближней и дальней периферии – это показатели культурно-первичных ассоциаций, являющихся отражением специфики закрепленных в языковом сознании представлений об объектах действительности, то справедливо говорить о нейтральном/равнодушном/терпимом отношении россиян к мигрантам в целом.

Однако, представление об образе *мигранта*, существующее в языковом сознании россиян, было бы неполным без учета реакций, функционирующих на периферии ассоциативного поля. Единичные ассоциативные реакции актуализируют структуру ядра значения, являясь отражением глубоко индивидуальных, периферических для психологического значения ассоциаций. Единичные реакции значительно усложняют структуру понятия «мигрант» в языковом сознании постоянного населения России. Они составляют 163 (26,8%) реакции (см. Приложение 2).

По типам отношений, которые связывают стимул и реакцию, периферийные ассоциации образуют следующие группы:

- нейтральные носители характеристики понятия «мигрант»: *Америка; будущее; ветер; виза; вьетнамец; гости; грачи; гринкарта; гусеницы, которые потом становятся бабочками; Джамшут; дорога; дорожные сумки; другая национальность; другие традиции и обычаи; евреи; единственный в мире пятнистый медведь; жизнь; за рубежом; заезжий; зарубежный; зару-*

бежный цветок, который может стать украшением сада или его болезнью; иностранный гражданин; иностранный язык; интересное; камень, упавший со скалы; карта; косяк журавлей; красивая жизнь; культура; лапша; летучая мышь; лучшая жизнь; люди ближнего зарубежья; люди, которые ничего не знают о нашей стране; маленькая зарплата; маршрутки; Маугли; Мексика; мечты; монголы; нация; не наши; не такой как мы; новое; новые люди; оса; переселение; пиковые; писатели; побег; поезд; покорять; полет; поэты русского зарубежья; прибывший из-за границы; приход чего-то нового; продавец на рынке; продавец обуви; пряности; родственники соседей; своеобразие; свой язык, вера; странный; стрекоза; студент; теплоход; тетеньки в парандже; товар; торжество; учеба; флаг; фрукты или овощи; хочется жить хорошо; часы; человек другой национальности и цвета кожи; человек, ищущий лучшего в другой стране; чемодан; Черкизовский рынок; чернокожий; черный цвет; чужие люди; шашлык; южанин.

Актуальными становятся единичные зооморфные образы: *грачи; гусеницы, которые потом становятся бабочками; единственный в мире пятнистый медведь; косяк журавлей; летучая мышь; оса; стрекоза; фитоморфная метафорическая характеристика зарубежный цветок, который может стать украшением сада или его болезнью; метафора неживой природы камень, упавший со скалы.* В основе данных наименований лежат личностные психологические особенности респондентов – попытка создать необычный образ или несерьезное отношение к выполнению предложенного задания (ср.: *единственный в мире пятнистый медведь*). Оценить такие реакции с точки зрения коннотативного потенциала не представляется возможным, поэтому мы относим их к группе нейтральных номинаций.

Кроме того, в основу группы нейтральных характеристик понятия «мигрант» положены следующие показатели: закрепленные в сознании людей представления о некоторых странах, исторически связанных с большим количеством иммигрантов (*Америка, Мексика*); составляющие и атрибуты процесса миграции (*виза, гринкарта, дорога, дорожные сумки, карта, переселе-*

ние, поезд, полет, теплоход, чемодан); национальный признак (*вьетнамец, евреи, другая национальность, люди ближнего зарубежья, монголы, нация, человек другой национальности и цвета кожи; чернокожий; черный цвет; южанин*); абстрактные понятия, связанные, по мысли респондентов, с процессами миграции (*будущее, ветер, жизнь, красивая жизнь, лучшая жизнь, новое, мечты, торжество*); синонимичность (*иностраннный гражданин; прибывший из-за границы*) и квазисинонимичность с понятием «мигрант» (*гости, заезжий, странники*); развернутые характеристики-определения понятия «мигрант» (*люди, которые ничего не знают о нашей стране; не наши; не такой как мы; своеобразие; человек, ищущий лучшего в другой стране; чужие люди*); прецедентные наименования (*Маугли*), где Маугли – темнокожий герой одноименного произведения Р. Киплинга; профессиональное определение мигранта и род деятельности в России (*продавец на рынке, продавец обуви, студент*); знаки и особенности жизни представителей других культур (*лапша, пряности, тетеньки в парандже, шашлык, флаг; фрукты или овощи; другие традиции и обычаи; культура; свой язык, вера*); нейтральные характеристики понятия «мигрант» с помощью признака (*заезжий, зарубежный, пиковые, странные*); реализация сугубо личного опыта (*родственники соседей, маршрутки*); актуализация культурных знаний (*писатели; поэты русского зарубежья*); реалии современной российской жизни, связанные с представителями других национальностей (*Черкизовский рынок, Джамшут*), где Черкизовский рынок – это самый крупный рынок с торговцами-иностранцами в Москве, закрытие которого вызвало резонанс среди российской общественности и в СМИ, Джамшут – таджик-строитель, один из персонажей телепередачи «Наша Russia».

- носители характеристики понятия «мигрант» с отрицательной оценкой: *«Понаехаловск»; «Россия для русских»; архаровец; бедность; большой здоровый мужик нерусской наружности; бомба, которая в один прекрасный момент взорвется; бородатые дядьки; война; волна, накрывшая страну; вредители; гастролер; глупый; голодная толпа; грубость; достали; желтая*

макака; животные, которые бегут одну сторону при опасности; инопланетяне; ишак; лентяи; маргинал; муравейник; мусорные баки, стоящие у 3 общежития; наглый; насекомое; нахал; нахлебник; невоспитанные; ненужный мусор; необразованный; неудачники; нечистые люди с проблемами; нигеры; нищета; обман; отвращение; пакостные; паразиты; перхоть; петух; пешки для политики; плохие люди; плохой; побег; Понаехали тут!; попрошайки; предмет, продающийся в комиссионном магазине; проблемы; рабовладелец; рыбы, которые мечутся; сажка; сумасшедшие; теракт; термиты; терроризм; торгаш; торговля наркотиками; тупой; тушканы; угольки; уроды; хлявщик; черножопый; чернорабочий; шакалы; шестерка; эпидемия; этнические преступные группировки.

В представленной группе, так же как на ядерном уровне и в зоне дальней периферии, для отрицательной оценки понятия «мигрант» наиболее востребованной оказывается зооморфная метафора (*желтая макака; животные, которые бегут в одну сторону при опасности; ишак; муравейник; насекомое; рыбы, которые мечутся; паразиты; петух; термиты; тушканы; шакалы*). Кроме того, актуальными становятся такие продуктивные и частотные для дискурса СМИ о миграции метафоры, как военная (*бомба, которая в один прекрасный момент взорвется; война*); криминальная (*архаровец; теракт; терроризм; торговля наркотиками; этнические преступные группировки*); гидронимная (*волна, накрывшая страну*); морбиальная (*эпидемия*). Как и во всех других составляющих ассоциативного поля понятия «мигрант» здесь оказывается реализованным этнический признак, проявляющийся как в жаргонном наименовании людей других национальностей (*нигеры*), так и в характеристиках их внешности (*большой здоровый мужик нерусской наружности; бородатые дядьки*). Помимо этого, группа представлена негативной эмоционально-оценочной лексикой, выражающей эмоции респондентов в форме: признаков (*глупый, голодная толпа, наглый, невоспитанный, необразованный, ненужный мусор, нечистые люди с проблемами, пакостные, плохие люди, плохой, сумасшедшие, тупой, черножопый, чернорабочий*); кон-

кретных понятий (*вредители; гастролер; инопланетяне; лентяи; маргинал; нахал; нахлебники; неудачники; перхоть; пешки для политики; попрошайки; предмет, продающийся в комиссионном магазине; сажка; угольки; уроды; халващик; шестерка*); абстрактных существительных (*бедность; грубость; нищета; обман; отвращение; проблемы*). Большинство из названных реакций носят оскорбительный характер. Сугубо личностные ассоциации – *мусорные баки, стоящие у третьего общежития и достали*.

Часть из выделенной группы реакций является прямым отражением воздействия языка СМИ: трансформированное от популяризированного в СМИ лозунга «Понаехали тут!» – «*Понаехаловск*» и дословное воспроизведение расхожих выражений «Россия для русских» и «Понаехали тут!».

- носители характеристики понятия «мигрант» с положительной оценкой: *бездомная собачка; безысходность; жалость; животные, которых травят; непонятный, интересно узнать его ближе; несчастные люди; одинокие люди; птица, лишенная гнезда; приход чего-то нового; скитальцы; слепые котята; сочувствие; тучки небесные, вечные странники; странники*.

Характеристики с положительной коннотацией представляют собой самую незначительную группу на периферии ассоциативного поля. В данном случае также оказывается продуктивной зооморфная метафора, но здесь она выражает не негативные эмоции, а, напротив, сочувствие по отношению к мигрантам (*бездомная собачка; животные, которых травят; птица, лишенная гнезда; слепые котята*). Такое же чувство отражено в понятиях эмоции (*безысходность; жалость; сочувствие*) и оценочных словосочетаниях (*несчастные люди; одинокие люди*). Внутренняя форма поэтических слов *скитальцы* (ср.: «скиталец – человек, который скитается» [Ожегов 1999: 722]) и *странники* (ср.: «странник – странствующий человек (обычно бездомный или гонимый)» [Там же: 772]) позволяет нам отнести их к группе положительных ассоциаций. В сочетании *непонятный, интересно узнать его поближе* лексема «интересно» имеет положительную коннотацию (ср.: «интерес – особое внимание к чему-нибудь, желание вникнуть в суть, узнать, понять» [Там же:

249]), именно на основании этого данная ассоциация относится нами к положительно характеризующим. Актуализация культурного опыта – в ассоциации *тучки небесные, вечные странники* (стихотворение М. Ю. Лермонтова «Тучи») – реализуется через существительное с уменьшительно-ласкательным суффиксом *тучки*.

Специфика ассоциативного поля «мигрант» в зоне периферийных реакций заключается в следующем:

1) Наличие тех признаков, которые характерны для ядра и зон ближней и дальней периферий: зооморфизм (*бездомная собачка; животные, которых травят; термиты; тушканы; шакалы* и др.); этнизация (*вьетнамец, евреи, другая национальность, нигеры* и др.); гуманизация (*люди, которые ничего не знают о нашей стране; не такой как мы; своеобразие* и др.); экономическая составляющая (*продавец на рынке, продавец обуви, торгош* и др.); милитаризация (*бомба, которая в один прекрасный момент взорвется; война*); криминализация (*теракт; терроризм; этнические преступные группировки* и др.).

2) Единичные гидронимная (*волна, накрывшая страну*), морбиальная (*эпидемия*), фитоморфная (*зарубежный цветок, который может стать украшением сада или его болезнью*) метафорические ассоциации; а также реакция-метафора со сферой-источником «Неживая природа» – *камень, упавший со скалы*.

3) Ассоциации, являющиеся отражением влияния современных СМИ: «*Понаехали*», «*Россия для русских!*», «*Понаехали тут!*», «*Наша Russia*».

4) Актуализация общекультурных знаний: *писатели, поэты русского зарубежья, Мексика, Америка* и др.

5) Привлечение сугубо личного опыта для характеристики понятия «мигрант»: *родственники соседей; мусорные баки, стоящие у третьего общежития* и др.

Таким образом, преобладание на крайней периферии ассоциативного поля понятия «мигрант» реакций, нейтрально его характеризующих (80/609),

а также наличие нескольких ассоциаций с положительной коннотацией (15/609) (ср.: ассоциаций с отрицательной коннотацией – 69/609) позволяет нам говорить о доминировании нейтрального/равнодушного/терпимого отношения российских респондентов к явлению миграции.

Конечный результат характеристики реакций, составляющих ассоциативное поле понятия «мигрант», как положительных, нейтральных или отрицательных представлен в *Приложении 3*.

Таким образом, гипотеза эксперимента, в целом, подтвердилась: типические реакции на стимул «мигрант» составляют ядро и зоны ближней и дальней периферий. Для респондентов оказалась актуальной такая составляющая лексического стимула «мигрант» как перемещение в пространстве, ср. ядро ассоциативного поля – *перелетные птицы* (65). Реакции, входящие в зону крайней периферии, представляют собой сугубо индивидуальный опыт участников эксперимента, ср. *родственники соседей*.

Необходимо подчеркнуть, что, по сравнению с реакциями, имеющими отрицательные коннотативные смыслы (191 (31,3%)), нейтральных ассоциаций больше в два раза (373 (61,3%)), 7,4 % (45) составляют положительно оценивающие *мигранта* характеристики. И если верно то утверждение, что «анализируя ассоциативно-вербальную сеть, философ может выявить элементы, входящие в «образ мира», характерный для современного русского. Культуролог, опираясь на сумму прецедентных текстов, которыми оперирует «коллективная» языковая личность, восстановит систему аксиологических образцов и ценностных ориентиров. Психолог найдет в этом материале предпосылки для распределения языковых (речевых) и экстралингвистических знаний и установления меры их представленности в сознании носителей русского языка» [РАС 2002: 7], то на основе наличия положительных коннотативных смыслов и преобладания нейтральных характеристик в ассоциативном поле понятия «мигрант» правомерно говорить о нейтральном/равнодушном/терпимом отношении российских респондентов к миграции.

3.3. Метафорическое представление миграции в реакциях свободного ассоциативного эксперимента

Зачастую реакции, даваемые респондентами в ходе свободного ассоциативного эксперимента, представляют собой метафорические характеристики. Это позволяет нам говорить о возможности их объединения в метафорические модели, репрезентирующие миграцию в данных САЭ.

3.3.1. Общая характеристика метафорических моделей, репрезентирующих миграцию в реакциях САЭ

В ходе САЭ получено 609 реакций на слово-стимул «мигрант», среди них – 301 метафорическое словоупотребление. Все выделенные метафоры были систематизированы в соответствии с предложенным А. П. Чудиновым (2001, 2003) способом классификации концептуальных метафор. Классификация метафор, репрезентирующих миграцию в данных психолингвистического эксперимента, производилась по следующим параметрам:

1. Понятийная сфера-источник метафорической экспансии.
2. Частотность.
3. Степень продуктивности метафорической модели.

1. В зависимости от **сферы-источника метафорической экспансии** среди метафор по данным САЭ выделяется 12 метафорических моделей, которые представлены в *Таблице № 4*.

Классификация метафорических моделей по сферам-источникам в данных САЭ

Таблица № 4

Название модели
Социальная метафора
1. Милитарная метафорическая модель
2. Криминальная метафорическая модель

3. Этническая метафорическая модель
4. Экономическая метафорическая модель
5. Театральная метафорическая модель
Антропоморфная метафора
6. Морбиальная метафорическая модель
Метафора природы
7. Гидронимная метафорическая модель
8. Зооморфная метафорическая модель
9. Фитоморфная метафорическая модель
10. «Неживая природа»
Артефактная метафора
11. Предметная метафорическая модель
Пространственная метафора
12. «Путь/дорога»

К разряду *социальной метафоры* относятся понятия из таких сфер-источников метафорической экспансии, как «Война», «Криминал», «Национальность», «Экономика», «Театр».

Антропоморфная группа метафор представлена понятиями, относящимися к исходной сфере «Болезнь».

Источниками метафорической экспансии в *метафорах природы* служат понятийные сферы «Мир животных», «Мир растений», «Вода», «Неживая природа».

Артефактная метафора представлена образами из сферы «Неодушевленные предметы».

Группу *пространственной метафоры* составляет исходная понятийная область «Путь/дорога».

2. Частотность метафорических моделей, репрезентирующих миграцию в данных психолингвистического эксперимента, представлена как количеством выделенных примеров концептуальной метафоры в рамках каждой группы, так и процентным соотношением (см. *Таблица № 5*). По степени частотности мы выделяем три группы метафорических моделей.

1) **Высокочастотная** метафорическая модель – более 40 % от общего числа метафорических словоупотреблений. Такой моделью в реакциях ассо-

циативного эксперимента является *зооморфная* метафорическая модель (132 МЕ/ 44%, где МЕ – метафорическая единица).

2) **Среднечастотными** – 9% – 20% от общего числа метафорических реакций – оказались *пространственная* метафорическая модель, представленная в полученных ассоциациях метафорами пути (50 МЕ/ 16,6%); *этническая* (48 МЕ/ 16%) и *экономическая* (27 МЕ/ 9%) метафорические модели.

3) **Низкочастотные** метафорические модели – менее 5 % метафорических ассоциаций: *предметная* (15 МЕ/ 4,9%), *милитарная* (10 МЕ/ 3,3%), *криминальная* (9 МЕ/ 3%), *фитоморфная* (6 МЕ/ 2%), *морбиальная* (1 МЕ/ 0,3%), *гидронимная* (1 МЕ/ 0,3%), *театральная* (1 МЕ/ 0,3%) и *метафоры неживой природы* (1 МЕ/ 0,3%).

Частотность метафорических моделей, репрезентирующих миграцию в данных САЭ

Таблица № 5

Название модели	Количество примеров метафорических единиц (МЕ)
1. Зооморфная метафорическая модель	132 МЕ/ 44 %
2. Пространственная метафорическая модель	50 МЕ/ 16,6 %
3. Этническая метафорическая модель	48 МЕ/ 16 %
4. Экономическая метафорическая модель	27 МЕ/ 9 %
5. Предметная метафорическая модель	15 МЕ/ 4,9 %
6. Милитарная метафорическая модель	10 МЕ/ 3,3 %
7. Криминальная метафорическая модель	9 МЕ/ 3 %
8. Фитоморфная метафорическая модель	6 МЕ/ 2 %
9. Морбиальная метафорическая модель	1 МЕ/ 0,3 %
10. Гидронимная метафорическая модель	1 МЕ/ 0,3 %
11. Метафоры неживой природы	1 МЕ/ 0,3 %
12. Театральная метафорическая модель	1 МЕ/ 0,3 %

Всего	301 МЕ/ 100 %
--------------	----------------------

3. Степень продуктивности метафорической модели определяется по способности к образованию фреймо-слотовых структур (см. *Таблица № 6*).

**Продуктивность метафорических моделей,
репрезентирующих миграцию в данных САЭ**

Таблица № 6

Название модели	Фреймо-слотовая структура
1. Зооморфная метафорическая модель	4 фрейма/ 3 слота
2. Пространственная метафорическая модель	4 фрейма/ 4 слота
3. Этническая метафорическая модель	3 фрейма/ 2 слота
4. Экономическая метафорическая модель	2 фрейма
5. Предметная метафорическая модель	не развита
6. Милитарная метафорическая модель	4 фрейма
7. Криминальная метафорическая модель	не развита
8. Фитоморфная метафорическая модель	не развита
9. Морбиальная метафорическая модель	не развита
10. Гидронимная метафорическая модель	не развита
11. Метафоры неживой природы	не развита
12. Театральная метафорическая модель	не развита

1) **Продуктивные** метафорические модели – 3 фрейма и не менее 2 слотов: *зооморфная, пространственная, этническая модели.*

2) **Среднепродуктивные** метафорические модели – не менее 2 фреймов: *милитарная и экономическая.*

3) **Непродуктивные** метафорические модели – фреймо-слотовая структура не развита: *предметная, криминальная, фитоморфная, морбиаль-*

ная, гидронимная, театральная, а также метафоры со сферой-источником «Неживая природа».

Кроме трех рассмотренных параметров классификации концептуальных метафор, в ходе анализа метафорических моделей будут выделены типовые полюсы оценки понятия «мигрант», возникающие в рамках каждой модели.

3.3.2. Зооморфная метафорическая модель

По наблюдению Э. В. Будаева, «зооморфная метафора как феномен человеческого мышления имеет давние истоки. Свидетельства обращения к миру животных для осмысления действительности обнаруживаются еще в первобытном тотемизме и мифологии, а после изобретения письма моделирование человеческого мира по образу мира животных регулярно встречается в работах мыслителей от Геродота до Ф. Ницше и О. Шпенглера» [Будаев 2006: 128].

Метафоры мира животных оказались и самыми востребованными для респондентов, участвовавших в САЭ: почти половина (132 МЕ/ 44%) всех полученных метафорических характеристик и около четверти всех реакций (22 %), данных на слово-стимул «мигрант», представляют собой зооморфные метафоры. Такой высокий процент «звериной» метафорики объясняется традиционностью использования носителями русского языка наименований животных для осмысления объектов окружающего мира, ср.: *здоров как бык, взять быка за рога, заячья натура* и др.; а также неограниченностью участников САЭ этическими рамками, в частности, мешающими использовать зооморфные характеристики авторам текстов СМИ.

Зооморфная модель имеет следующую фреймо-слотовую структуру.

1. Фрейм «Состав мира животных»

1.1. Слот «Собственно животные (млекопитающие)»

Рассматриваемый слот характеризуется значительным разнообразием актуализируемых концептов. Среди ассоциаций актуализируются метафоры

базового уровня: *животное* (5 МЕ), *бездомные животные* (2 МЕ); а также конкретные образы животных: *бездомная собачка*, *слепые котята*, *летучая мышь*; в том числе редкие или вовсе нехарактерные для российской фауны животные: *единственный в мире пятнистый медведь*, *желтая макака*, *тушканы*, *шакалы*, *ишак*.

Метафоры слота представляют собой нейтральные ассоциации (*единственный в мире пятнистый медведь*), обладают как положительными (*бездомная собачка*, *слепые котята*), так и отрицательными коннотациями (*животное*, *бездомные животные*, *желтая макака*, *тушканы*, *шакалы*, *ишак*, *летучая мышь*) в оценке понятия «мигрант».

1.2. Слот «Птицы»

Среди метафор слота используются как общие наименования, причем с признаком, характеризующим объект: *птица*, *лишенная гнезда*, *перелетные птицы* (65 МЕ); так и названия определенных видов птиц: *кукушки* (2 МЕ), *чайки* (2 МЕ), *печух*, *грачи*.

В основе метафорического переноса *кукушки* лежит закрепленное в сознании носителей языка представление о том, что кукушка – это «лесная перелетная птица, обычно не вьющая своего гнезда и кладущая яйцо в чужое гнездо» [Ожегов 1999: 313]. Мигранты же на территории чужой страны чаще всего оказываются без семьи, оторванными от дома. Ассоциация *чайки* дважды возникает в реакциях респондентов, скорее всего, с учетом жаргонного значения слова, ср. чайка – это человек, любящий получить что-нибудь даром. Использование слова *печух*, на наш взгляд, обусловлено попыткой респондента подобрать оскорбительное наименование. *Грачи* ассоциируются у жителей России с прилетом в определенное время года, также как *перелетные птицы*, что отражает представление о мигрантах как о сезонных работниках. Ассоциация *птица*, *лишенная гнезда* рождается под воздействием представления о том, что мигранты большинство мигрантов, приезжая в Россию, оставляет семью на Родине. Данной реакции свойственна положительная коннотация, проявляющаяся в сочувствии к мигрантам.

Метафоры слота представляют собой нейтральные метафорические ассоциации (*перелетные птицы, грачи*), а также реакции с положительной (*птица, лишенная гнезда*) и отрицательной (*кукушки, чайки, петух*) коннотациями.

1.3. Слот «Низшие животные (насекомые, паразиты)»

Слот представлен общими наименованиями *насекомое, паразиты*, а также наименованиями конкретных видов: *оса, стрекоза, тараканы* (21 МЕ), *муравьи* (7 МЕ), *саранча* (4 МЕ), *термиты*. Наличие реакций *оса* и *стрекоза*, наряду с единичной ассоциацией *гусеницы, которые потом становятся бабочками*, обусловлены желанием участников эксперимента создать необычные образы. Тогда как типическое представление о свойствах низших животных становится источником для метафорической концептуализации понятия «мигрант» в следующих наименованиях: *таракан* – «прямокрылое всеядное насекомое, живущее большим количеством, вредитель в сельском хозяйстве» [Ожегов 1999: 789]; *саранча* – «стадное насекомое, вредитель сельского хозяйства, перелетающее большими массами» [Там же: 697]; *термиты* – «близкие к муравьям, вредители, создают колоссальные по числу жителей общины» [www.zooflora.ru]. Практически все насекомые обладают отрицательной характеристикой «вредитель»; также подчеркивается такое качество насекомых, выбранных для обозначения мигранта, как «живущие большим количеством».

Среди метафор данного слота одна обладает положительной коннотацией – *муравей*: в русской культуре муравей – синоним труженика. Нейтральные ассоциации – *оса, стрекоза, гусеницы, которые потом становятся бабочками* и реакции с отрицательным полюсом оценки – *насекомое, паразиты, тараканы, саранча, термиты*.

2. Фрейм «Объединения животных и насекомых»

Фрейм представлен единичными метафорическими реакциями *косяк журавлей* и *муравейник*. Основной смысл, возникающий в представленных метафорах – «большое количество». Поэтическое *косяк журавлей* не имеет

каких-либо коннотаций и является нейтральной ассоциацией на слово-стимул «мигрант»; тогда как реакция *муравейник* отражает негативные представления респондентов о том, что мигрантов слишком много и они хаотично движутся как муравьи в муравейнике.

3. Фрейм «Действия животных и рыб»

В реакциях данного фрейма мигранты метафорически представлены в виде *крыс, бегущих с тонущего корабля* (2 МЕ), *животных, которые бегут в одну сторону при опасности*, а также *рыб, которые мечутся*. В метафорическом употреблении *крысы, бегущие с тонущего корабля* актуализируется такой смысл, заложенный в ставшем уже устойчивым сочетании, как «трусость». Под метафорой *тонущий корабль*, скорее всего, подразумевается Родина, которую покинули мигранты в поисках лучшей жизни, данный факт отрицательно оценивается участниками САЭ. Так же можно трактовать единичную метафорическую характеристику *животные, которые бегут в одну сторону при опасности*. Распространенное сегодня мнение о том, что мигранты рожают большое количество детей, легло в основу метафоры с отрицательным полюсом оценки понятия «мигрант» – *рыбы, которые мечутся*.

Все метафорические реакции, составляющие данный фрейм, обладают отрицательными коннотациями.

4. Фрейм «Обращение с животными»

Фрейм представлен единичной метафорической реакцией *животные, которых травят*, обладающей положительной коннотацией – таким образом выражается сочувствие одного из участников САЭ по отношению к мигрантам.

В целом, зооморфная метафорическая модель, являющаяся по данным результатов САЭ высокочастотной (132 МЕ/ 44%) и продуктивной (4 фрейма/ 3 слота), представлена нейтральными реакциями, а также ассоциациями с положительным и отрицательным полюсами оценки.

3.3.3. Пространственная метафорическая модель

Метафорическая модель с исходной понятийной сферой «Дорога/путь» актуализирует смыслы, привычные общественному сознанию, и одновременно раскрывает глубинные пласты осмысления понятия «мигрант». Анализ результатов САЭ показал, что миграция достаточно часто (50 МЕ/ 16,6%) ассоциируется у российских респондентов с метафорами пути, дороги, путешествия, что объясняется самим значением слова «мигрант» – человек, который переехал куда-нибудь.

Любая модель характеризуется рядом важных свойств, к числу которых мы, вслед за А. П. Чудиновым, относим иерархическое устройство, пересекаемость метафорических моделей, открытость, способность ко все более детальному развертыванию [Чудинов 2001: 38-43, 172-176]. Синкретичный характер метафорической модели обусловлен внутренней организацией концепта, а именно, нечеткостью его внутренней структуры, размытостью границ, представленных как в индивидуальном, так и национальном сознании. Такие свойства как отсутствие строгих границ, диффузность характерны для любой метафорической модели. Концептуальная метафора с источниковой сферой «путь» проявляет высокий потенциал к развертыванию. Некоторые слоты концептуальной метафоры пути могут быть отнесены к другим моделям в соответствии с семантикой сферы-источника метафорической экспансии. Так, метафорика слота «Транспортное средство» представляет собой пример механической метафоры.

1. Фрейм «Перемещение в пространстве»

Фрейм представлен метафорами движения, призванными отобразить действия мигрантов, с помощью которых они осуществляют перемещение: *переезд* (6 МЕ), *полет*, *переселение*, *побег*.

Метафорические ассоциации фрейма не нагружены никакими коннотациями.

2. Фрейм «Пребывание в пути»

2.1. Слот «Путь следования»

Путь следования связан в сознании носителей языка с дорогой, что проявляется в единичной нейтральной ассоциации *дорога*.

2.2. Слот «Транспортное средство»

В метафорах слота представлены нейтральные реакции, ассоциирующие мигранта с транспортным средством, с помощью которого совершается перемещение: *самолет* (2), *поезд*, *теплоход*. Составляющие слота «Транспортное средство» могут быть также отнесены к другой модели с источниковой сферой «механизмы». В метафоре *теплоход* актуализируются культурные знания респондента: теплоход в современной российской действительности является неактуальным транспортным средством для перемещения на большие расстояния, но потоки мигрантов в различные страны мира конца XIX – начала XX века использовали именно этот вид транспорта.

3. Фрейм «Атрибуты перемещения»

3.1. Слот «Конкретные атрибуты переезда»

Слот включает в себя нейтральные метафорические реакции участников эксперимента, актуализирующие пространство, реалии и атрибуты переезда: *вокзал* (2), *граница* (2), *страна* (2), *виза*, *гринкарта*, *дорожные сумки*, *чемодан*.

Все указанные ассоциации отражают представления респондентов о необходимых составляющих переезда, который совершают мигранты.

3.2. Слот «Абстрактные атрибуты переезда»

Традиционно переезд на новое место жительства связан в сознании людей с определенными ожиданиями, надеждами, что отразилось в нейтральных метафорах слота: *будущее*, *ветер*, *лучшая жизнь*, *мечты*.

4. Фрейм «Участники перемещения»

Метафоры фрейма являются отражением метафорического переосмысления понятия «мигрант» и характеризуют его в зависимости от цели перемещения как *туриста* (5 МЕ), *гостя* (4 МЕ), *путешественника* (3 МЕ), *кочевника* (3 МЕ). Респонденты для образного представления миграции используют также поэтическую лексику *скитальцы*; *странники*; *тучки небесные*,

вечные странники. Последние расцениваются нами как метафоры с положительным полюсом оценки, поскольку в толковании слов «скиталец (книжн.) – человек, который скитается» [Ожегов 1999: 722] и «странник (устар.) – странствующий человек (обычно бездомный и гонимый)» [Там же: 772] априори заложен положительный потенциал. В использовании литературного прецедента *тучки небесные, вечные странники* (см. стихотворение «Тучи» М.Ю. Лермонтова) прослеживается мотив изгнанничества и неприкаянности, посредством которого выражается жалость одного из участников эксперимента по отношению к мигрантам, вынужденным покинуть родные края.

В целом, образы, созданные в рамках среднечастотной (50 МЕ/ 16,6%) и продуктивной (4 фрейма/ 4 слота) пространственной метафорической модели, отражают объективные представления участников эксперимента о процессе переезда, который совершают мигранты. Три метафоры модели можно оценить как обладающие положительным потенциалом (*скитальцы, странники, тучки небесные, вечные странники*), остальные – нейтральные метафорические реакции на слово-стимул «мигрант».

3.3.4. Этническая метафорическая модель

В основу метафор этнической модели положено представление каждого человека о национальной идентичности, проявляющееся в классифицировании всех людей посредством лингвокультурологической оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ.

В рамках политического дискурса через посредство биполярной категории СВОЙ – ЧУЖОЙ репрезентируются политические оппоненты (конкретные личности, партии, организации, страны); данная дихотомия является социально значимой оппозицией, которая выступает в качестве особой категории политического дискурса, делая возможным осуществление его ключевых функций: манипулятивной, ориентирующей и инструментальной (П. Бурдые, Р. Водак, О. С. Иссерс, М. Л. Макаров, Н. А. Санцевич, Ю. С. Степанов, А. А.

Филинский, Т. В. Цивьян, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, К. Шмит и др.) [Красильникова 2005: 58].

В рамках же миграционного дискурса актуальной оказывается идентификация по принципу СВОЙ – ЧУЖОЙ в понимании Бенвениста. Так, главное положение, установленное Э. Бенвенистом (Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., Прогресс, 1974) на материале анализа индоевропейских слов, заключается в том, что понятие «Свой» первоначально является осознанием кровного родства некоторой группы людей (рода, клана), в пределах которой человек одновременно осознает себя «свободным от рождения, свободным по рождению» и противопоставляет себя «другим» – «чужим, врагам, рабам» [Степанов 2001: 135-136]. (Более подробно категория СВОЙ – ЧУЖОЙ рассмотрена во второй главе диссертационного исследования в рамках этнической метафорической модели, представляющей миграцию в дискурсе российских СМИ).

Таким образом, мигрант определяется участниками психолингвистического эксперимента как ЧУЖОЙ, когда он является, во-первых, обладателем «экзотической» для России внешности; во-вторых – носителем других, чуждых россиянам, религиозных и культурных ценностей. В соответствии с этим, этническая метафорическая модель, по материалам ассоциативного эксперимента имеет, следующую структуру.

1. Фрейм «Мигрант – обладатель неславянской внешности»

При метафорической характеристике мигранта как обладателя неславянского или неевропейского типа внешности участники эксперимента зачастую апеллируют к образам, функционирующим в российских СМИ: *лицо кавказской национальности* (5 МЕ), *Равшан* (3 МЕ), *ДПНИ* (2 МЕ), *Джамшут*. Популярная в средствах массовой информации и среди рядовых россиян, ставшая стертой, метафора *лицо кавказской национальности* создана на основе метонимического переноса и используется как устойчивое сочетание по отношению к приезжим с Кавказа. Несмотря на изначально отрицательные коннотации, в настоящее время она является вполне нейтральной номинаци-

ей, хотя аналогичных словоупотреблений, типа «лицо российской национальности», «лицо американской национальности» в языке нет. Использование имен собственных *Равшан* и *Джамшут* в качестве ассоциаций на слово-стимул «мигрант» отражает телевизионные пристрастия подростковой и молодежной аудитории: это имена двух персонажей, строителей из Таджикистана, в популярной передаче на канале ТНТ «Наша Russia». Вполне вероятно, что в скором времени эти имена перейдут в разряд нарицательных, так же как это произошло с армянским именем Хачик. Дважды возникшая ассоциация *ДПНИ* является показателем закреплённости в сознании некоторых россиян Демократической партии национальной идентичности как структуры, выступающей против миграции на территорию России.

Единичная ассоциация *Маугли* представляет собой литературный прецедент: Маугли – главный герой одноименного произведения Р. Киплинга, воспитанный животными и отличающийся смуглым цветом кожи. Скорее всего, в основу такой реакции положен именно темный цвет кожи литературного персонажа. Доказательством этого может служить ряд «цветовых» метафор, данных участниками эксперимента как реакции на понятие «мигрант»: *черный* (4 МЕ), *черный цвет*, *чернокожий*, *черножопый*. В цветовых характеристиках подчеркивается смуглость приезжих из некоторых стран; в жаргонном *черножопый* заложен отрицательный полюс оценки миграции.

Кроме этого, мигрант, как обладатель неславянской внешности, ассоциируется у российских респондентов с *тетенькой в парандже*, *большим здоровым мужиком* и *бородатыми дядьками*. В таких реакциях содержится определенная доля иронии, а в двух последних – отрицательная оценка явления миграции. Уменьшительно-ласкательное *тетенька* (ср. *тетка*) в сочетании с *в парандже* позволяет отнести ассоциацию к нейтральной группе.

2. Фрейм «Мигрант – носитель других ценностей»

2.1. Слот «Духовные ценности»

Слот представлен как общими ценностными категориями *нация*, *национальность*, *своеобразие*, так и наименованиями вполне конкретных аксиоло-

гических понятий *другие традиции и обычаи, свой язык, вера*. В данном случае можно говорить о том, что некоторые участники эксперимента подчеркнуто утверждают право мигрантов на национальную идентичность.

2.2. Слот «Материальные ценности/ материальные знаки культур»

Данный слот состоит из нейтральных метафорических ассоциаций, отражающих восприятие мигрантов постоянным населением России сквозь призму особенностей кухни, ставших символичными для представителей некоторых национальностей: *лапша, пряности, фрукты или овощи, шашлык*. Кроме этого, одна из ассоциаций является наименованием неперенного символа жителей любой страны, служащего ее отличительным знаком, ср.: *флаг*.

Все метафоры фрейма можно оценить как нейтральные, поскольку в них не содержится каких-либо коннотаций, они являются констатирующими характеристиками.

3. Фрейм «Мигрант – ЧУЖОЙ»

Ассоциации данного фрейма являются стертыми метафорами, поскольку осознание россиянами человека другой национальности заведомо лежит в рамках категории СВОЙ – ЧУЖОЙ. Получены такие реакции «чужести» на слово-стимул «мигрант»: *чужой* (8 МЕ), *чужак* (4 МЕ), *чужие* (2 МЕ), *не наши, чужие люди*. Данные характеристики априори являются метафорами отторжения мигрантов, ср. нейтральные *иностранец, приезжий* и т.п.

Таким образом, по данным свободного ассоциативного эксперимента этническая метафорическая модель определяется нами как среднечастотная (48 МЕ/ 16%) и продуктивная (3 фрейма/ 2 слота). В рамках модели отсутствуют ассоциации с положительным полюсом оценки, нейтральные реакции и с отрицательной коннотацией представлены в равной степени. Стоит отметить, что в этническую модель не вошли жаргонные варианты названий национальностей (*айзер, китаеза* и пр.), а также лексика, используемая в прямом значении (*иностранец, приезжий, человек другой культуры* и т.п.).

3.3.5. Экономическая метафорическая модель

В данных САЭ метафорическая экономическая модель является среднечастотной (27 МЕ/ 9%) и среднепродуктивной. В рамках нее функционируют метафорические ассоциации, связанные в сознании участников эксперимента с теми специальностями, на которые могут претендовать мигранты в России; а также с некоторыми прецедентными феноменами и понятиями экономики, отношение к которым имеют приезжие. В соответствии с этим, рассматриваемая метафорическая модель имеет следующую структуру.

1. Фрейм «Экономическая ниша»

Фрейм представлен общими наименованиями той цели, которую преследуют мигранты, въезжая в страну: *работа* (7 МЕ), *учеба*, *деньги* (3 МЕ); а также названием конкретных видов деятельности: *строитель* (3 МЕ), *продавец на рынке*, *продавец обуви*, *торгаш*. Подобные ассоциации являются показателем того, что в сознании россиян круг профессиональных сфер, на которые могут претендовать мигранты, жестко ограничен. Это проявляется и в таких реакциях как *рынок* (2 МЕ), *маршрутки*, *маленькая зарплата*.

Большинство метафор фрейма – нейтральные, жаргонная ассоциация *торгаш* имеет отрицательный полюс оценки.

2. Фрейм «Экономические категории»

Фрейм представлен ассоциациями *Таганский ряд* (3 МЕ), *дешевая рабочая сила* (2 МЕ), *Черкизовский рынок*, где трижды возникшая реакция *Таганский ряд* является отражением реалии того города, в котором проводился психолингвистический эксперимент: Таганский ряд – самый крупный и популярный рынок в г. Екатеринбург, на котором большинство сотрудников являются мигрантами из Китая, Азербайджана, Таджикистана и других стран. Дважды возникшее устойчивое сочетание *дешевая рабочая сила* популяризировано СМИ и традиционно используется в медийных текстах, посвященных теме миграции: мигрант оценивается как человек, выполняющий не престижную работу за низкую оплату труда. Появление единичной реакции *Черкизовский рынок* также является отражением влияния СМИ: в конце вес-

ны – начале лета 2009 года в Москве произошло закрытие одного из самых крупных «иностранных» рынков в стране – Черкизовского. Скандал вокруг этого события широко освещался в российских средствах массовой информации, и название «Черкизовский рынок», до закрытия ничего не говорившее большинству россиян, не проживающих в Москве, стало узнаваемо всеми жителями страны.

В целом, среди метафор экономической модели отсутствуют характеристики с положительным полюсом оценки; большинство ассоциаций нейтральные, и две реакции оцениваются нами как обладающие негативными коннотациями (*торгаш, дешевая рабочая сила*).

3.3.6. Предметная метафорическая модель

Метафоры предметной метафорической модели представляют мигрантов в качестве неодушевленных предметов. Это образы с одним – отрицательным – полюсом оценки понятия «мигрант»: *вещь* (6 МЕ); *товар; мусорные баки, стоящие у третьего общежития; ненужный мусор; перхоть; пешки для политики; предмет, продающийся в комиссионном магазине; сажу; угольки*.

Посредством подобных пренебрежительных метафор мигрант репрезентируется как нечто ненужное, от чего поскорее хочется избавиться. Некоторые составляющие фрейма «Неодушевленный предмет» могут быть также отнесены к другой модели с источниковой сферой «Экономика», ср.: *пешки для политики* – сочетание, ставшее устойчивым и широко используемое в текстах СМИ применительно к различным объектам действительности; в метафоре *предмет, продающийся в комиссионном магазине* заложено представление (бытующее и в миграционном дискурсе СМИ) о том, что «мигрантом пользуются, а потом продают его следующему хозяину».

В рамках анализируемых данных САЭ экономическая модель является низкочастотной (15 МЕ/ 4,9%) и непродуктивной (фреймо-слотовая структура не развита).

3.3.7. Милитарная метафорическая модель

Образы войны в качестве репрезентантов понятия «мигрант» оказались мало востребованными для участников САЭ: получено 10 метафорических реакций (3,3%). В данном случае милитарная модель является низкочастотной и среднепродуктивной (4 фрейма), включает в себя следующие фреймы.

1. Фрейм «Война»

Фрейм представлен единичной метафорической реакцией *война*, посредством которой понятие «мигрант» оценивается отрицательно. Скорее всего, подобная реакция появилась под воздействием СМИ, поскольку именно там ее использование в различных вариантах (ср.: *борьба, битва* и пр.) является весьма частотным.

2. Фрейм «Виды вооружения»

Фрейм также представлен единичной метафорой, широко распространенной в российских СМИ и используемой, в частности, в дискурсе о миграции: *бомба, которая в один прекрасный момент взорвется*. Посредством нее ситуация вокруг миграции репрезентируется как «взрывоопасная», а сами мигранты оцениваются крайне отрицательно.

3. Фрейм «Отношение к Родине»

Метафоры фрейма, неактуальные для дискурса СМИ о миграции, отражают представление некоторых участников САЭ о том, что мигранты – предатели Родины, которые бросили ее в трудный момент, это проявляется в таких метафорических реакциях на слово-стимул «мигрант», как *перебежчик* (2 МЕ) и *предатель Родины* (2 МЕ).

4. Фрейм «Специализация воинов»

Фрейм состоит из популярной в миграционном дискурсе СМИ метафоры *оккупанты* (2 МЕ) (ср.: «оккупант – участник оккупации, захватчик» [Ожегов 1999: 449]) и прецедентного феномена *татаро-монгольское иго* (2 МЕ). Посредством последнего актуализируется историческая память некоторых участников психолингвистического эксперимента: Русь долгое время находилась под гнетом татаро-монгольского ига.

Таким образом, посредством метафор со сферой-источником «Война», зачастую под воздействием текстов СМИ, понятие «мигрант» имеет один полюс оценки – отрицательный.

3.3.8. Криминальная метафорическая модель

Анализ метафорических реакций, полученных в ходе психолингвистического эксперимента, показал, что в рамках САЭ криминальная модель является низкочастотной (9 МЕ/ 3%) и непродуктивной (фреймо-слотовая структура не развита). Метафорами с источниковой сферой «Криминал» российские респонденты характеризуют мигранта как *человека, сбежавшего из тюрьмы* (2 МЕ), *архаровца, шестерку*. Посредством данных наименований выражается пренебрежительное отношение к мигрантам: с одной стороны, мигранты определяются как инициаторы незаконных действий, ср.: *архаровец – «(прост.) буйн, головорез»* [Ожегов 1999: 29]; с другой – как бесправные исполнители чьей-то воли, ср.: *шестерка – «(прост., пренебр.) мелкий и бессловесный исполнитель, вообще человек на побегушках»* [Там же: 895].

Кроме этого, у некоторых участников САЭ мигрант ассоциируется с *терактом, терроризмом, торговлей наркотиками и этническими преступными группировками*. Появление таких реакций, на наш взгляд, является отражением влияния СМИ: именно средства массовой информации преувеличивают количество так называемой этнической преступности, тогда как правонарушения со стороны мигрантов не превышают 3% (по сведениям Главного информационно-аналитического центра МВД России, на территории страны в прошлом году иностранцы совершили 57 955 преступлений, что на 7,6 процента больше, чем в 2008 году. Милиция раскрыла 572 убийства, 821 случай умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, 411 изнасилований, 1258 разбойных нападений, 2745 грабежей, 10 000 краж, 1506 мошенничеств, 6091 преступление, связанное с незаконным оборотом наркотиков. Вообще удельный вес преступлений граждан зарубежных государств в общей структуре преступности – 3,5 процента [www.voanews.com]). Российские

СМИ же зачастую делают акцент на национальности правонарушителей, чем вызывают у россиян негодование и негативное отношение к иностранцам.

В целом, все метафорические реакции в рамках криминальной модели имеют отрицательный полюс оценки миграции, поскольку «криминальная» метафорика изначально обладает негативным потенциалом.

3.3.9. Фитоморфная метафорическая модель

Фитоморфная метафорическая модель в данных САЭ рассматривается нами как низкочастотная (1 МЕ/ 0,3%) и непродуктивная (фреймо-слотовая структура не развита), поскольку представлена пятью однообразными метафорическими реакциями (*перекати-поле* (5)) и единичной ассоциацией, возникшей как попытка респондента создать красивый образ, ср.: *зарубежный цветок, который может стать украшением сада или его болезнью*. Метафорическое словоупотребление *перекати-поле* является стертой метафорой, посредством нее актуализируется переносное значение слова *перекати-поле* – «(перен.) о человеке, не имеющем домашнего очага, постоянно меняющем свое место жительства» [Ожегов 1999: 504]. Обе метафорические реакции оцениваются нами как нейтральные характеристики понятия «мигрант».

3.3.10. Морбиальная, гидронимная, театральная метафорические модели и метафоры неживой природы

В данных САЭ морбиальная, гидронимная, театральная метафорические модели, а также метафоры неживой природы представлены единичными реакциями, что позволяет нам рассматривать их в данном случае как низкочастотные (1 МЕ/ 0,3%) и непродуктивные (фреймо-слотовая структура не развита).

Метафорические ассоциации со сферами-источниками «Болезнь» и «Вода» являются, на наш взгляд, следствием влияния СМИ на сознание россиян, так как они представляют собой дословное воспроизведение популяр-

ных в текстах СМИ при характеристике миграции метафор *эпидемия* и *волна, накрывшая страну*. Они обладают отрицательными коннотациями, так как посредством них явление миграции позиционируется как все заражающая болезнь и разрушительная стихия.

Театральная метафора *гастролер* также содержит в себе отрицательную оценку, поскольку через ее использование актуализируется представление о мигранте как о «(перен.) недобросовестном работнике, постоянно меняющем место работы» [Ожегов 1999: 126].

Единичная нейтральная метафора со сферой-источником «Неживая природа» *камень, упавший со скалы* отражает попытку создания участника эксперимента необычного образа.

Таким образом, среди метафор представленных в реакциях САЭ на понятие «мигрант» положительно оценивающих миграцию – 14 (4,7%), нейтральных – 174 (57,8%), отрицательных метафорических характеристик – 113 (37,5%). Наличие метафорических моделей, репрезентирующих миграцию в данных САЭ позволяет нам сопоставить их с доминирующими метафорическими моделями, функционирующими в дискурсе СМИ.

3.4. Сопоставительная характеристика метафор, представляющих миграцию в СМИ и в реакциях САЭ

В российском печатном дискурсе СМИ о миграции регулярно функционируют 8 доминантных метафорических моделей: военная, криминальная, этническая, гидронимная, экономическая, зооморфная, морбиальная и физиологическая. Наиболее актуальными для медийного дискурса и, следовательно, продуктивными и высокочастотными являются военная, криминальная, этническая и гидронимная метафорические модели. Средне-частотная метафорическая модель – экономическая – наряду с зооморфной – оказавшаяся также среднепродуктивной. Несмотря на относительную струк-

турированность, зооморфная модель в рамках дискурса СМИ нечастотна. Малопродуктивными и нечастотными являются морбиальная и физиологическая метафорические модели.

Специфика ассоциативного поля понятия «мигрант», существующего в языковом сознании россиян, проявляется зачастую (301/609) в виде метафорических реакций на слово-стимул «мигрант» со сферами-источниками «Война», «Криминал», «Экономика», «Вода», «Национальность», «Мир животных», «Мир растений», «Неживая природа», «Предметный мир», «Болезнь», «Театр», «Путь». Результаты анализа метафорических ассоциаций по сферам-источникам, степени частотности и продуктивности представлены соответственно в *Таблицах № 4, 5, 6* предыдущего параграфа.

В качестве метафорических реакций нами не рассматривались прямые номинации, типа «иностранец», «приезжий» и пр.; прецедентные наименования (ср.: «*Понаехали тут!*», *Америка*, «*Наша Russia*» и др.) а также ассоциации, в основу которых положены эмоции (ср.: *безысходность*, *жалость*, *достали* и т.п.).

Метафорические характеристики, возникшие как реакции на понятие «мигрант», позволяют нам сравнить их с метафорами, представляющими миграцию в текстах российских СМИ. При сопоставлении будут учитываться следующие критерии:

- 1) представленность метафор той или иной модели в текстах СМИ и среди реакций, полученных в ходе САЭ;
- 2) частотность и продуктивность метафорической модели для текстов СМИ и в данных САЭ;
- 3) прагматические смыслы, возникающие посредством использования метафор той или иной модели, в текстах СМИ и наличие коннотаций / их отсутствие у ассоциаций, полученных в результате САЭ.

Сопоставление позволит сделать вывод об общих и отличительных чертах использования метафор в текстах СМИ и в качестве реакций на слово-стимул «мигрант», а значит – полнее раскрыть специфику представления о

миграции в СМИ и в сознании подрастающего поколения. Результаты сопоставительного анализа представлены в *Приложении 4*.

На основе сопоставительного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Продуктивные и высокочастотные в дискурсе СМИ милитарная, криминальная и гидронимная метафорические модели с негативным прагматическим потенциалом оказываются практически невостребованными в качестве ассоциаций: лишь несколько реакций, находящихся на дальней и крайней перифериях ассоциативного поля «мигрант», относятся к сферам-источникам «Война», «Криминал», «Вода». Так же как в дискурсе СМИ, они обладают отрицательными коннотациями.

2. Характеристики этнической модели в равной степени представлены и в дискурсе СМИ, и в ассоциациях, возникающих в зонах ближней, дальней и крайней периферий. Это объясняется невозможностью оценить явление миграции без этнических параметров: в самой внутренней форме понятия *мигрант* содержатся характеристики «иностранность», «человек другой национальности» и т.п. Как в текстах СМИ, так и среди реакций, полученных в САЭ, наименования данной группы представляют собой либо нейтральные характеристики, либо номинации с отрицательной коннотацией. Следует отметить, что это не собственно метафоры, а прямое (ср.: *армянин, китаец* и др.) или жаргонное (ср.: *китаеза, хачик* и др.) наименование национальности; реализация представлений о людях других национальностей в рамках категории «свой» – «чужой» (ср.: *чужак, не наш* и др.); а также использование сочетаний с национальной составляющей (ср.: *лицо кавказской национальности, другой язык и культура* и др.).

3. Среднепродуктивная и среднечастотная экономическая метафорическая модель в дискурсе СМИ представлена метафорами с двумя полюсами оценки; для респондентов, участвовавших в САЭ, экономические проблемы, связанные с процессом миграции, оказались неактуальными, что проявилось в нейтральных реакциях и единичной ассоциации с отрицательной оценкой из сферы-источника «Экономика».

4. Метафоры малопродуктивной и низкочастотной для дискурса СМИ морбиальной метафорической модели оказались не востребуемыми и для участников САЭ – получена одна реакция с отрицательной оценкой.

5. Примечательно, что метафоры среднепродуктивной и низкочастотной для дискурса СМИ зооморфной модели, обладающей в медийных текстах позитивным прагматическим потенциалом, широко представлены в результатах САЭ с различными полюсами оценки. Непопулярность в СМИ «звериной» метафорики, особенно с отрицательной коннотацией, объясняется запретом на использование наименований животных и насекомых для характеристики людей Декларацией Международной федерации журналистов о принципах поведения журналиста. Тогда как участники САЭ не были ограничены в процессе порождения ассоциаций. Зооморфная метафора традиционно используется носителями русского языка для негативной или позитивной характеристики явлений окружающего мира: *зайка моя; смотреть как бык на новые ворота; ласточка; жук;* и пр. Ядерный уровень ассоциативного поля понятия «мигрант» составляет как раз нейтральная зооморфная реакция – *перелетные птицы* (65/609). Кроме того, в зонах всех трех периферий зооморфная метафора функционирует в форме нейтральных ассоциаций (7/609), а также ассоциаций с отрицательной (55/609) или положительной (4/609) оценкой. Практически пятая часть (129/609) всех полученных в ходе САЭ реакций представляет собой зооморфные метафоры.

6. Низкочастотная и малопродуктивная с положительным прагматическим потенциалом в текстах СМИ физиологическая метафорическая модель не представлена в реакциях респондентов. Устойчивые для медийного дискурса сочетания *рабочие руки* и *страны-доноры* оказались неактуальными для участников САЭ.

7. Фитоморфная метафора и метафоры неживой природы, совершенно не использующиеся в СМИ, в результатах САЭ отражены единичными авторскими ассоциациями *зарубежный цветок, который может стать украшением сада или его болезнью* и *камень, упавший со скалы*. Можно предпо-

ложить, что причиной возникновения таких сочетаний послужило желание респондентов создать необычные образы.

8. Метафоры со сферой-источником «Театр», не востребованные в дискурсе СМИ о миграции, представлены в результатах САЭ единичной метафорической реакцией с отрицательной оценкой – «гастролер» (ср.: «перен. гастролер – о постоянно меняющем место работы, случайном и обычно недобросовестном работнике (разг.)» [Ожегов 1999: 126]). Можно сделать вывод о нехарактерности использования театральной метафоры для осмысления образа миграции в российской действительности.

9. Осознание миграции посредством модели «Мигрант – это неодушевленный предмет» характерно как для дискурса СМИ (реализуется в рамках экономической метафорической модели, ср.: *мигрант – это товар* и др.), так и для реакций, полученных в ходе САЭ (реализуется в рамках предметной метафорической модели), ср.: *ненужный мусор, перхоть* и др. В обоих случаях превалируют отрицательные смыслы.

10. Метафора дороги, нехарактерная для текстов СМИ, оказывается востребованной для определения *мигранта* в рамках САЭ (Метафорическая модель «Путь/дорога»). Подобные метафоры представляют собой нейтральные ассоциации, связанные с процессом переезда (ср.: *самолет, вокзал, граница* и др.) и единичные поэтические реакции с положительным полюсом оценки (ср.: *скитальцы, странники*).

11. Таким образом, доминантными в дискурсе российских СМИ о миграции являются милитарная, криминальная, гидронимная и этническая метафорические модели; для СМИ актуальными оказываются трудовые и нелегальные мигранты.

По результатам САЭ ведущей оказывается зооморфная метафорическая модель. Причем 65 метафорических словоупотреблений возникают на ядерном уровне ассоциативного поля понятия «мигрант» и представляют собой нейтральную ассоциацию *перелетные птицы*. Для респондентов оказывается востребованной такая составляющая миграции как перемещение.

Большая часть метафорических моделей, функционирующих в СМИ, обладает негативным прагматическим потенциалом (милитарная, криминальная, гидронимная, этническая и частично экономическая). Более половины от общего числа реакций, полученных в САЭ, являются нейтральными (373/609 (61,3%)), а часть из них – с положительным полюсом оценки понятия «мигрант» (45/609 (7,4%)), лишь треть ассоциаций имеют отрицательные коннотации (191/609 (31,3%)). Среди образов метафорических моделей, представляющих миграцию в данных САЭ положительных – 14/301 (4,7%), отрицательных – 113/301 (37,5%), нейтральных – 174/301 (57,8%).

Преобладание зооморфной когнитивной метафоры (132 МЕ/301МЕ (44%)) в ассоциативном поле понятия «мигрант» (почти половина из которых – ядро (65 МЕ)) – свидетельство существования достаточно устойчивого образа мигранта в языковом сознании молодого поколения россиян: большинство из них не испытывают негативных эмоций в отношении приезжих. В целом, мигранты, по мнению студентов, обычные люди (*человек, иностранец*) определенных, наиболее часто встречающихся в современной российской действительности национальностей (*таджик, узбек, украинец* и др.), вынужденные в силу различных причин покидать Родину (*беженец, работа* и др.). Иногда мигранты заставляют испытывать чувство настороженности (*странные, непонятные*), угрозы (*бомба, которая в один прекрасный момент взорвется*), неприязни (*ненужный мусор, перхоть*), расового отвращения (*черный, чурка*). Но зачастую они вызывают чувство жалости, сочувствия (*слепые котята, бездомная собачка, несчастные и одинокие люди*) и живой интерес (*непонятный, интересно было бы узнать поближе*).

В СМИ же формируется отрицательный образ миграции: негативные смыслы априори заложены в милитарных и криминальных метафорах. Можно предположить, что метафоры войны и мира криминала (*оккупанты, террор* и др.), прецедентные наименования («*Понаехали тут!*», «*Россия для русских*» и др.), популяризированные СМИ *хачик, айзер* и др., возникшие как реакции на слово-стимул «мигрант» в ходе САЭ, – это результат воздействия

СМИ на массовое сознание. СМИ влияют на формирование восприятия мигрантов, но не всегда отрицательные коннотации находят отражение в языковом сознании: обозначенные ассоциации, возникшие под влиянием СМИ, находятся на периферии ассоциативного поля понятия «мигрант».

Респонденты, принявшие участие в САЭ, – это молодое поколение россиян, приехавших из различных уголков страны, получающее высшее образование; а значит люди, предположительно обладающие высокой степенью общекультурной и речевой компетентности в связи с имеющимся статусом студента высшего учебного заведения; способностью фильтровать информацию, поступающую из внешнего мира. Осмелимся предположить, что именно реакции респондентов, участвовавших в САЭ, отражают реальное отношение россиян к мигрантам, которое условно было обозначено нами как нейтральное/равнодушное/терпимое; а не СМИ, в которых моделируется резко негативный образ миграции. Не случайно в Предисловии к Русскому ассоциативному словарю его авторы акцентируют внимание на том, что «Испытуемыми в ассоциативном эксперименте были студенты первых трех курсов различных вузов (от 17 до 25 лет), для которых русский язык является родным. В основе такого выбора лежали два соображения. Во-первых, о влиянии на языковое сознание будущей специальности, а во-вторых, о прогнозировании развития сознания тех русских, которые в ближайшие десятилетия будут определять языковую, духовную и материальную жизнь нашего общества» [РАС 2002: 5].

Может быть, результаты, полученные в ходе САЭ, в том числе метафорические модели, включающие образные реакции различных уровней ассоциативного поля понятия «мигрант», свидетельство пусть еще не в полной мере толерантного отношения к представителям других национальностей, но уже попытки осознать и понять обладателей неславянской внешности, другого цвета кожи и с другим разрезом глаз, носителей других культур и вероисповеданий.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

На основе анализа результатов САЭ и их сопоставления с метафорическими моделями, репрезентирующими миграцию в дискурсе российских печатных СМИ, можно сделать следующие выводы.

1. Результаты свободного ассоциативного эксперимента открывают доступ к индивидуальному и «коллективному» языковому сознанию. На основании реакций, составляющих ассоциативное поле понятий, можно судить о характере отношения к мигрантам и миграции.

2. Реакции, формирующие ядерную зону, зоны ближней и дальней периферий ассоциативного поля *мигрант*, фиксируют наиболее устойчивые связи ментальных образований, вербализованных лексемой *мигрант*, с другими понятиями и отражают доминантные смыслы, существующие в сознании россиян относительно явления миграции. Ядро ассоциативного поля состоит из нейтральной зооморфной метафорической ассоциации *перелетные птицы* (65/609). В целом, на уровне ядра и ближней и дальней периферий наблюдается подчеркнутое гуманистическое отношение к приезжим; этнизация ассоциативного поля посредством прямых наименований представителей других национальностей или их искаженных жаргонных форм, а также через оппозицию СВОЙ – ЧУЖОЙ; зооморфизм, создающийся посредством зооморфных метафорических ассоциаций; экономическая составляющая ассоциативного поля; частичная милитаризация и криминализация образа мигранта.

Таким образом, преобладание носителей нейтральной характеристики понятия «мигрант» (373/609 (61,3%)) и наличие реакций с положительной коннотацией (45/609 (7,4%)) (ср.: ассоциаций с отрицательной коннотацией – 191/609 (31,3%)) позволяет сделать вывод о том, что на уровне ядра, зон ближней и дальней периферий доминирует, условно обозначенное нами, нейтральное/равнодушное/терпимое отношение к явлению миграции.

3. Периферийные ассоциативные реакции актуализируют структуру ядра значения, являясь отражением глубоко индивидуальных, периферических для психологического значения ассоциаций. Единичные реакции значительно усложняют структуру понятия «мигрант» в языковом сознании постоянного населения России. Специфика зоны периферии ассоциативного поля *мигрант* заключается в следующих моментах: зооморфизм; этнизация; гуманизация; экономическая составляющая; милитаризация; криминализация; единичные гидронимная, морбиальная, фитоморфная метафорические ассоциации; реакция-метафора неживой природы; ассоциации, являющиеся отражением влияния современных СМИ; актуализация общекультурных знаний; привлечение сугубо личного опыта для характеристики понятия «мигрант».

Таким образом, преобладание на периферии ассоциативного поля понятия «мигрант» реакций, нейтрально его характеризующих (80/609), а также наличие нескольких ассоциаций с положительной коннотацией (12/609) (ср.: ассоциаций с отрицательной коннотацией – 65/609) позволяет нам говорить о доминировании нейтрального/равнодушного/терпимого отношения российских респондентов к явлению миграции.

4. Метафорические характеристики, возникшие как реакции на понятие «мигрант» ходе САЭ, позволили нам применить для их систематизации метафорическое моделирование. В результате, в данных САЭ представлены метафоры 12 метафорических моделей. Доминирующей, высокочастотной (132/301 (44%)) и продуктивной (4 фрейма/ 3 слота) оказалась зооморфная модель, половину метафор которой составляет ядро ассоциативного поля понятия «мигрант». Показатели остальных метафорических моделей по сферам-источникам, частотности и степеням продуктивности представлены в третьем параграфе данной главы. В целом, нейтральных метафорических реакций в рамках выявленных моделей – 174/301 (57,8%), с положительным полюсом оценки – 14/301 (4,7%), с отрицательным – 113/301 (37,5%).

5. Наличие метафорических моделей в данных САЭ позволило сравнить их с метафорическими моделями, представляющими миграцию в текстах российских СМИ. Сопоставительный анализ показал, что общим для реакций САЭ и дискурса СМИ является этническая составляющая характеристик, использующихся для нейтрального определения миграции или с отрицательным полюсом оценки.

Практически не востребуемыми для респондентов САЭ оказались образы продуктивных и высокочастотных, обладающих негативным прагматическим потенциалом в дискурсе СМИ, военной, криминальной и гидронимной метафорических моделей.

Наиболее актуальной для участников САЭ стала зооморфная метафора, как с положительным, так и отрицательным полюсами оценки, что не характерно для дискурса СМИ о миграции, где зооморфная метафорическая модель – среднепродуктивная, низкочастотная, обладающая позитивным прагматическим потенциалом.

6. Значительная часть метафорических моделей, функционирующих в СМИ, обладает негативным прагматическим потенциалом (военная, криминальная, гидронимная, этническая и частично экономическая). Более половины (373/609 (61,3%)) реакций, полученных в САЭ, являются нейтральными, а часть из них – с положительным полюсом оценки понятия «мигрант» (45/609 (7,4%)), лишь треть ассоциаций имеют отрицательные коннотации (191/609 (31,3%)). Поэтому образ миграции, создаваемый в дискурсе СМИ, можно условно оценить как отрицательный; тогда как анализ результатов САЭ показал в целом нейтральное/равнодушное/терпимое отношение респондентов к мигрантам.

СМИ влияют на формирование восприятия мигрантов, но не всегда отрицательные коннотации находят отражение в языковом сознании: обозначенные ассоциации, возникшие под влиянием СМИ, находятся на периферии ассоциативного поля понятия «мигрант».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщением полученных в настоящей диссертации результатов исследования метафор, репрезентирующих миграцию в дискурсе российских печатных СМИ и в данных психолингвистического эксперимента, являются следующие положения.

Когнитивная лингвистика – одно из ведущих направлений в рамках лингвистической науки, зародившейся в конце XX века. Когнитивная лингвистика выходит за рамки привычного понимания языка как средства коммуникации, концентрируясь тем самым на тесной связи языковых и ментальных процессов, на способах восприятия, мышления, хранения информации. В рамках когнитивистики метафора рассматривается как способ мышления, концептуализации и категоризации окружающей действительности, создающий целостную языковую картину мира. Психолингвистика же, как еще одно направление в рамках антропоцентрической парадигмы, открывает доступ к сознанию носителей языка, поскольку призвана изучать человеческое измерение языка и речи, и роль языка в структурировании мира. Понимание метафоры в рамках психолингвистики состоит в том, что метафора – это «единица картины мира».

Метафорической основой мировидения является сам человек, его опыт, социальная среда и деятельность в процессе бытия. Осознавая себя мерой всего существующего, человек создает антропоцентрический порядок вещей, что составляет основу принципа антропометричности, на котором базируются процессы метафоризации. Таким образом, метафорические модели, функционирующие в различных видах современного дискурса, являются отражением как личного опыта человека, так и целой общности людей, как носителей языка.

Общий подход в рамках когнитивистики и психолингвистики к пониманию языка как «условия, орудия и результата познания окружающей действительности» [Маслова 2004: 9]; а также определение метафоры в когни-

тивной лингвистике как основной ментальной операции, способа познания, структурирования, оценки и объяснения мира, и в психолингвистике как «единицы картины мира» позволяют использовать теорию метафорического моделирования к анализу языковых фактов, репрезентирующих миграцию в дискурсе российских СМИ и в данных психолингвистического эксперимента.

Миграция является актуальной для российской действительности, и, следовательно, одной из популярных тем, обсуждаемых в СМИ. Проведенное исследование метафорических моделей, представляющих миграцию в российском медиа-дискурсе, показало, что в отечественном дискурсе СМИ о миграции регулярно функционируют восемь метафорических моделей: милитарная, криминальная, этническая, гидронимная, экономическая, зооморфная, морбиальная и физиологическая.

Наиболее актуальными для рассматриваемого дискурса и, следовательно, продуктивными и высокочастотными являются милитарная, криминальная, этническая и гидронимная метафорические модели. Среднечастотная метафорическая модель – экономическая – наряду с зооморфной – оказавшаяся также среднепродуктивной. Несмотря на относительную структурированность, зооморфная модель в рамках рассматриваемого дискурса нечастотна. Малопродуктивными и нечастотными являются морбиальная и физиологическая метафорические модели.

Образы доминантной *милитарной* метафорической модели объединяются концептуальными векторами тревожности и агрессивности; обладают негативным прагматическим потенциалом.

Метафоры *криминальной* модели имеют два полюса оценки миграции. С одной стороны, с помощью «криминальной» метафорики образно осмысляются чиновники, милиционеры, работодатели, рядовые граждане российского общества, по мнению СМИ, объединяющиеся в преступные сообщества с целью совершения в отношении мигрантов действий криминального характера. С другой стороны, посредством использования метафорических словоупотреблений со сферой-источником «Криминал» создается устойчивый

образ этнического криминала, мигранта-преступника. Кроме этого, на уровне метафор, относящихся к фрейму «Рабство», реализуется положительный характер эмоционального воздействия на потенциального адресата, так как образ *мигранта-раба* призван привлечь внимание общественности к систематическому ущемлению прав приезжих.

В рамках *гидронимной* метафорической модели миграция представляется через посредство ставшего уже традиционным для ее описания образа водной стихии. Для данной модели характерно преобладание негативного прагматического потенциала в составляющих ее контекстах.

Метафоры *этнической* модели рассматривались нами в рамках лингвокультурологической категории СВОЙ – ЧУЖОЙ. Акцентирование в СМИ внимания на представителях некоторых национальностей (таджиков, азербайджанцев, грузин, китайцев и др.) отрицательным образом воздействует на российскую аудиторию – возникает неприязнь к людям *неправильной внешности, обладателям неславянского имени, носителям чужеродной культуры*. Образы оценки миграции, возникающие как на уровне контекстов, так и на уровне отдельных лексем, – со знаком «минус» для мигрантов. Представление в СМИ мигранта в качестве ЧУЖОГО априори ставит приезжих в позицию «врага», угрожающего национальной идентичности «титულიной нации».

Образы, возникающие на уровне *экономической* метафорической модели, создают неоднозначные смыслы: во-первых, миграция репрезентируется в СМИ как положительный фактор влияния на экономику России; во-вторых, обладая некоторыми преимуществами перед постоянными жителями страны, мигранты создают конкуренцию на рынке труда, что негативным образом сказывается на их восприятии россиянами; наконец, сам факт того, что мигрант метафорически представляется в дискурсе средств массовой информации в виде товара, дискриминирует иностранцев в глазах общественности. Модель обладает негативным прагматическим потенциалом.

Зооморфная метафорическая модель, вопреки нашим первоначальным предположениям, практически не включает в себя буквальных наименований мигрантов по названиям животных и, в целом, обладает позитивным характером эмоционального воздействия на адресата, поскольку мигрант в дискурсе печатных СМИ регулярно предстает в образе *зверя*, загнанного *охотниками-чиновниками* (милицией/ нацистами/ «коренными» жителями).

Антропоморфные метафоры, представленные в дискурсе СМИ о миграции **морбиальной** и **физиологической** метафорическими моделями, выявляют следующие смыслы: с одной стороны, Россия – это *организм*, жизненные силы которого поддерживают мигранты, метафорически осмысляемые как *пища*, *руки*, *донорская кровь* и *скорая помощь*; с другой стороны, миграция является причиной появления психических заболеваний членов российского общества (*ксенофобия*, *мигрантофобия*, *антимиграционная истерия*). В целом, метафоры морбиальной и физиологической моделей не нагружены негативными коннотациями, так как миграция репрезентируется в качестве важного элемента для некоторых сфер российской действительности.

В целом, анализ языкового материала показал, что в российском печатном дискурсе СМИ (2000 – 2010 гг.) складывается неоднозначный метафорический образ миграции. В большей степени оказываются востребованными конфликтные, агрессивно воздействующие метафоры войны, криминала и водной стихии, являющиеся, по сути, метафорами дискриминации представителей некоторых национальностей, а также негативные образы представителей некоторых национальностей, возникающие в рамках этнической модели. Пристальное внимание СМИ обращено на трудовую и нелегальную миграцию: именно данные категории мигрантов получают метафорическое осмысление.

С целью выявления объективности освещения темы миграции в СМИ в рамках диссертационного исследования был проведен психолингвистический эксперимент. Выбор одной из психолингвистических методик обусловлен тем, что результаты свободного ассоциативного эксперимента открывают

доступ к индивидуальному и «коллективному» языковому сознанию. На основании реакций, составляющих ассоциативное поле понятий, можно судить о характере отношения к объектам действительности, которые эти понятия обозначают.

В качестве слова-стимула российским респондентам (609 человек) было предложено понятие «*мигрант*». Реакции, формирующие ядерную зону, зоны ближней и дальней периферий ассоциативного поля *мигрант*, фиксируют наиболее устойчивые связи ментальных образований, вербализованных лексемой *мигрант*, с другими понятиями и отражают доминантные смыслы, существующие в сознании россиян относительно явления миграции. Ядро ассоциативного поля состоит из нейтральной зооморфной метафорической ассоциации *перелетные птицы* (65/609). В целом, на уровне ядра и ближней и дальней периферий наблюдается подчеркнутое гуманистическое отношение к приезжим; этнизация ассоциативного поля посредством прямых наименований представителей других национальностей или их искаженных жаргонных форм, а также через оппозицию «свой» – «чужой»; зооморфизм, создающийся посредством зооморфных метафорических ассоциаций; экономическая составляющая ассоциативного поля; милитаризация и криминализация образа мигранта.

Таким образом, преобладание носителей нейтральной характеристики понятия «мигрант» (293/609) и наличие реакций с положительной коннотацией (24/609) (ср.: ассоциаций с отрицательной коннотацией – 129/609) позволяет сделать вывод о том, что на уровне ядра, зон ближней и дальней периферий доминирует, условно обозначенное нами, нейтральное/равнодушное/терпимое отношение к явлению миграции.

Ассоциативные реакции крайней периферии актуализируют структуру ядра значения, являясь отражением глубоко индивидуальных, периферических для психологического значения ассоциаций. Единичные реакции значительно усложняют структуру понятия «мигрант» в языковом сознании постоянного населения России. Специфика зоны периферии ассоциативного поля

мигрант заключается в следующих моментах: зооморфизм; этнизация; гуманизация; экономическая составляющая; милитаризация; криминализация; единичные гидронимная, морбиальная, фитоморфная метафорические ассоциации; реакция-метафора неживой природы; ассоциации, являющиеся отражением влияния современных СМИ; актуализация общекультурных знаний; привлечение сугубо личного опыта для характеристики понятия «*мигрант*».

Таким образом, преобладание на периферии ассоциативного поля понятия «*мигрант*» реакций, нейтрально его характеризующих (80/609), а также наличие нескольких ассоциаций с положительной коннотацией (15/609) (ср.: ассоциаций с отрицательной коннотацией – 69/609) позволяет нам говорить о доминировании нейтрального/равнодушного/терпимого отношения российских респондентов к явлению миграции.

Метафорические характеристики, возникшие как реакции на понятие «*мигрант*» ходе САЭ, позволили нам применить для их систематизации метафорическое моделирование. В результате, в данных САЭ представлены метафоры 12 метафорических моделей. Доминирующей, высокочастотной (132/301 (44%)) и продуктивной (4 фрейма/ 3 слота) оказалась зооморфная модель, половина метафор которой составляет ядро ассоциативного поля понятия «*мигрант*» (*перелетные птицы* (65/132)). Показатели остальных метафорических моделей по сферам-источникам, частотности и степеням продуктивности представлены в третьем параграфе данной главы. В целом, нейтральных метафорических реакций в рамках выявленных моделей – 174/301 (57,8%), с положительным полюсом оценки – 14/301 (4,7%), с отрицательным – 113/301 (37,5%).

Наличие метафорических моделей в данных САЭ позволили сравнить их с метафорическими моделями, представляющими миграцию в текстах российских СМИ. Сопоставительный анализ показал, что общим для реакций САЭ и дискурса СМИ является этническая составляющая характеристик, ис-

пользующихся для нейтрального определения миграции или с отрицательным полюсом оценки.

Преобладающая часть метафорических моделей, функционирующих в СМИ, обладает негативным прагматическим потенциалом (милитарная, криминальная, гидронимная, этническая и частично экономическая). Более половины (373/609 (61,3%)) реакций, полученных в САЭ, являются нейтральными, а часть из них – с положительным полюсом оценки понятия «мигрант» (45/609 (7,4%)), лишь треть ассоциаций имеют отрицательные коннотации (191/609 (31,3%)). Поэтому образ миграции, создаваемый в дискурсе СМИ, можно условно оценить как отрицательный; тогда как анализ результатов САЭ показал в целом нейтральное/равнодушное/терпимое отношение респондентов к мигрантам

Для СМИ актуальны трудовые и нелегальные мигранты, для респондентов важна такая составляющая процесса миграции как перемещение в пространстве.

СМИ влияют на формирование восприятия мигрантов, но не всегда отрицательные коннотации находят отражение в языковом сознании: обозначенные ассоциации, возникшие под влиянием СМИ, находятся на периферии ассоциативного поля понятия «мигрант».

В настоящей диссертации рассмотрены далеко не все вопросы, связанные с анализом метафорического моделирования миграции в дискурсе СМИ и в рамках психолингвистики и представляющие интерес для специалистов в области когнитивной лингвистики и теории метафорического моделирования действительности. К перспективам дальнейшего исследования мы относим следующие направления:

– сопоставительное изучение метафорической репрезентации миграции дискурса СМИ разных стран. Такие исследования позволят обосновать существование метафорических универсалий или, напротив, уникалий на языковом и когнитивном уровне (определение данных универсалий становится одной из главных задач современных общих метафорологических исследова-

ний), подобные исследования способны выявить лингвокультурные особенности национальных концептуальных картин мира, определить специфику восприятия и метафорической репрезентации миграции носителями разных языков. Значительные культурные отличия вероятны, поскольку для разных стран характерны различные типы мигрантов, у каждой страны своя история и политика в отношении миграции;

- более глубокое изучение ассоциативно-смыслового поля понятия «мигрант»: проведение с этой целью направленного ассоциативного эксперимента для выявления социального, возрастного, гендерного своеобразия исследуемого понятия;

- расширение сферы применения метафорического моделирования в рамках психолингвистики посредством анализа языковых фактов, полученных в ходе различных видов психолингвистического эксперимента;

- сопоставление метафор, функционирующих в нацистском дискурсе, с метафорами дискурса СМИ;

- исследование проблемы соотношения вербальной и невербальной объективации концептуальных метафор в дискурсе СМИ, посвященном миграции: интересным представляется изучение карикатурных образов мигрантов, функционирующих в СМИ.

Дальнейшее развитие когнитивной лингвистики, теории метафорического моделирования и психолингвистики откроет новые перспективы, актуальные темы и проблемы, предоставит возможность развить и исследовать положения, обозначенные в данной работе.

Список литературы

1. Алексеева, Л. М. Термин и метафора [Текст] / Л. М. Алексеева. – Пермь, 1998.
2. Алексеева, Л. М. Метафоры, которые мы выбираем (опыт описания индивидуальной концептосферы) [Текст] / Л. М. Алексеева // С любовью к языку. Сборник научных трудов. Посвящается Е. С. Кубряковой. – М.; Воронеж: ИЯ РАН, Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 288 – 298.
3. Алефиренко, Н. Ф. Значение и концепт [Текст] / Н. Ф. Алефиренко // Спорные проблемы семантики. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 59 – 67.
4. Антонова, Ю. А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклики на террористический акт) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Антонова. – Екатеринбург, 2007. – 184 с.
5. Апресян, Ю. Д. О регулярной многозначности [Текст] / Ю. Д. Апресян // Известия АН СССР, Серия литературы и языка. – 1971. – № 6.
6. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика [Текст] / Ю. Д. Апресян // Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
7. Апресян, В. Ю., Апресян, Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций [Текст] / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27 – 35.
8. Апресян, Ю. Д. Сокральные смыслы: Слово. Текст. Культура [Текст] / Ю. Д. Апресян // Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 880 с.
9. Арутюнова, М. Г. Отдаленные последствия принудительных миграций на примере народов Северного Кавказа // http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/kavkaz/m_kavkaz03.php
10. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс [Текст] / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой // Теория метафоры. Сборник научных трудов. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.

11. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
12. Баранов, А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры [Текст] / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов // Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – С. 184 – 193.
13. Баранов, А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга [Текст] / А. Н. Баранов // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – С. 394 – 400.
14. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст] / А. Н. Баранов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
15. Баранов, А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей [Текст] / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73–94.
16. Беликов, С. В. Скинхеды в России [Текст] / С. В. Беликов. – М., 2005. С. 52 – 53.
17. Белошাপкова, Т. В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке [Текст] / Т. В. Белошاپкова. – М.: КомКнига, 2007. – 336 с.
18. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
19. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов [Текст] / Э. Бенвенист. – М., 1995.
20. Блэк, М. Метафора [Текст] / М. Блэк // Теория метафоры : Сб. науч. ст. / Пер. под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153–172.
21. Бодуэн де Куртене, И. А. Избранные труды по общему языкознанию [Текст] / И. А. Бодуэн де Куртене. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т.1 – 391 с.

22. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии [Текст] / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. Изд. 2-е, стер. – 123 с.
23. Болдырев, Н. Н. Концептуальная основа языка [Текст] / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл.ред.сер. Е.С. Кубрякова, отв.ред.вып. Н. Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Рос. акад. наук, Учреждение Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина», Общерос. обществ. орг. «Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов». – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 25 – 77.
24. Борботько, В. Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения) [Текст]: автореф. дис. ...д-ра филол. наук / В. Г. Борботько. – Краснодар, 1998. – 48 с.
25. Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике [Текст] / В. Г. Борботько. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
26. Боярских, О. С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004 – 2007 гг.) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / О. С. Боярских. – Екатеринбург, 2008. – 233 с.
27. Будаев, Э. В. Метафорическое представление иммиграции в СМИ: анализ зарубежных исследований [Текст] / Э. В. Будаев // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 12 – 14 ноября 2007 / Урал. гос. пед. ун-т; Гл. ред. Игошев Б.М. – Екатеринбург, 2007. – С. 52 – 53.

28. Будаев, Э. В., Чудинов, А. П. Метафора в политическом интердискурсе [Текст] / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Монография. – Екатеринбург, 2006.
29. Будаев, Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации [Текст] / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Монография. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 248 с.
30. Будаев, Э. В. Метафора как способ представления политических знаний: современные направления исследования [Текст] / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: Сб. науч. трудов / РАН. Ин-т языкознания; Мин-во образ. и науки РФ. ТГУ им. Г.Р. Державина; Редкол.: Е.С. Кубрякова (отв. ред.), Позднякова Е.М. (зам. отв. ред.) и др. – М. – Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2007. – С. 129 – 144.
31. Будаев, Э. В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Э. В. Будаев. – Екатеринбург, 2006. – 232 с.
32. Вайс, Д. Животные в советской пропаганде: вербальные и графические стереотипы [Текст] / Д. Вайс // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2009. – № 27. – С. 39 – 47.
33. Васильева, Е. В. Концептуальная оппозиция ИНДИВИД – ГРУППА в языковой картине мира [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Васильева. – М., 2001. – 24 с.
34. Васильева, К. Новые известия. Пройти мимо. 5.09.07. www.jewish.ru
35. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / отв. ред. М. В. Пименова / З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. И. Карасик, А. А. Кретов, Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Вып. 4. – Кемерово : Комплекс «Графика», 2004. – 146 с.
36. Вежбицкая, А. Сравнение – градация – метафора [Текст] / А. Вежбицкая // Теория метафоры: Сб. науч. ст. / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 133 – 152.

37. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М., 1996. – С. 33 – 88.
38. Вершинина, Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Т. С. Вершинина. – Екатеринбург, 2002. – 207 с.
39. Виноградов, В. А. Вступительное слово при открытии круглого стола: когнитивная лингвистика сегодня [Текст] / В. А. Виноградов // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: Сб. науч. трудов / РАН. Ин-т языкознания; Мин-во образ. и науки РФ. ТГУ им. Г.Р. Державина; Редкол.: Е.С. Кубрякова (отв. ред.), Позднякова Е.М. (зам. отв. ред.) и др. – М. – Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2007. – С. 6 – 12.
40. Виноградов, С. И. Выразительные средства в парламентской речи [Текст] / С. И. Виноградов // Культура парламентской речи. – М., 1994.
41. Виноградова, Л. Н. Та вода, которая... (Признаки, определяющие магические свойства воды) [Текст] / Л. Н. Виноградова // Признаковое пространство культуры. – М., 2002. – С. 32 – 61.
42. Вовк, В. Н. Языковая метафора в художественной речи: Природа вторичной номинации [Текст] / В. Н. Вовк. – Киев, 1986.
43. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика [Текст] / Р. Водак. – Волгоград, 1997. – 139 с.
44. Волков, А. А. Филология и риторика массовой информации / А. А. Волков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 50–65.
45. Володина, М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание [Текст] / М. Н. Володина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 9 – 31.
46. Володина, М. Н. Язык СМИ – особый язык социального взаимодействия [Текст] / М. Н. Володина // Язык средств массовой информации: Учебное

- пособие по специализации. – В 2-х ч. – Часть 2. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 11 – 39.
47. Володина, М. Н. От редактора [Текст] / М. Н. Володина // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – С. 3 – 5.
48. Вольф, Е. М. Метафора и оценка [Текст] / Е. М. Вольф // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 52 – 65.
49. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт [Текст] / С. Г. Воркачев. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
50. Гаврилова, М. В. Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике [Текст] / М. В. Гаврилова. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003. – 42 с.
51. Гак, В. Г. Метафора: универсальное и специфическое [Текст] / В. Г. Гак. – М.: Наука, 1988. – С. 11 – 66.
52. Гак, В. Г. Язык как форма самовыражения народа [Текст] / В. Г. Гак // Язык как средство трансляции культуры. – М., 2000.
53. Горелов, И. Н., Седов, К. Ф. Основы психолингвистики: Учебное пособие [Текст] / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М., 1997. – 224 с.
54. Горошко, Е. И. Изучение вербальных ассоциаций на цвета [Текст] / Е. И. Горошко // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 291 – 313.
55. Горошко, Е. И. Специфика ассоциативного сознания некоторых групп русскоязычного населения Украины [Текст] / Е. И. Горошко // Языковое сознание формирование и функционирование. – Москва, 1998. – С. 186-200.
56. Григорьева, О. Н. Метафорическая избыточность в речи журналистов [Текст] / О. Н. Григорьева // Актуальные проблемы русского языка в электронных СМИ. – М., 2005.

57. Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография [Текст] / Т. А. Гридина. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – 214 с.
58. Гридина, Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. А. Гридина. – Москва, 1996а. – 45 с.
59. Гриценко, В. В. Роль индивидуальных различий в процессе адаптации вынужденных мигрантов [Текст] / В. В. Гриценко // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследования и практической работы. – М., 2001. – С. 112 – 138.
60. Гришаева, Л. И., Цурикова, Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации [Текст] / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – Воронеж, 2003.
61. Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса [Текст] / Д. Б. Гудков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. – М.: МГУ, 2003. – С. 141–161.
62. Гудков, Д. Б. Структура и функционирование прецедентных имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) [Текст] / Д. Б. Гудков // Вестник МГУ. – Сер. 9. – Филология. – 1994. – № 6. – С. 14–21.
63. Гумбольдт, фон В. Избранные труды по языкознанию. – 2-е изд. / пер. с нем. В. Г. Роллишвили [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2000. – 397 с.
64. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. ван Дейк // Пер. с англ., сост. В. В. Петрова; Под. ред. В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
65. Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века [Текст] / В. З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 239 – 320.

66. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17 – 33.
67. Демьянков, В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке [Текст] / В. З. Демьянков // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35 – 47.
68. Дмитриев, А. В., Пядухов, Г. А. Этнические группы мигрантов и конфликты в анклавных рынках труда [Текст] / А. В. Дмитриев, Г.А. Пядухов // Социологические исследования: Ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН, 2005. – № 8. – С. 90 – 100. // <http://www.ecsocman.edu.ru/socis/msg>
69. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). Изд. 2-е, стереотипное [Текст] / Т. Г. Добросклонская. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.
70. Енина, Л. В. Этническая интолерантность в отражении уральских газет [Текст] / Л. В. Енина // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 150 – 164.
71. Желтухина, М. Р. Масс-медиаальная коммуникация: языковое сознание – воздействие – суггестивность [Текст] / М. Р. Желтухина // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2003. – Вып. 24. – С. 13–28.
72. Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / М. Р. Желтухина. – М., 2004. – 691 с.
73. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации [Текст] / Н. И. Жинкин. – М.: Политиздат, 1982. – 156 с.
74. Залевская, А. А. К проблеме экспериментального исследования структуры ассоциативного поля [Текст] / А. А. Залевская // Материалы рабо-

- чего совещания по теме: «Человек как носитель языка». – Калинин, КГУ, 1975.
75. Залевская, А. А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека: Учеб. пособие [Текст] / А. А. Залевская. – Калинин, КГУ, 1977.
76. Залевская, А. А. Психолингвистический подход к исследованию связей между словами [Текст] / А. А. Залевская // Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. – Калинин, КГУ, 1973. – Т.3, Вып.1.
77. Залевская, А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта [Текст] / А. А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – С. 36 – 44.
78. Залевская, А. А. Текст и его понимание [Текст] / А. А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 177 с.
79. Залевская, А. А. Языковое сознание и описательная модель языка [Текст] / А. А. Залевская // Методология современной психолингвистики. – Москва – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 35 – 49.
80. Иссерс, О. С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу? [Текст] / О. С. Иссерс // Вестник Омского университета. – 1996. – Вып. 1. – С. 71 – 74.
81. Иссерс, О. С. Паша-«Мерседес», или речевая стратегия дискредитации [Текст] / О. С. Иссерс // Вестник Омского университета. – 1997. – Вып. 2. – С. 51 – 54.
82. Иссерс, О. С. Отражение этнически «чужого» в российской прессе [Текст] / О. С. Иссерс, М. Х. Рахимбергенова // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 12 – 14 ноября 2007 / Урал. гос. пед. ун-т; Гл. ред. Игошев Б.М. – Екатеринбург, 2007. – С. 118 – 120.

83. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 4-е, стереотипное [Текст] / О. С. Иссерс. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
84. Иссерс, О. С. Коммуникативный успех как прогнозируемая категория» [Текст] / О. С. Иссерс // Культурно-речевая ситуация в современной России, – Екатеринбург, 2000. – С. 293 – 294.
85. Кабаченко, Е. Г. Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Е.Г. Кабаченко. – Екатеринбург, 2007. – 240 с.
86. Кабаченко, Е. Г. Метафорический портрет мигранта [Текст] / Е. Г. Кабаченко // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 12 – 14 ноября 2007 / Урал. гос. пед. ун-т; Гл. ред. Игошев Б.М. – Екатеринбург, 2007. – С. 107 – 108.
87. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
88. Карасик, В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов [Текст] / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов. Т. 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С.13 – 15.
89. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3 – 16.
90. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования [Текст] / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – С. 75 – 80.
91. Карасик, В. И. О категориях дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. – Волгоград – Саратов: Перемена, 1998. – С. 185 – 197.

92. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
93. Каслова, А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / А. А. Каслова. – Екатеринбург, 2003. – 208 с.
94. Кассирер, Э. Сила метафоры [Текст] / Э. Кассирер // Теория метафоры: сб. науч. ст. / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 33 – 43.
95. Кибрик, А. А. Когнитивные исследования по дискурсу [Текст] / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126 – 139.
96. Кибрик, А. А., Кобозева, И. М., Секерина, И. А. Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления [Текст] / А. А. Кибрик. – изд. 3-е. – М.: Едиториал УРСС, 2006. – 480 с.
97. Кобозева, М. В. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ [Текст] / М. В. Кобозева // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 100 – 115.
98. Кобозева, И. М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ [Текст] / И. М. Кобозева // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – С. 221 – 236.
99. Ковтунова, А. Н. Проектная деятельность как средство формирования рефлексивной готовности будущих специалистов по социальной работе с мигрантами [Текст]: дис. ... канд. педагог. наук / А. Н. Ковтунова. – Екатеринбург, 2006. – 177 с.
100. Колтышева, С. Я. Метафорическое моделирование образа шоу-бизнеса в российском и американском массмедийном дискурсе [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / С. Я. Колтышева. – Екатеринбург, 2009. – 241 с.

101. Кондратьева, О. Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов *душа, сердце, ум*) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Кондратьева. – Екатеринбург, 2004. – 204 с.
102. Костомаров, В. Г. Как тексты становятся прецедентными [Текст] / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73–76.
103. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе [Текст] / В. Г. Костомаров. – М.: Изд-во Московского университета, 1971. – 268 с.
104. Костомаров, В. Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века [Текст] / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. – СПб: Златоуст, 2001. – 72 с.
105. Красильникова, Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Красильникова. – Екатеринбург, 2005. – 208 с.
106. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В. В. Красных. – М.: ИТДК «Гнозис», 2003. – 375 с.
107. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций [Текст] / В. В. Красных. – М.: ИТДК «Гнозис», 2002. – 284 с.
108. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М., 1996.
109. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
110. Кубрякова, Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике [Текст] / Е. С. Кубрякова // Известия АН. – Сер. лит. и яз. – 1999. – Т. 58. – № 5–6. – С. 3–13.

111. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
112. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики [Текст] / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. – Сер. лит. и яз. – 2004. – Т. 63. – № 3. – С. 3–12.
113. Кубрякова, Е. С. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности [Текст] / Е. С. Кубрякова, Л. В. Цурикова // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – С. 183 – 209.
114. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: вместо введения [Текст] / Е. С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл.ред.сер. Е.С. Кубрякова, отв.ред.вып. Н. Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Рос. акад. наук, Учреждение Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина», Общерос. обществ. орг. «Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов». – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 11 – 24.
115. Лагута, О. Н. Метафорология : теоретические аспекты [Текст] / О. Н. Лагута. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2003. – Ч. I. – 114 с.; Ч. II. – 208 с.
116. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и предисл. А.Н. Баранова [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
117. Лассан, Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ [Текст] / Э. Лассан. – Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та, 1995. – 232 с.

118. Лассан, Э. О формах существования концептуальных метафор как индикаторах силы и бессилия общества [Текст] / Э. Лассан // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2010. – Вып. 1 (31). – С. 24 – 33.
119. Леонтьев, А. А. Психолингвистика [Текст] / А. А. Леонтьев. – М., 1967.
120. Леонтьев, А. А. Формы существования значений [Текст] / А. А. Леонтьев. – М.: Наука, 1983.
121. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики: Учебное пособие, - М., 1997. – 287 с.
122. Леонтьев, А. А. Личность, деятельность, образование [Текст] / А. А. Леонтьев // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 7 – 12.
123. Леонтьев, А. А. Психология воздействия в массовой коммуникации [Текст] / А. А. Леонтьев // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – С. 133 – 146.
124. Леонтьев, А. Н. Образ мира [Текст] / А. Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т II. – М.: Педагогика, 1983. – С. 251– 261.
125. Лурия, А. Р. Язык и сознание [Текст] / А. Р. Лурия. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 319 с.
126. Лурия, А. Р. Диагностика следов аффекта [Текст] / А. Р. Лурия // Психология эмоций. Тексты, М., 1984, с.с. 228-235.
127. Макаров, М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе [Текст] / М. Л. Макаров. – Тверь, 1998.
128. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса [Текст] / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
129. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса [Текст] / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

130. Манаенко, Г. Н. Координаты понятия «дискурс» [Текст] / Г. Н. Манаенко // Дискурс, концепт, жанр : коллективная монография / Отв. ред. М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. – С. 15 – 35.
131. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие [Текст] / В. А. Маслова. – Минск, 2004.
132. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / В. А. Маслова. – М.: Academia, 2001. – 208 с.
133. Метелев, С. Е. Международная трудовая миграция и нелегальная миграция в России [Текст] / С. Е. Метелев. – М., 2006. – С. 6 – 8.
134. Мигрант, мигранты... / Культура речи // Общественно-политическая Пятигорская правда. – № 12 7.02.2010. // www.pravda-kmv.ru
135. Миграции в России и за рубежом // http://community.livejournal.com/ru_migration/ 15.02.2010
136. Михайлова, О. А. Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания [Текст] / О. А. Михайлова // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 15 – 26.
137. Михайлова, Ю. Н. Язык вражды в отношении религиозных групп (по материалам СМИ) [Текст] / Ю. Н. Михайлова // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 12 – 14 ноября 2007 / Урал. гос. пед. ун-т; Гл. ред. Игошев Б.М. – Екатеринбург, 2007. – С. 125 – 126.
138. Мишланова, С. Л. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты): монография [Текст] / С.Л. Мишланова, Т.И. Уткина; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2008. – 428 с.

139. Москвин, В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. – 2-е изд., перераб. и доп. [Текст] / В. П. Москвин. – М. : ЛЕНАНД, 2006. – 184 с.
140. Нахимова, Е. А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах [Текст] / Е. А. Нахимова // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 13. – Екатеринбург: УрГПУ, 2004. – С. 166–174.
141. Неклюдов, С. Ю. Вещественные объекты и их свойства в фольклорной картине мира [Текст] / С. Ю. Неклюдов // Признаковое пространство культуры. – М., 2002. – С. 21 – 32.
142. Опарина, Е. О. Концептуальная метафора [Текст] / Е. О. Опарина // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 65 – 77.
143. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры: сб. науч. ст. / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С 68 – 81.
144. Паршин, П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века [Текст] / П. Б. Паршин // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 19 – 42.
145. Паутова, Л. А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения [Текст] / Л. А. Паутова // Социология. – М., 2007. – № 24. – С. 149 – 168.
146. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики: Учебное пособие [Текст] / В. Ф. Петренко. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1997 – 400с.
147. Петрова, Н. В. Текст и дискурс [Текст] / Н. В. Петрова // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 123–131.
148. Пименова, М.В. Душа и дух: особенности концептуализации [Текст] / М. В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – 386 с.
149. Покровская, Е. В. Газета в современной культурно-речевой ситуации [Текст] / Е. В. Покровская // Русская речь. – 2005. – № 5. – С. 69 –74.

150. Попова, З.Д. «Мы» и «Они» [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада: Т. 1. – Воронеж, 2000.
151. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2002. – 192 с.
152. Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. – 30 с.
153. Попова, Э. Ю. Лингвистические особенности преподавания русского языка детям-мигрантам [Текст] / Э. Ю. Попова // Русский язык: Человек. Культура. Коммуникация: Материалы международной научной конференции, Екатеринбург 2007. – Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ УПИ, 2008. – С. 110 – 115.
154. Потехня, А. А. Мысли и язык [Текст] / А. А. Потехня. – Харьков, 1982. – 228с.
155. Почепцов, Г. Г. Тоталитарный человек: очерки тоталитарного символизма и мифологии [Текст] / Г. Г. Почепцов. – Киев: Глобус, 1994. – 152 с.
156. Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учебное пособие [Текст] / Ю.Е. Прохоров. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 224 с.
157. Прудникова, Т. А. Международно-правовое регулирование трудовой миграции [Текст]: автореф. дис. ... канд. юр. наук / Т. А. Прудникова. – Москва, 2007.
158. Рахилина, Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики [Текст] / Е. В. Рахилина // Известия РАН. – Сер. лит. и яз. – 2000. – Т. 59. – № 3. – С. 3–15.
159. Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. (Очерки теории и методов исследования) [Текст] / Л. Л. Рыбаковский // Электронная библиотека социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // <http://lib.socio.msu.ru>

160. Ряпосова, А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999 – 2000 гг.)» [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / А. Б. Ряпосова. – Екатеринбург, 2002. – 201 с.
161. Сахарный, А. А. Введение в психолингвистику: Курс лекций [Текст] / А. А. Сахарный. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 184с.
162. «Свое» и «чужое»: Межкультурные коммуникации в полипарадигматическом аспекте. Коллектив. моногр. [Текст] / Под ред. Л. А. Шкатовой. – Челябинск, 2003. – 185 с.
163. Серио, П. О языке власти: критический анализ [Текст] / П. Серио // Философия языка: в границах и вне границ. Т. 1. – Харьков : Око, 1993. – С. 83 – 100.
164. Серио, П. Как читают тексты во Франции [Текст] / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио ; предисл. Ю. С. Степанова. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 2002. – С. 12–53.
165. Силантьев, И. В. Газета и роман: риторика дискурсных смещений [Текст] / И. В. Силантьев. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 224 с.
166. Складаревская, Г. Н. Метафора в системе языка [Текст] / Г. Н. Складаревская. – СПб: Наука, 1993. – 151 с.
167. Скребцова, Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики [Текст] / Послесл. Н. Л. Сухачева / Т. Г. Скребцова. – СПб.:, 2000. – 202 с.
168. Смелкова, З. С. Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты: Учебное пособие [Текст] / З. С. Смелкова, Л. В. Ассуирова, М. Р. Саввова, О. А. Сальникова. – М. : МПГУ, 2000. – 345 с.
169. Сметанина, С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) [Текст] / С. И. Сметанина. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 383 с.

170. Солганик, Г. Я. Публицистика как искусство слова [Текст] / Г. Я. Солганик // Поэтика публицистики. – М., 1990. – С. 3 – 9.
171. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс, Факт и Принцип, Причинности [Текст] / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 38 – 44.
172. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи [Текст] / И. А. Стернин. – Воронеж, 1985.
173. Сухорукова, О. Н. Конститутивные признаки массово-информационного дискурса / О. Н. Сухорукова // Вопросы гуманитарных наук. – 2004. – № 2. – С. 106 – 111.
174. Тарасов, Е. Ф. К построению теории межкультурного общения [Текст] / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 1998. – С. 30 – 34.
175. Телия, В. Н. Вторичная номинация и ее виды [Текст] / В. Н. Телия // Языковая номинация. Виды наименований. – М., 1977.
176. Телия, В. Н. Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках [Текст] / В. Н. Телия // Сб. статей РАН, Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 340 с.
177. Удовички, К. «Мобильность – это ключевой аспект человеческой свободы...» [Текст] / К. Удовички // Российская миграция: Информационно-аналитический журнал. № 7 – 8 (38 – 39) ноябрь – декабрь 2009.
178. Фаткабрарова, Ю. М. Слова – «хамелеоны» в языке СМИ [Текст] / Ю. М. Фаткабрарова // Русская речь. – 2007. – № 5. – С. 54–56.
179. Фомичева, И. Д. Социология СМИ [Текст] / И. Д. Фомичева. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 335 с.
180. Харченко, В. К. Функции метафоры: Учеб. пособие [Текст] / В. К. Харченко. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 96 с.

181. Цурикова, Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации [Текст] / Л. В. Цурикова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2002. – 257 с.
182. Ченки, А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях [Текст] / А. Ченки // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68 – 78.
183. Чернышева, Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России [Текст] / Т. В. Чернышева. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 296 с.
184. Чернявская, В. Е. От анализа текста к анализу дискурса : немецкая школа дискурсивного анализа [Текст] / В. Е. Чернявская // Филологические науки. – 2003. – № 3. – С. 68–76.
185. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: Учеб. пособие [Текст] / В. Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
186. Чудакова, Н. М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000 – 2004 гг.) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Чудакова. – Екатеринбург, 2005. – 218 с.
187. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): Монография [Текст] / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
188. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): Монография. – 2-е изд. [Текст] / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 238 с.
189. Чудинов, А. П. Политическая метафора как отражение политической толерантности / интолерантности [Текст] / А. П. Чудинов // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллектив-

- ная моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 323 – 345.
190. Шейгал, Е. И. Власть и коммуникация [Текст] / Е. И. Шейгал, И. С. Черватюк // Известия РАН. – 2005. – Т. 64. – №5. – С. 38-45.
191. Шехтман, Н. Г. Сопоставительное исследование театрально и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Шехтман. – Екатеринбург, 2006. – 227 с.
192. Шинкаренкова, М. Б. Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / М. Б. Шинкаренкова. – Екатеринбург, 2005. – 228 с.
193. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
194. Юдина, Т. Н. Международная миграция к началу XXI века: тенденции и проблемы [Текст] / Т. Н. Юдина // Ученые записки РГСУ. – 2003. – №6. – С. 89 – 96.
195. Юдина, Т. Н. Социология миграции: учебное пособие для вузов [Текст] / Т. Н. Юдина. – М.: Академический проект, 2006. – 272 с.
196. Языковое сознание: содержание и функционирование // XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 1 – 3 июня 2000 г. / Под ред. Е. Ф. Тарасова. – М., 2000. – 288с.
197. Berry, J. Acculturation and Adaptation in a New Society [Текст] / J. Berry // International Migration. – Vol. 30. – 1992.
198. El Refaie, E. Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers [Текст] / E. El Refaie // Journal of Sociolinguistics, 2001. Vol. 5. № 3.
199. Hardy, V. Metaphoric Myth in the Representation of Hispanics: A Thesis for the degree of Master of Arts [Текст]. Washington, 2003.

200. Johnson, E. Proposition 203: A Critical Metaphor Analysis [Текст] / E. Johnson // Bilingual Research Journal. 2005. Vol. 29. № 1.
201. O'Brien, G.V. Indigestible Food, Conquering Hordes, and Waste Materials: Metaphors of Immigrants and the Early Immigration Restriction Debate in the United States [Текст] / G.V. O'Brien // Metaphor and Symbol. 2003. Vol. 18. № 1.
202. Santa Ana, O. 'Like an animal I was treated': antiimmigrant metaphor in US public discourse [Текст] / O. Santa Ana // Discourse and Society. 1999. Vol. 10. № 2.
203. Valk, I. van der. Political Discourse on Ethnic Issues, a Comparison of the Right and the Extreme-Right in the Netherlands and France (1990-1997) [Текст] / I. van der Valk // <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/grenoble/ws14/valk.pdf> – 2001.

Словари и энциклопедии

1. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб.: «Норинт», 2000. – 720 с.
2. Большой толковый социологический словарь / Д. Дэвид, Дж. Джери. – 2001. – 343 с.
3. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
4. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. / Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
5. Краткая российская энциклопедия / сост. В. М. Карев. – М.: ОНИКС 21 в., 2003. – т. 2. – 512 с.
6. Краткий словарь по социологии / О. Голованов. – М., 2001. – 198 с.
7. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т.1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А.

Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

8. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т.2. От реакции к стимулу: Более 100 000 реакций / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 992 с.

9. Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. – М.: МГУ, 1977. – 192 с.

10. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.

11. Словарь терминов по социальной статистике. 3-е изд., доп. / М. Б. Перова, Е. В. Перов. – Вологда, ВоГТУ, 2003 / <http://voluntary.ru/dictionary>

12. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений – 4-е изд., дополненное / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

13. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Скляревской. – М.: Эксмо, 2006. – (Библиотека словарей). – 588 с.

14. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; Под ред. А. И. Молоткова. – 3-е стереотип. изд. – М.: Изд-во «Русский язык», 1978. – 543 с.

15. Wikipedia // <http://en.wikipedia.org/wiki>

Список источников языкового материала

Аргументы и факты

Время новостей

Газета.ru

Известия

Комсомольская правда

Новая газета

Правда

Российская газета

Труд

Электронные ресурсы

<http://www.migrations.ru>

<http://www.zarplata.ru>

<http://www.rusword.com.ua>

<http://www.onlinedics.ru/slovar/bes/r/rabstvo.html>

<http://www.rg.ru/2010/02/16/migr.html>

<http://www.levada.ru>

http://www.pedlib.ru/Books/4/0356/4_0356-5.shtml

<http://www.textology.ru/article.aspx?aId=74>

<http://www.medialaw.ru/selfreg/13/texts/101.htm>

Список сокращений

АиФ – Аргументы и факты

ВН – Время новостей

КП – Комсомольская правда

НГ – Новая газета

РГ – Российская газета

МЕ – метафорическая единица

САЭ – Свободный ассоциативный эксперимент

РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т.1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фе-

доров; Под ред. А. И. Молоткова. – 3-е стереотип. изд. – М.: Изд-во «Русский язык», 1978. – 543 с.

САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. – М.: МГУ, 1977. – 192 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складчиковой. – М.: Эксмо, 2006. – (Библиотека словарей). – 588 с.

БСРЖ – Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб.: «Норинт», 2000. – 720 с.

Приложение 1. Образец анкеты для участников свободного ассоциативного эксперимента

Напротив каждого слова напишите только одну, первую пришедшую на ум ассоциацию

1. весна

2. космонавт

3. жираф

4. любовь

5. мигрант

6. шкаф

7. учитель

8. окно

9. дерево

10. дом

**Приложение 2. Структура ассоциативного поля стимула «мигрант»
по данным САЭ**

Ядро	Ближняя периферия	Дальняя периферия	Крайняя периферия
<p><i>Перелетные птицы (65)</i></p>	<p><i>Человек (33), гастарбайтер (29), тараканы (21), беженец (18), иностранец (17), таджик (15), приезжий (14), хачик (12)</i></p>	<p><i>Китаец (9), переселенец (9), чурка (9), чужой (8), муравьи (7), работа (7), вещь (6), бомж (6), переезд (6), азербайджанец (5), животное (5), лицо кавказской национальности (5), нерусский (5), перекати-поле (5), приставучие (5), турист (5), бедные люди (4), гость (4), саранча (4), узбек (4), украинец (4), цыгане (4), черный (4), чужак (4), «Наша Russia» (3), деньги (3), кочевник (3), неприязнь (3), путешествие (3), путешественник (3), Равшан (3), строитель (3), Таганский ряд (3), трусы (3), айзер (2), армянин (2), бедный (2), бездомное животное (2), бескультурный (2), вокзал (2), граница (2), грязные (2), дешевая рабочая сила (2), ДПНИ (2), интерес (2), китаеза (2), крысы, бегущие с тонущего ко-</i></p>	<p><i>«Понаехаловск»; «Россия для русских»; Америка; архаровец; бедность; бездомная собачка; безысходность; большой здоровый мужик нерусской наружности; бомба, которая в один прекрасный момент взорвется; бородатые дядьки; будущее; ветер; виза; война; волна, накрывшая страну; вредители; вьетнамец; гастролер; глупый; голодная толпа; гости; грачи; гринкарта; грубость; гусеницы, которые потом становятся бабочками; Джамиут; дорога; дорожные сумки; достали; другая национальность; другие традиции и обычаи; евреи; единственный в мире пятнистый медведь; жалость; желтая макака; животные, которые бегут одну сторону при опасности; животные, которых травят; жизнь; за рубежом; заезжий; зарубежный; зарубежный цветок, который может стать украшением сада или его болезнью; инопланетяне; иностранный гражданин; иностранный язык; интересное; ишак; камень, упавший со скалы; карта; косяк журавлей; красивая жизнь; культура; лапша; лентяи; летучая мышь; лучшая жизнь; люди ближнего зарубежья; люди, которые ничего не знают о нашей стране; маленькая зарплата; маргинал; маршрутки; Маугли; Мексика; мечты; монголы; муравейник; мусорные баки, стоящие у 3 общежития; наглый; насекомое; нахал; нахлебник; нация; не наш; не такой как мы; невоспитанные; ненужный мусор; необразованный; непонятный, интересно узнать его ближе; несчастные люди; не-</i></p>

		<p><i>рабля (2), кукушки (2), некультурный (2), неместный (2), непонятный (2), оккупанты (2), перебежчик (2), предатель Родины (2), рабочие (2), рынок (2), самолет (2), страна (2), татаро-монгольское иго (2), чайки (2), человек из другой страны (2), человек, сбежавший из тюрьмы (2), чужие (2)</i></p>	<p><i>удачники; нечистые люди с проблемами; нигеры; нищета; новое; новые люди; обман; одинокие люди; оса; отвращение; пакостные; паразиты; переселение; перхоть; петух; пешки для политики; пиковые; писатели; плохие люди; плохое жилье; плохой; побег; поезд; покорять; полет; Понаехали тут!; попрошайки; поэты русского зарубежья; предмет, продающийся в комиссионном магазине; прибывший из-за границы; приход чего-то нового; проблемы; продавец на рынке; продавец обуви; пряности; птица, лишенная гнезда; рабовладелец; родственники соседей; рыбы, которые мечутся; сажка; своеобразие; свой язык, вера; скитальцы; слепые котята; сочувствие; странники; странный; стрекоза; студент; сумасшедшие; теплоход; теракт; термиты; терроризм; тетеньки в парандже; товар; торгош; торговля наркотиками; торжество; тупой; тучи небесные, вечные странники; тушканы; угольки; уроды; учеба; флаг; фрукты или овощи; халявщик; хочется жить хорошо; часы; человек другой национальности и цвета кожи; человек, ищущий лучшего в другой стране; чемодан; Черкизовский рынок; черножопый; чернокожий; чернорабочий; черный цвет; чужие люди; шакалы; шашлык; шестерка; эпидемия; этнические преступные группировки; южанин</i></p>
65 (10,7%)	159 (26%)	222 (36,5%)	163 (26,8%)

Приложение 3. Характер ассоциаций на стимул «мигрант»

Реакции с положительной коннотацией	Нейтральные реакции	Реакции с отрицательной коннотацией
<p><i>беженец (18); муравьи (7); бедные люди (4); бедный (2); бездомная собачка; безысходность; жалость; животные, которых травят; непонятный, интересно узнать его ближе; несчастные люди; одинокие люди; птица, лишенная гнезда; приход чего-то нового; скитальцы; странники; слепые котята; сочувствие; тучки небесные, вечные странники</i></p>	<p><i>перелетные птицы (65); человек (33); гастарбайтер (29); иностранец (17); таджик (15); приезжий (14); китаец (9); переселенец (9); работа (7); переезд (6); азербайджанец (5); лицо кавказской национальности (5); нерусский (5); перекачено поле (5); турист (5); гость (4); узбек (4); украинец (4); цыгане (4); «Наша Russia» (3); деньги (3); кочевник (3); путешествие (3); путешественник (3); Равшан (3); строитель (3); Таганский ряд (3); армянин (2); вокзал (2); граница (2); ДПНИ (2); интерес (2); неместный (2); непонятный (2); рабочие (2); рынок (2); самолет (2); страна (2); человек из другой страны (2); Америка; бедность; будущее; ветер; виза; вьетнамец; гости; грачи; гринкарта; гусеницы, которые потом становятся бабочками; Джамшут; дорога; дорожные сумки; другая национальность; другие традиции и обычаи; евреи; единственный в мире пятнистый медведь; жизнь; за рубежом; заезжий; зарубежный; зарубежный цветок, который может стать украшением сада или его болезнью; инопланетяне; иностранец; иностранный гражданин; иностранный язык; интересное; камень, упавший со скалы; карта; косяк журавлей; красивая жизнь; культура; лапша; летучая мышь; лучшая жизнь; люди</i></p>	<p><i>тараканы (21); хачик (12); чурка (9); чужой (8); вещь (6); бомж (6); животное (5); приставучие (5); саранча (4); черный (4); чужак (4); неприязнь (3); трусы (3); айзер (2); бездомное животное (2); бескультурный (2); грязные (2); дешевая рабочая сила (2); китаец (2); крысы, бегущие с тонущего корабля (2); кукушки (2); некультурный (2); оккупанты (2); перебежчик (2); предатель Родины (2); татаро-монгольское иго (2); чайки (2); человек, сбегавший из тюрьмы (2); чужие (2); «Понаехаловск»; «Россия для русских»; архаровец; большой здоровый мужик нерусской наружности; бомба, которая в один прекрасный момент взорвется; бородатые дядьки; война; волна, накрывшая страну; вредители; гастролер; глупый; голодная толпа; грубость; достали; желтая макака; животные, которые бегут в одну сторону при опасности; ишак; лентяи; маргиналы; мусорные баки, стоящие у 3 общежития; муравейник; наглый; насекомое; нахал; нахлебник; невоспитанные; ненужный мусор; необразованный; неудачники; нечистые люди с проблемами; нигеры; нищета; обман; отвращение; пакостные; паразиты; перхоть; пешки для политики; плохие люди; плохое жилье; плохой; побег; Понаехали тут!; попрошайки; предмет, продающийся в комиссионном</i></p>

	<p><i>ближнего зарубежья; люди, которые ничего не знают о нашей стране; маленькая зарплата; маршрутки; Маугли; Мексика; мечты; монголы; нация; не наши; не такой как мы;</i></p> <p><i>новое; новые люди; оса; переселение; пиковые; писатели; поезд; покорять; полет; поэты русского зарубежья; прибывший из-за границы; продавец на рынке; продавец обуви; пряности; родственники соседей; своеобразие; свой язык, вера; странный; стрекоза; студент; теплоход; тетеньки в парандже; товар; торжество; учеба; флаг; фрукты или овощи; хочется жить хорошо; часы; человек другой национальности и цвета кожи; человек, ищущий лучшего в другой стране; чемодан; Черкизовский рынок; шашлык; южанин</i></p>	<p><i>магазине; петух; проблемы; рабовладелец; рыбы, которые мечутся; сажка; сумасшедшие; теракт; термиты; терроризм; торгоаш; торговля наркотиками; тупой; тушканы; угольки; уроды; халявщик; черножопый; чернорабочий; черный цвет; чернокожий; чужие люди; шакалы; шестерка; эпидемия; этнические преступные группировки</i></p>	
Всего 609	45 (7,4%)	373 (61,3%)	191 (31,3%)

Приложение 4. Сопоставление результатов САЭ и метафорических моделей, репрезентирующих миграцию в текстах современных СМИ

Метафорическая модель	Продуктивность, частотность и прагматический потенциал метафор в текстах СМИ	Продуктивность, частотность и коннотативный потенциал метафорических ассоциаций
1. Милитарная метафорическая модель	1. Продуктивная (6 фреймов/7 слотов) и высокочастотная (378 МЕ/ 24,7%). Один полюс оценки – отрицательный. Образы объединяются концептуальными векторами тревожности и агрессивности, в них недвусмысленно отражается беспокойство за Россию: миграция репрезентируется как угроза, сам мигрант – как внешний враг, с которым необходимо бороться	1. Среднепродуктивная (4 фрейма) и низкочастотная (10 МЕ/ 3,3%). Один полюс оценки – отрицательный, возникающий лишь в зонах дальней и крайней периферий (<i>окупанты (2/609); бомба, которая в один прекрасный момент взорвется; война</i>)
2. Криминальная метафорическая модель	2. Продуктивная (5 фреймов/4 подфрейма/13 слотов) и высокочастотная (264 МЕ/ 17,3%). Два полюса оценки. С одной стороны, образно осмысляются чиновники, милиционеры, работодатели, рядовые граждане российского общества. С другой стороны, создается устойчивый образ этнического криминала, мигранта-преступника. Кроме этого, на уровне метафор, относящихся к фрейму «Рабство», реализуется положительный характер эмоционального воздействия на потенциального адресата, так как образ мигранта-раба призван привлечь внимание общественности к систематическому ущемлению прав приезжих	2. Непродуктивная и низкочастотная (9 МЕ/ 3%). Один полюс оценки – отрицательный, возникающий лишь в зонах дальней и крайней периферий (<i>человек, сбежавший из тюрьмы (2/609); терроризм, террор</i>)
3. Гидронимная метафорическая модель	3. Продуктивная (4 фрейма/8 слотов) и высокочастотная (252 МЕ/ 16,5%). Один полюс оценки – отрицательный. Преобладание негативного прагматическо-	3. Непродуктивная и низкочастотная (1 МЕ/ 0,3%). Один полюс оценки – отрицательный, реализующийся в единичной ассоциации <i>волна, накрывшая страну</i>

	го потенциала в составляющих ее контекстах. Концептуальные векторы тревожности, опасности, непредсказуемости и неуправляемости процесса миграции пронизывают рассмотренные примеры метафорических выражений	
4. Этническая метафорическая модель	4. Среднепродуктивная (4 фрейма) и высокочастотная (235 МЕ/ 15,4%). Один полюс оценки – отрицательный. акцентирование в СМИ внимания на представителях некоторых национальностей (таджиков, азербайджанцев, грузин, китайцев и др.) отрицательным образом воздействует на российскую аудиторию – возникает неприязнь к людям <i>неправильной внешности, обладателям неславянского имени, носителям чужеродной культуры</i> . Представление в СМИ мигранта в качестве ЧУЖОГО априори ставит приезжих в позицию «врага», угрожающего национальной идентичности «титупульной нации»	4. Продуктивная (3 фрейма/ 2 слота) и среднечастотная (48 МЕ/ 16%). Нейтральные ассоциации (23 МЕ) в зонах дальней и крайней периферий (<i>лицо кавказской национальности (5), нация</i> и др.); реакции с отрицательным полюсом оценки (25 МЕ) в зонах дальней и крайней периферий (<i>чужак (4), чужие люди</i> и др.)
5. Экономическая метафорическая модель	5. Среднепродуктивная (2 фрейма/7 слотов) и среднечастотная (163 МЕ/ 10,6%). Два полюса оценки. В-первых, миграция репрезентируется в СМИ как положительный фактор влияния на экономику России. Во-вторых, обладая некоторыми преимуществами перед постоянными жителями страны, мигранты создают конкуренцию на рынке труда, что негативным образом сказывается на их восприятие россиянами; наконец, сам факт того, что мигрант метафорически представляется в дискурсе средств мас-	5. Среднепродуктивная (2 фрейма) и среднечастотная (27 МЕ/ 9%). Нейтральные реакции (24 МЕ), возникающие в зоне дальней и крайней периферий: <i>продавец на рынке, продавец обуви, работа</i> и др. Реакции с отрицательной оценкой (3 МЕ) в зонах дальней и крайней периферий (<i>дешевая рабочая сила (2), торгаш</i>)

	совой информации в виде товара, дискриминирует иностранцев в глазах общественности	
6. Морбиальная метафорическая модель	6. Малопродуктивная (2 фрейма/3слота) и низкочастотная (98 МЕ/ 6,4%). Метафоры не нагружены негативными коннотациями, так как миграция репрезентируется в качестве важного элемента для некоторых сфер российской действительности	6. Непродуктивная и низкочастотная (1 МЕ/ 0,3%). Представлена единичной ассоциацией с отрицательной коннотацией – <i>эпидемия</i>
7. Зооморфная метафорическая модель	7. Среднепродуктивная (3 фрейма/4 слота/2 подслота) и низкочастотная (85 МЕ/ 5,5%). Один полюс оценки – положительный. Обладает позитивным характером эмоционального воздействия на адресата, поскольку мигрант репрезентируется в образе зверя, загнанного охотниками-чиновниками (милицией/ нацистами/ «коренными» жителями)	7. Продуктивная (4 фрейма/ 3 слота) и высокочастотная (132 МЕ/ 44%). Два полюса оценки – положительный (4 МЕ) и отрицательный (55 МЕ), реализующийся в зонах ближней, дальней и крайней периферий (<i>бездомная собачка; тараканы</i> (21 МЕ) и др.). Нейтральные реакции, возникающие на ядерном уровне (<i>перелетные птицы</i> (65МЕ)) и в зоне крайней периферии (<i>грачи, единственный в мире пятнистый медведь</i> и др.)
8. Физиологическая метафорическая модель	8. Низкопродуктивная (2 фрейма/3 слота) и низкочастотная (54 МЕ/ 3,5%). Метафоры не нагружены негативными коннотациями, так как миграция репрезентируется в качестве важного элемента для некоторых сфер российской действительности	8. Не представлена
9. Фитоморфная метафорическая модель	9. Не представлена	9. Непродуктивная и низкочастотная (1 МЕ/ 0,3%). Нейтральные ассоциация (зоны дальней и крайней периферий) – <i>перекати-поле</i> (5 МЕ) и <i>зарубежный цветок, который может стать украшением сада или его болезнью</i>
10. Метафоры неживой природы	10. Не представлена	10. Непродуктивная и низкочастотная (1 МЕ/ 0,3%). Единичная нейтральная ас-

		социация – <i>камень, упавший со скалы</i>
11. Театральная метафорическая модель	11. Не представлена	11. Непродуктивная и низкочастотная (1 МЕ/ 0,3%). Единичная ассоциация с отрицательной оценкой – <i>гастролер</i>
12. Предметная метафорическая модель	12. Представлена в рамках экономической метафорической модели, ср.: <i>мигрант – это товар</i> . Обладает негативным прагматическим потенциалом	12. Непродуктивная и низкочастотная (15 МЕ/ 4,9%). Один полюс оценки – отрицательный. Ассоциации зон дальней (<i>вещь</i> (6 МЕ)) и крайней (<i>товар, продающийся в комиссионном магазине</i> и др.) периферий
13. Пространственная метафорическая модель	13. Не представлена	13. Продуктивная (4 фрейма/ 4 слота) и среднечастотная (50 МЕ/ 16,6%). Один полюс оценки – положительный (3 МЕ) (<i>скитальцы</i>) и нейтральные ассоциации (47 МЕ) зон дальней (<i>переезд</i> (6 МЕ), <i>путешествие</i> (3 МЕ) и др.) и крайней (<i>чемодан, дорога</i> и др.) периферий